Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ №1 (35) 2015

Литературные встречи

Фото Галины Першиной

Словесница Искусств

№ 1 (35)
2015

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор	Елена Викторовна ГЛЕБОВА
Художественный редактор	Галина Ивановна ПЕРШИНА
Корреспондент	Янина Аркадьевна КУЗИНА
Выпускающий редактор	Наталия Васильевна РОДИНА
Интернет-версия журнала	Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Глебова Елена Викторовна
главный редактор журнала «Словесница Искусств»
Федосеев Олег Александрович
(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)
Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ27-0025 от 7 декабря 2011 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Хабаровскому краю и ЕАО
Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).
КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края (680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).
Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес издателя и редакции:
680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а
Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru
www.slovoart.ru, http://словесницаискусств.рф
www.fkhv.ru

Отпечатано в ОАО «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31
Тираж 750 экз.
Выход в свет – 15 июня 2015
Цена свободная

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки:
Владимир Евтушенко.
Иван Федоров. 1972
Медь, травление. 470 х 330. Собственность автора

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

2 Елена ГЛЕБОВА. ***В море словесности***

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

4 Владимир СОКОЛОВ-ЛЕРМОНТОВ. ***Устье большой реки***

12 Елена ГЛЕБОВА. ***Подвижники нужны как солнце***
Остров Сахалин Антона ЧЕХОВА

16 Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ.
Что читали хабаровчане в 1895 году

22 Татьяна КИРПИЧЕНКО.
Авантюрный роман об Амурской Калифорнии

26 Любовь КРИВЧЕНКО. ***Ликвидатор неграмотности, журналист и писатель.***
К 100-летию со дня рождения А.Л. ВАЛЬДЮ

32 Наталья ПОЗИНА. ***Размышляя о причине веры.***
Дневниковая проза Вс.Н. ИВАНОВА

34 Янина КУЗИНА. ***Людмила МИЛАНИЧ: «Это время – мое»***

38 Елена НИКИШИНА. «***Сумел оморочку на Пегаса обменять...»***
К 90-летию со дня рождения Андрея ПАССАРА

42 Виктория ШИШКИНА.
Книги глазами художника Виктора АНТОНОВА

46 Любовь ТИХОВСКАЯ. ***Человек, построивший город***

47 Геннадий ХЛЕБНИКОВ. ***Возвращение к истине***

50 Сергей КОПЫТИН. ***«Люди перестают мыслить, когда перестают читать»***

53 Елена КУЗНЕЦОВА. ***Край читающих детей***

56 Елена ГЛАДКАЯ. ***Визуальное осмысление вечной книги***

62 Ольга ПРИВАЛОВА. ***Овидий. Философия любви в рисунках Игоря ГРАБОВСКОГО***

65 Валентина КАТЕРИНИЧ.
«***Эдип тиран» Александра МЕЩЕРЯКОВА***

69 Людмила УСЕНКО. ***Счастливый человек Николай УСЕНКО***

74 Евгений КОХАН, Константин БЕЛЬДЫ.
Посвящается Великой Победе

75 Александра ЗАГОРУЛЬКО. ***Три сына*** *(быль)*

76 Елена ГЛЕБОВА. ***Сила печатного слова***

77 Виктор КВАШИН. ***Хозяин тайги***

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

КОЛЛЕКЦИИ

84 Наталия СТАРУН. ***Мафорий Богородицы. Сакральные смыслы***

МУЗЕИ

90 Андрей МАЛЯВИН. ***Подземье: страна древности***

96 Марина ИЗМАЙЛОВА. ***Люди Амура в современном мире***

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

100 Янина КУЗИНА. ***Торжествуя победу жизни***

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ВЕХИ

104 Нина ДУБИНИНА. ***Графу Муравьеву-Амурскому – от сына декабриста Волконского***

ЛЕТОПИСЬ

112 Любовь КРИВЧЕНКО. «***Ты далеко...»*** *Письма с фронта*

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

75 ЛЕТ КНОТОК

118 Варвара ДАНИЛОВА. ***Жизнь и творчество.***

124 Ирина ТАРАСОВА. ***Амурский славянский дух***

127 Надежда КИМОНКО. ***Пока жива традиция***

ФЕСТИВАЛИ

134 Анна МОРОЗОВА. ***Традиции «Амурских волн»***

ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

136 Игорь СИМОНОВ. ***Вернисажи «Камчатки».***

143 **АВТОРЫ**

В море словесности

Если кратко о сегодняшнем литературном пространстве, лучшим сравнением будет море. Бескрайность и безграничность бумажных, аудио-, электронных книг, которые с наслаждением можно листать, слушать или одним кликом отыскивать в глубинах интернета. Давно миновали времена самиздата середины XX века – параллельной реальности по отношению к официальной советской литературе. Сегодня это уже часть политической истории России, а рукописные источники называют авторской книгой. Художник собственноручно делает бумагу, наносит на нее текст, соединяет особым образом страницы, но это уже из области художественной.

К счастью, ушел в прошлое и «книжный дефицит», когда заветные тома приобретались только после сдачи нескольких килограммов макулатуры либо при счастливом стечении обстоятельств. Кто-то скажет, что доступная книга утратила притягательность, и мы утратили позиции самой читающей нации. Но были ли мы таковыми, не очередной ли это миф о самой-самой стране? Думается, всегда существовало равновесие между любителями серьезного и развлекательного, между читающими запоем и теми, кто находил другие занятия. И это нормально. А литература, книга никогда не уйдут из нашей жизни, потому что составляют важную ее часть, о чем почти два столетия назад написал Виссарион Белинский: «Словесность, письменность и литература суть три главные периода в истории народного сознания, выражающегося в слове».

2015 год объявлен Годом литературы. По грустной иронии именно на него пришелся экономический кризис, ударив по самой уязвимой сфере нашей жизни – культуре. Непростой период наступил в книжных издательствах, в средствах массовой информации, и чем все закончится – покажет время. Но литературные встречи на страницах очередного выпуска журнала, в чьем имени «словесность», все же состоялись. Несмотря ни на что.

Елена ГЛЕБОВА

Виктор Антонов. Фрагмент картины «Александр Пушкин»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Герб рода Лермонтовых

Устье большой реки

400 лет рода Лермонтовых в России

Владимир СОКОЛОВ-ЛЕРМОНТОВ

На исходе минувшего года Россия отметила 200-летие со дня рождения своего великого поэта М.Ю. Лермонтова. В дни юбилейных торжеств особенно остро ощущалась потребность в приближении к его творчеству – такому знакомому и так мало изученному, к его почти непонятой личности, ко всему, что с ним связано. Раскрыть культурный код наследия поэта и войти таким образом в пространство нашей культуры мы можем через людей, которым выпало стать ключами, открывающими нам входы, звеньями, восстанавливающими разорванную связь времен, скрепляющими в единое целое прошлое, настоящее и будущее нашей культуры.

Портрет М.Ю. Лермонтова. Художник П.Е. Заболотский

14 мая 2012 года окончила свой земной путь Ирина Владимировна Лермонтова – внучатая племянница М.Ю. Лермонтова и самая старшая из потомков лермонтовского рода. Уникальность ее личности и пройденного ею жизненного пути определялась не только принадлежностью к роду поэта. Вся ее жизнь была примером преодоления переживаемого нами сегодня трагического разлома – духовного, культурного, государственного, исторического. По своему рождению Ирина Владимировна принадлежала к родам, давшим России и Европе выдающихся правителей, великих государственных деятелей, философов, воинов, поэтов, ученых, святых – словом, тех, чьи имена сегодня составляют славу нашего Отечества. Поэтому рассказ о ней – это одновременно и рассказ об истории России, о судьбах ее культуры, о тысячах нитей, идущих из глубины столетий в наше время и волей судьбы соединившихся в ее личности.

Ирина Владимировна Лермонтова родилась в Ростове-на-Дону 6 марта 1921 года в семье Владимира Михайловича и Марии Владимировны Лермонтовых. История этой семьи, как и других семей России, которым было суждено жить в эту эпоху, могла стать предметом отдельного повествования. Владимир Михайлович – кадровый офицер Российской императорской армии, всю свою жизнь посвятил воинскому служению. Как известно, это было традицией лермонтовского рода с незапамятных времен. В своих воспоминаниях В.М. Лермонтов пишет: «Происхожу я из рода Лермонтовых, которые ведут свое начало от шотландца Георга Лермонта, поступившего в 1613 году на русскую службу и в чине ротмистра обучавшего детей боярских «рейтарскому строю» [6, с. 11]. В актах эпохи правления первого государя из

дома Романовых Михаила Федоровича сохранились упоминания об этом человеке – крупном военном специалисте своего времени, участвовавшем в создании регулярной русской армии.

Георг Лермонт (1590-е – 1634 гг.), или, в соответствии с русскими документами, Юрий Андреевич Лермонт, от которого произошли все русские Лермонтовы, происходил из старого рыцарского рода. Благодаря трудам исследователей из Англии и США Т. Молчановой и Р. Лермонта появилась возможность проследить родословную Георга Лермонта, а значит, и одного из его потомков – Михаила Юрьевича Лермонтова, до XI века.

«Рыцарь с именем, похожим по звучанию на «Лермонт» или, впоследствии, преобразованным в такое звучание, прибыл на Британские острова до их завоевания Вильгельмом Завоевателем в 1066 году с территории современной Франции. Об этом сообщают источники и документы по истории шотландских фамилий. Он мог прибыть в Англию в 1040 году с эскортом Эдуарда Исповедника, который провел 27 лет в изгнании при Руанском дворе в Нормандии, и отправившегося в Англию, чтобы стать ее королем в 1042–1066 гг.», – пишут указанные авторы в книге «Лермонты – Лермонтовы» [8, с. 10]. Среди свиты короля Эдуарда был рыцарь, принадлежавший к бургундскому рыцарскому роду Лере или Люре. В источниках встречаются разные написания этой фамилии: Lurieux, Luyrieu, Luyrieux, Luirieux. Исследователи отмечают сходство герба рыцарей из рода Лере (Люре) с гербом рода русских Лермонтовых.

Не менее интересен предлагаемый авторами лингвистический анализ фамилии Лермонт. Корневая основа Leir (Leur, Leyre, Leire, Loire и т.п.) является одной из древнейших в Европе, восходит еще к докельтским временам, и ее возраст насчитывает не менее 5 тысяч лет. Авторы книги «Лермонты – Лермонтовы» указывают на огромное количество географических наименований на территории Европы, в которых присутствует этот корень. Он встречается в Норвегии, Исландии, Великобритании, Португалии. На территории Франции более 300 географических названий имеют указанную корневую основу. У кельтов этот корень связан с древним божеством Лиром. Он обозначает чистую, незамутненную, бегущую, падающую, струящуюся воду, «которая сверкает и переливается на солнце, дарит свет и вдохновение каждому обратившему взор на ее красоту и привлекательность» [8, с. 10]. Это подтверждается употреблением его в названиях многих водных источников [8, с. 9]. В противовес стереотипному толкованию второй части слова – month авторы связывают его значение не с горой, а со значением «устье», «слияние». Таким образом, значение фамилии Лермонт может быть интерпретировано как «устье большой воды» [8, с. 10]. Добавим, что по нашему убеждению это понятие должно восприниматься не в географическом, а в сугубо символическом плане.

Лермонты были связаны родственными узами с королевскими и владетельными домами Шотландии, Англии и Европы. В их родословной имена шотландских королей Роберта Брюса, Джеймса II, Джеймса III, Джеймса IV, Джеймса V, Джеймса VI, королевы Марии Стюарт. Однако самым славным и самым таинственным представителем рода был щотландский рыцарь Томас Лермонт (1220–1299). Он владел землей в городе Эрсильдон (ныне Эрлстон), который находился в нескольких милях от населенного пункта Лермонт в Шотландии. До сих пор сохранились руины его замка, в том числе и так называемая Башня Томаса.

История Томаса Лермонта вызывает в памяти героев произведений Дж. Р. Толкиена. Оказавшись в стране эльфов, Томас получил от дочери эльфийского короля дар пророчества. Вернувшись в мир людей, он в течение семи лет нес свое пророческое служение, слагая песни и баллады, в которых в поэтической форме открывал людям высшую правду, за что был прозван Честным Томасом. По преданию, Томас вернулся в эльфийское королевство, а его потомство до сих пор покоится у стен приходской церкви города Эрлстона, где сохранилась плита с древней надписью об этом.

Изучение древностей лермонтовского рода, его почти тысячелетней истории, позволяет осмыслить и понять многое и в его современных судьбах. П.А. Флоренский писал: «Род есть единый организм, и имеет единый целостный образ… Каждое время его жизни ценно по-своему, однако, род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, пред ним встает заданная ему историческая задача, которую он призван решить, Эта задача должна быть окончательно выполнена особыми органами рода, можно сказать энтелехией рода, и породить их – ближайшая цель всего рода… Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное свое место в роде, и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную в себе, а свою – как члена рода, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества» [12, с.166].

Если следовать указанным принципам, можно, в целом, определить содержание и направление развития лермонтовского рода. Несомненно, оно заключается в государственном и общественном служении во всех его формах, а также в служении творческом и пророческом (добавим, что при внимательном рассмотрении можно увидеть глубокую связь всех этих понятий между собой).

Древняя и новая история рода Лермонтовых показывает, что все представители рода обязательно стремились посвятить себя службе Отечеству. При этом множество Лермонтовых – это люди, одновременно имевшие дух жертвенного служения Отечеству и творческий талант. Замечено, что многие среди них – художники и поэты, а также люди, обладавшие особой духовной чуткостью. Кроме Михаила Юрьевича Лермонтова, соединившего в себе все эти достоинства и дарования в некоей исключительной, можно сказать, предельной форме, и многие другие представители рода проявили подоб-

ные черты и имели сходный склад. Среди них троюродный брат М.Ю. Лермонтова – адмирал и поэт Михаил Николаевич Лермонтов (1792–866), дед Владимира Михайловича Лермонтова – Владимир Матвеевич Лермонтов (1807–1874) – офицер лейб-гвардии Кирасирского полка, автор научных трудов и талантливый художник, сыновья Владимира Михайловича Лермонтова – Михаил (1898–1942) и Владимир (1899–1974), оба учащиеся Императорского Пажеского корпуса, белые офицеры, участники Великой Отечественной войны (1941–1945), художники и поэты. Михаил геройски погиб на Карельском фронте – был заживо сожжен фашистами в 1942 году. Владимир после войны полностью посвятил себя художественному творчеству, стал автором многочисленных живописных и графических работ, членом Союза художников Северной Осетии.

Участницей Великой Отечественной войны была и младшая дочь Владимира Михайловича Ирина Владимировна Лермонтова. Дух жертвенного служения Отечеству сочетался у нее с ярко выраженным творческим началом. Она обладала безупречным художественным вкусом, была автором своеобразных поэтических произведений, глубоким и искренним ценителем искусств, знатоком русской литературы и истории книги. Одновременно с этим Ирина Владимировна владела тончайшим чутьем врача человеческих душ, безотказного помощника людям в бедах и скорбных обстоятельствах.

Владимир Михайлович Лермонтов в своих воспоминаниях пишет о владевшей им с детства мечте стать воином, чтобы служить России и, одновременно, продолжить семейную традицию, о своем желании стать таким, каким были его отец, дед, прадед, прапрадед и чтимый им Михаил Юрьевич Лермонтов. Ничего не было для него выше, лучше, радостней и святее, чем служба Отечеству. Двадцать пять лет он отдал славному своими трехвековыми традициями Ахтырскому гусарскому полку, помнящему геройские подвиги Дениса Давыдова. В составе полка он участвовал в войне 1914 года, в боях был трижды ранен, удостоен орденов святых Анны, Станислава, Владимира, Георгия.

Представление о том, как воевал Владимир Михайлович, можно составить на основании Высочайшего приказа о награждении его Золотым Георгиевским оружием: «…12-го Ахтырского гусарского, генерала Дениса Давыдова, ныне Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, полка: Владимиру Лермонтову, за то, что в деле 29 августа 1914 года, когда наша пехота, находящаяся у дер. Линденфельд, что западнее Демниа, стала поспешно отходить под давлением значительных и неразстроенных сил противника, сопровождаемых ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, повел вверенный ему эскадрон в атаку и личным примером довел его до удара холодным оружием, несмотря на встреченные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника...».

Потом были тяжелые затяжные бои в Карпатах зимой 1914–1915 года, начало Брусиловского прорыва весной 1916-го и огромная надежда на победоносное

Владимир Михайлович Лермонтов (1874–1954), полковник 12-го Ахтырского гусарского полка. 1915

завершение войны. Этой надеждой жила армия зимой 1916 – весной 1917 года. Однако день победы не наступил. Вместо него пришел клятвопреступный бунт февраля-октября 1917 года, предательство высших сановников, генералитета, духовенства. Потом пленение и убийство Верховного Главнокомандующего Русской армии императора Николая II и, как следствие, разрушение тысячелетней русской государственности.

В ряде газетных публикаций, посвященных Владимиру Михайловичу, можно встретить утверждения, что после переворота 1917 года он «перешел на сторону Революции», вступил в Красную армию и воевал «за власть Советов» на фронтах Гражданской войны. Изучение документов, хранящихся в архивах Российской Федерации, в частности в Центральном архиве ФСБ, а также материалов, связанных с судьбой императора Николая II и его семьи, показывает, что Владимир Михайлович не нарушил воинской присяги и не принимал участия ни в февральско-октябрьском бунте, ни в Гражданской войне. Напротив, он был одним из участников группы офицеров, безуспешно пытавшихся спасти императора Николая II из рук большевиков весной и летом 1918 года. Одновременно с этим он осознавал темную роль вождей Белого движения, нарушивших воинскую присягу, предавших своего императора, армию и Россию (что, конечно, не исключало высоких чувств и личного героизма офицеров, солдат и рядовых участни-

ков Белого движения). Он сумел разглядеть ущербность лозунгов, под которыми воевала и та и другая сторона. Именно поэтому он воспринимал события, происходившие в 1917–1918 годах, как национальную катастрофу. Владимир Михайлович был одним из тех немногих, кто в те годы осознавал, что в Гражданской войне нет и не может быть победителей.

Это был не нейтралитет, не равнодушие к судьбам Отечества, но осознанное продолжение им служения России. Это служение после революции 1917 года изменило для Владимира Михайловича свою форму, но не изменило сути, которая для него заключалась в том, чтобы быть с Россией во всех ее судьбах. По этой причине он считал, что покинуть Россию, бросить ее в такое время – это предательство. Он хорошо понимал, какое будущее может ждать офицера императорской армии в новой реальности, сконструированной по антирусским лекалам. Мужественный воин, человек чести и долга, он не был наивным мечтателем, надеявшимся устроиться при новом режиме, служить большевикам за кусок хлеба и возможность какое-то время жить дальше. В эти трагическое и судьбоносное время он думал о России как о матери, которую нельзя бросить ни при каких обстоятельствах. И если России суждено погибнуть – быть готовым погибнуть вместе с нею.

Но судьба распорядилась иначе. Владимиру Михайловичу было суждено пройти через многие испытания (аресты, тюрьмы, лагеря, ссылку на строительство Беломоро-Балтийского канала), стать организатором десятков конных заводов на Дону и Кубани, в возрасте 67 лет уйти добровольцем на фронт в начале Великой Отечественной войны, быть тяжело раненным и чуть не погибнуть в боях на Карельском фронте в 1942 году. А после войны получить, по решению правительства, домик на окраине города Пятигорска, девять лет прожить у тех мест, с которыми было связано дорогое для него имя М.Ю. Лермонтова, и быть похороненным рядом с местом первоначального упокоения поэта.

Тогда мало кто знал, что Владимир Михайлович один из крупнейших знатоков истории лермонтовского рода, семейных преданий, восходящих еще к раннему Средневековью, хранитель лермонтовских фамильных реликвий. Особое внимание он уделял всему, что связано с поэтом, его жизнью, творчеством и обстоятельствами его неслучайной гибели. Владимиру Михайловичу посчастливилось застать тех, кто видел поэта, общался с ним, хранил о нем память. В первую очередь, это были сослуживцы его деда Владимира Матвеевича Лермонтова, который служил в лейб-гвардии Кирасирском полку, встречался с поэтом в Царском Селе и на правах родственника живал с ним под одной крышей. Владимир Михайлович имел возможность общаться и с великим русским географом и путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским (1827–1914), который еще подростком имел возможность видеть Лермонтова, пришедшего в февральские дни 1837 года на квартиру Пушкина, чтобы проститься с убиенным поэтом. Примечательно, что сегодня биографы Лермонтова считают факт этого посещения недоказанным. В архиве Владимира Михайловича было собрано множество разнообразных материалов о поэте, содержание которых зачастую не во всем совпадает с позицией современного лермонтоведения.

Близкие отношения связывали Владимира Михайловича с Александром Михайловичем Лермонтовым (1838–1906). Из-за большой разницы в возрасте Владимир Михайлович называл его дядей, хотя в действительности Александр Михайлович приходился ему троюродным братом. Генерал-лейтенант, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, освободитель болгарских городов Бургаса и Елены, командир 12-й кавалерийской дивизии (с 1882 года), командир 1-го кавалерийского корпуса (с 1887-го), член Военного совета (с 1902-го), кавалер четырнадцати орденов, Александр Михайлович был живым воплощением отечественной культурной традиции. Искренняя дружба соединяла его с Александром Александровичем Пушкиным – сыном поэта, который служил под его началом. Среди Лермонтовых второй половины XIX века Александр Михайлович слыл крупнейшим знатоком истории рода, хранителем лермонтовских реликвий, в том числе артефактов, связанных с поэтом. Он получил их по наследству от своего отца Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866), выпускника Морского кадетского корпуса, участника войны с Англией и Швецией. В 1812 году Михаил Николаевич служил на Балтийском флоте, после начала Отечественной войны был включен в состав инженерных частей 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли, участвовал в Бородинском сражении, в битвах в Богемии, в сражении под Кульмом, в боях во Франции, в марте 1814 года в составе русских войск вошел в Париж.

Это он, современник и брат М.Ю. Лермонтова, писал талантливые стихи, так что многие ошибочно приписывали ему многие произведения Михаила Юрьевича, в частности знаменитое «Бородино». После гибели поэта бабушка Елизавета Алексеевна передала Михаилу Николаевичу некоторые принадлежавшие ее внуку вещи. Эти реликвии по наследству перешли к сыну Михаила Николаевича – Александру Михайловичу, который передал их Владимиру Михайловичу как хранителю семейного архивного собрания. Наряду с родовыми грамотами в состав семейного архива входили материалы, связанные с поэтом. Среди них редчайшие артефакты – собрание принадлежавших Михаилу Юрьевичу предметов (курительная трубка, старинное саше, нож из слоновой кости для разрезания бумаги, печатка с фамильным гербом, шкатулка красного дерева и т. п.). Особую ценность Владимир Михайлович придавал живописным произведениям самого поэта, которые также находились в его собрании.

Лермонтовское собрание Владимира Михайловича получило пополнение после его женитьбы на Марии Владимировне фон-дер Лауниц. Этот брак судьбоносным образом породнил с родом Лермонтовых семью, связанную с поэтом особыми узами. Мария Владимировна происходила из древнего рода прибалтийских

Владимир Федорович фон-дер Лауниц (1855–1906), градоначальник С.-Петербурга. 1906

Мария Владимировна Лермонтова (1886–1959), урожденная фон-дер Лауниц

славян, который по ошибке иногда называют немецким. В действительности же фамилия фон-дер Лауниц восходит к одному из древнейших славянских родов Северной Европы, где и до сих пор большинство географических названий имеют славянское происхождение.

Дед Марии Владимировны – Федор Федорович фон-дер Лауниц (1811–1886) был другом и одноклассником М.Ю. Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в С.-Петербурге [9, с. 264]. В этой же школе вместе с ними учился юнкер Евграф Карачинский, семья которого владела селом Каргашино Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне Сасовский район Рязанской области). В роде Лермонтовых хранится предание о посещении поэтом села Каргашина по приглашению Карачинских, хотя в лермонтоведении этот факт не упоминается.

Михаил Юрьевич посетил Каргашино вместе с Ф.Ф. фон-дер Лауницем, который впоследствии женился на кузине Евграфа Софии Карачинской. В жизни Ф.Ф. фон-дер Лауница общение с поэтом оставило глубокий след. После окончания школы он, как и поэт, служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку и принадлежал к числу тех полковых офицеров, которые хранили память о Лермонтове, что вызывало раздражение у недругов поэта [9, с.264].

После свадьбы Федор Федорович и София Николаевна поселились в Каргашине. Ф.Ф. фон-дер Лауниц всю жизнь посвятил воинской службе, участвовал в Русско-турецкой войне, в польской кампании и вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Всю жизнь он свято хранил память о Лермонтове. Каргашинский усадебный дом, редкой красоты парк с аллеями вековых лип стали для владельцев местом, которое они стремились сохранить неизменным не только как родовое гнездо, но и как место, связанное с поэтом. В усадьбе бережно сохранялись предания о поэте, предметы, связанные с его памятью. В этой атмосфере родился и вырос сын Федора Федоровича и Софии Николаевны Владимир Федорович фон-дер Лауниц.

Имя В.Ф. фон-дер Лауница (1855–1906) сравнительно недавно вернулось в контекст истории России начала XX века. Ученым еще предстоит предпринять немало усилий, чтобы восстановить правду об этом самом неизученном и самом оболганном историческом периоде. Тогда будут оценены масштабы вклада Владимира Федоровича в укрепление русской государственности, в дело борьбы с внутренними и внешними врагами России. Как и отец, он начал свою службу в Гродненском гусарском полку, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, после окончания которой был при-

зван на государственную службу. В период революционных брожений начала XX века назначается градоначальником столицы Российской империи. За его разумными и строгими мерами по наведению порядка в Санкт-Петербурге можно видеть ум человека государственного масштаба и глубокое понимание сложнейших процессов, происходивших в стране и мире. В эпоху бурного экономического роста, характерного для России начала XX века, он в числе весьма немногих государственных деятелей той эпохи понимал, что экономическое развитие обязательно должно быть подкреплено духовным ростом и глубокой укорененностью в своей исторической традиции. В противном случае у России есть опасность либо превратиться в некоего мирового экономического и военного монстра, подобного нынешним Соединенным Штатам Америки, либо испытать кровавые события революционного переворота. Время показало правильность исторических предвидений и предостережений Владимира Федоровича. И сам он засвидетельствовал верность России своей смертью: погиб от руки убийцы на пороге храма во время богослужения в день церемонии открытия одного из петербургских госпиталей.

Его супругой была Мария Александровна Трубецкая (1863–1924), по предкам которой можно изучать всю русскую историю: князь Рюрик, святой Владимир – креститель Руси, Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий, Владимир Мономах, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, великий князь Московский Иван III, участник освобождения Москвы от поляков боярин Д.Т. Трубецкой, Н.П. Трубецкой – основатель Московской консерватории, герой Отечественной войны 1812 года фельдмаршал П.Х. Витгенштейн.

В этой семье и появилась на свет Мария Владимировна, ставшая супругой Владимира Михайловича Лермонтова. Им, как и многим другим русским семьям, было суждено пройти большой и трудный жизненный путь. На этом пути их ждали великие страдания и испытания. Но в глубине душ их всегда присутствовал образ страдающей Родины, перед которым собственные страдания и потери казались малозначимыми.

В начале 1920-х годов Владимир Михайлович работал в управлении коннозаводства и коневодства в Ростове-на-Дону, а Мария Владимировна занималась домашним хозяйством. В 1931 году Владимир Михайлович был по ложному обвинению арестован, незаконно осужден и сослан на строительство Беломоро-Балтийского канала. За мужем в ту же ссылку последовала и его супруга с двумя детьми – десятилетней Ириной и трехлетним Юрием. Они поселились в городе Повенце и жили у зоны, изредка имея возможность видеть любимого отца и мужа, работавшего на стройке канала. Бедствуя, терпя нужду в самом простом и необходимом, были рады тому, что имели. Ирина Владимировна вспоминала, что в семье всегда царил дух взаимной любви и необремененности житейским. Никогда из уст отца или матери не вырвалось ни слова ропота, не было жалоб на судьбу или, тем более, проклятий. Они никогда не лили слез о прошлом, хотя именно там осталась вся самая светлая часть их жизни. Они воспринимали все происходящее с ними как призыв к подвигу терпения и любви, как испытание и проверку их душ на верность. В этой среде прошло детство и отрочество Ирины Владимировны.

По окончании Повенецкой средней школы она поступила на филологический факультет педагогического института им. Герцена в Ленинграде-Петербурге – городе, где когда-то, в какой-то иной жизни, были молоды и счастливы ее родители: отец – полковник гусарского полка и мать – фрейлина императрицы. Здесь Ирина Владимировна встретила начало Великой Отечественной войны. Именно тогда в душе юной девушки настало время проявиться лермонтовскому духу. Не бросая учебы, она вместе с сокурсницами выезжает на строительство оборонительных сооружений под Волосово и Кингисеппом. Восемнадцатилетние студентки, будущие учительницы литературы, под налетами немецкой авиации строят доты, дзоты, противотанковые рвы. Когда вокруг города замкнулось кольцо блокады, Ирина Лермонтова, оставив занятия в институте, пошла работать на оборонный завод, выпускающий артиллерийские снаряды. После смены спешила на дежурство в военный госпиталь, где трудилась санитаркой, ухаживала за тяжелораненными. Во время авианалетов в составе отрядов ПВО несла дежурство на кровлях ленинградских зданий, тушила зажигательные бомбы.

От природы наделенная доверчивой и благородной душой, готовая поделиться последним кусочком хлеба, она не раз оказывалась на грани гибели от голода из-за похищенных карточек. Поведение Ирины Владимировны в такой ситуации описывает современный петербургский исследователь С. Яров в книге «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.». Он приводит свидетельство Т.Д. Ригиной о том, что Ирина Лермонтова, несмотря на предельное истощение и отсутствие источника, откуда она могла бы получить хоть немного пищи (так как карточки на продукты были украдены), «категорически отказывалась от помощи…, предпочитала голодать, чем обременять других…» [13, с. 360].

Потом была эвакуация по льду Ладожского озера, открытый всем ветрам кузов полуторки, где сидели такие же, как она, блокадные мученики, гул самолетов, низко летящих над тонкой ниточкой ледяной дороги, бомбы, пробивающие темный подтаявший лед, крики, мелькнувшее сквозь стекло лицо старика шофера и живые люди, на ее глазах уходящие в черный омут ладожской воды...

После окончания войны семья Лермонтовых по решению правительства получила жилье в Пятигорске. Там, где погиб их предок, окончились дни жизни супругов Лермонтовых. На старинном Лазаревском кладбище, у подножия Машука, рядом с местом упокоения поэта, спит вечным сном его достойный потомок Владимир Михайлович Лермонтов – человек, всю свою жизнь отдавший службе Отечеству и бесконечно много сделавший для сохранения памяти о поэте. В его дневни-

Николай Алексеевич Соколов (1920–2009). Фото начала 1950-х

Ирина Владимировна Лермонтова (1921–2012), внучатая племянница М.Ю. Лермонтова

ковых записях есть такие слова: «Я счастлив, что имел возможность принести пользу нашей любимой Родине и честно выполнять возлагаемые на меня работы и задания», которые лучше всего характеризуют его честную мужественную душу.

В 1950 году Ирина Владимировна вышла замуж за капитана – десантника Николая Соколова, фронтовика, участника Отечественной и японской войн. Новая семья поселилась в городе Ставрополе, по ул. Дзержинского, 134. Вскоре выяснилось, что на противоположной стороне находится дом, в котором неоднократно останавливался М.Ю. Лермонтов, а сама улица до революции называлась в память о нем Лермонтовской. Михаил Юрьевич продолжал незримо присутствовать в жизни семьи. Он жил в хранимых Ириной Владимировной документах семейного архива, в предметах, которых когда-то касались его руки. Теперь Соколовы – Лермонтовы стали «соседями» поэта.

Исполняя завещание отца, она хранила и изучала материалы семейного архива. Серьезно и глубоко занималась биографией поэта, его творчеством, поддерживала научные связи с учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Пензы, Тархан, занималась архивными поисками. Ее вклад в работу по подготовке издания Лермонтовской энциклопедии в 1982 году получил высокую оценку ученых. До сих пор этот труд считается единственным и наиболее полным сводом того, что было сделано в лермонтоведении.

При этом Ирина Владимировна всегда хранила независимость во взглядах на творчество поэта и его личность, была принципиальной во всем, что касалось чести поэта и всего рода в целом. Например, известный в то время рассказчик и сомнительный лермонтовед Ираклий Андроников среди многих нелепостей, написанных им о поэте, утверждал, что отцом Михаила Юрьевича был не Юрий Петрович Лермонтов, а якобы еврейский врач А. Леви. Эта ложь, которая затрагивала честь поэта и всего рода в целом, очевидно, имела целью представить рождение поэта и его личность как плод случайной и незаконной связи, отторгнуть его от русской культурной традиции. Это и подобные этому лживые утверждения «лермонтоедов» всегда находили у Ирины Владимировны не только аргументированное опровержение, но и глубокий анализ причин их появления. Естественно, что и о доверии к подобным писаниям речи уже не шло.

До последних дней своей жизни Ирина Владимировна вела большую общественную деятельность, имела широкий круг общения. Она была человеком поразительно доброго сердца, готового откликнуться на боль и горе любого, даже незнакомого человека. Дверь в небольшую квартиру на улице Морозова в Ставрополе была открыта для всех, кто нуждался в помощи, поддержке и утешении. Она часто говорила, что видит в этом основное предназначение своей жизни. До самых последних минут жизни она сохраняла мирное

Ирина Владимировна Лермонтова. 9 мая 2011 года

Мемориальная доска в память о И.В. Лермонтовой. Открыта в 2013 году. Ставрополь

расположение духа, ясность ума, светлое и доброжелательное настроение. Когда настало время перехода в вечность, сотни людей пришли проводить ее в последний путь, а скорбели о ней в России и в разных странах мира, без преувеличения, многие тысячи. Люди, собравшиеся в храме Святого Александра Невского, обращали внимание на молодой, почти девический облик Ирины Владимировны, которой и при жизни никогда не давали ее весьма преклонных лет, на легкую улыбку, словно навсегда задержавшуюся на ее устах. Все собравшиеся отмечали, что, несмотря на испытываемую скорбь, их души охватывались каким-то неизъяснимым и утешительным чувством родственной близости к почившей.

По ходатайствам государственных, научных музейных учреждений и общественных организаций Ставропольская городская дума на заседании 26 апреля 2013 года приняла решение об увековечении памяти И.В. Лермонтовой – открытии мемориальной доски на доме, где она жила. Церемония открытия состоялась 11 октября 2013 года, накануне дня рождения М.Ю. Лермонтова. Поле доски, изготовленной из светло-зеленого змеевика, украшают лермонтовский герб и два медальона с профилями Михаила Юрьевича и Ирины Владимировны Лермонтовых.

Примечательно, что в дни, предшествовавшие этому событию, исполнилось 400 лет роду Лермонтовых в России. Ровно четыре столетия прошло с того дня, когда их общий предок Георг Лермонт стал подданным русского царя Михаила Федоровича Романова. Основав новый русский род, он посеял доброе семя в русскую землю. Сражаясь за то, чтобы вовеки стояла и цвела русская земля, он щедро полил ее своею кровью и геройски погиб при обороне Смоленска зимой 1633–1634 года. Из этого семени выросло большое древо лермонтовского рода, давшее России тех, о ком кратко рассказано в этом очерке.

Фото предоставлены автором

ИСТОЧНИКИ

1. Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия // Федеральное архивное агентство. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. – М., 2004.

2. Воронцов И.В. Поколенная роспись рода Лермонтовых. – М., 2004.

3. Дамианиди М.Ф. В.М. Лермонтов – представитель рода великого поэта // Лермонтовский сборник. Материалы Всероссийской научной лермонтовской конференции «М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре». – Пятигорск, 2009.

4. Загорулько В.И. Лермонтовы. Очерки о поэте и его родственниках. – С.-Пб.: Просвещение, 1998.

5. Загорулько В.И. Петербургское притяжение // Нева – 2004 – № 2 .

6. Лермонтов В.М. Записки кавалериста. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2011.

7. Лермонтовская энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия»,1981.

8. Молчанова Т., Лермонт Р. Лермонты – Лермонтовы. К 950- летнему юбилею фамилии. – М.: Логос, 2008.

9. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература,1989.

10. Набокова В. Участник войны И.В. Лермонтова // Внуки о дедах-героях. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010.

11. Откуда берется мужество. – Петрозаводск, 2005.

12. Флоренский П.А. Генеалогические исследования // Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Из соловецких писем. Завещание. – М.: Московский рабочий, 1992.

13. Яров С. Блокадная этика. Представление о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – М. –С.-Пб., 2012.

Подвижники нужны как солнце

Остров Сахалин Антона Чехова

Он не просто описывал жизнь, но жаждал переделать ее, чтобы она стала умнее, человечнее, радостнее.

Корней Чуковский

Елена ГЛЕБОВА

В 1890 году Антон Павлович Чехов совершил поездку на Сахалин. Здесь он провел 3 месяца и 2 дня, прошел остров с севера на юг, побывал практически в каждом селении, посетил 8 тюрем и 3 тысячи изб. Чехов столкнулся с трудностями, которые современному человеку покажутся немыслимыми, но в путевых заметках писал об этом буднично и даже с иронией. В декабре 1890 года он вернулся домой и уже в январе приступил к работе над книгой. В 1892–94 годах отдельные главы были опубликованы в сборнике «Помощь голодающим» и журнале «Русская мысль», а в 1895 году «Остров Сахалин (Из путевых записок)», соединив личные наблюдения автора и собранные им обширные статистические сведения, вышел отдельным изданием. Автор назвал эту книгу «жестким арестантским халатом» в своем «беллетристическом гардеробе».

А.П. Чехов. 1890

Однозначного ответа на вопрос об истинных причинах того экстремального путешествия до сих пор нет, и во многом в этом повинен сам Антон Павлович. *«Еду я за пустяками», «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит для этого ни знаний, ни времени, ни претензий...», «Я в самом деле еду на о. Сахалин, но не ради одних только арестантов, а так вообще... Хочется вычеркнуть из жизни год или полтора...»* – и другие подобные высказывания из его писем друзьям и знакомым сбивают с толку. И все же нет никаких сомнений, что Сахалин в творчестве Чехова явление этапное, а посещение каторжного острова – проявление гражданского мужества. Антон Павлович подтверждает это в письме к Суворину, который, тревожась за здоровье Чехова и всячески отговаривая от поездки, говорил о ее бесполезности*: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и не интересен. <…> Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов <…> Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневоль-*

*ный. <…> Из книг, которые я прочел и читаю, видно. Что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски...» (*9 марта 1890).

Конечно, он понимал, что рискует. *«Прощай и не поминай лихом. Увидимся в декабре, а может быть, и никогда уж больше не увидимся»* (Р.Р. Голике, 31 марта 1990); *«У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну. <…> В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре»* (Суворину, 15 апреля 1990). Ко всему прочему Чехову не удалось получить официальной бумаги к приамурскому и сахалинскому начальству. «Вооружен одним только паспортом», сообщал он Суворину и предполагал, что «возможны неприятные столкновения с предержащими властями». К счастью, этого не случилось. Приехавший на Сахалин в то же самое время приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф принял Чехова «очень ласково» и отнесся к нему «с полным доверием», хотя у писателя не было никаких официальных поручений ни от какого-либо ученого общества, ни от газеты. Барон Корф разрешил Антону Павловичу бывать где угодно, распорядился о выдаче ему свободного пропуска во все тюрьмы и поселения с правом пользоваться необходимыми для работы документами. *«Не могу я разрешить вам только одного: какого бы то ни было общения с политическими, так как разрешать вам это я не имею никакого права».*

Готовясь к далекому путешествию, Чехов несколько месяцев изучал труды по истории русской и зарубежной тюрьмы и ссылки, по истории колонизации Сахалина, этнографические исследования, работы ботаников, зоологов, медиков, тюрьмоведов, перечитывал книги русских писателей о каторге и ссылке, анализировал все, что публиковалось о Сахалине в газетах и журналах. В архиве писателя (ЦГАЛИ) сохранилась тетрадь под заглавием «Литература», куда он заносил список прочитанного – всего 65 названий.

Отправившись в дорогу 21 апреля 1890 года с Ярославского вокзала, Чехов лишь в пять утра 11 июля прибыл в Александровск, где тогда находилась тюремная администрация Центрального Сахалина. Дорога из пункта М в пункт С заняла 81 день, путь лежал через всю Сибирь, которая оставила впечатления яркие («сплошная красота!») и печальные, разрушая легенды об этой дальней стороне. Все это удивительно точно, с долей юмора отражено в очерке «Из Сибири».

«По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоялых дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы.

В каждом селе – церковь, а иногда и две; есть школы, тоже, кажется, во всех селах. <…>. Скворцы здесь пользуются общей любовью, и их даже кошки не трогают <…>. Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница – это светлая, просторная комната, с об-

А.П. Чехов (стоит справа) на Сахалине. 1890

становкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. <…>. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать. <…> На украшение стен идут и конфетные бумажки, и водочные ярлыки, и этикетки из-под папирос, и эта бедность совсем не вяжется с солидной постелью и крашеными полами. Но что делать? Спрос на художников здесь большой, но бог не дает художников. Посмотрите на дверь, на которой нарисовано дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, похожими больше на рыб, чем на птиц; дерево это растет из вазы, и по этой вазе видно, что рисовал ее европеец, то есть ссыльный; ссыльный же малевал и круг на потолке и узоры на печке. Немудрая живопись, но здешнему крестьянину и она не под силу. Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев; то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето – спина болит от работы и тянутся жилы. От того, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню».

Прибыв на Сахалин, Чехов работал не только как исследователь. На острове, с его десятью тысячами каторжников и таким же числом охранников с семьями, с несколькими тысячами ссыльных и поселенцев, он был и социологом, и медиком. Дональд Рейфилд, ав-

тор одного из лучших биографических трудов о Чехове, отмечает, что медицинская выучка помогла Антону воспринимать все, с чем он сталкивался на каторге, без отвращения и находить общий язык с надзирателями, заключенными, ссыльными. *«Его сострадание зашло так далеко,* – пишет Рейфилд, *– что из своих скудных средств он купил одному из ссыльных теленка. Все отзывались на его сочувствие – и психопаты-убийцы, и садисты-тюремщики…»*

Чехова многое потрясло в каторжном крае, но особенно участь сахалинских детей. Он убедил губернатора острова генерала В. Кононовича содействовать закупке учебников для сахалинских школ, а брата Ваню просил прислать учебные программы и книги для чтения. Задумав собрать основные статистические данные о каторжанах и поселенцах, писатель обратился за поддержкой к главе острова, и тот дал распоряжение местной типографии отпечатать 10 тысяч анкет (там указывались имя, возраст, место рождения, образование, семейное положение, вероисповедание, средства к существованию, болезни, год прибытия на остров). За короткое время Чехов с помощью нескольких волонтеров опросил 10 тысяч человек и собрал сведения, которыми российские власти до сих пор не располагали. *«Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты ее не могут отличаться точностью и полнотой, но, за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры»* («Остров Сахалин», III глава).

Цифры пригодились, став важным историческим источником для многих исследовательских работ. Но кроме этой тщательно собранной и выверенной информации о каторжном острове писатель первым из пишущей и ученой братии создал многогранный и подлинный портрет Сахалина того времени. Благодаря подвижничеству Антона Павловича Чехова мы знаем, как выглядели островные населенные пункты, какими были их жители – надзиратели, каторжные, поселенцы, о чем грезили вдали от родных мест, за что ненавидели и проклинали остров.

«Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперек Татарского пролива к устью Дуйки, где находится Александровский пост. <…> Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. <…> Возле пристани по берегу, по-видимому без дела, бродило с полсотни каторжных: одни в халатах, другие в куртках или пиджаках из серого сукна. При моем появлении вся полсотня сняла шапки – такой чести до сих пор, вероятно, не удостаивался еще ни один литератор. <…>

До приезда генерал-губернатора я жил в Александровске, в квартире доктора. Жизнь была не совсем обыкновенная. Когда я просыпался утром, самые разнообразные звуки напоминали мне, где я. Мимо открытых окон по улице, не спеша, с мерным звоном проходили кандальные; против нашей квартиры в военной казарме солдаты-музыканты разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши, и при этом флейта играла из одной пьесы, тромбон из другой, фагот из третьей и получался невообразимый хаос. <…> Вечером была иллюминация. По улицам, освещенным плошками и бенгальским огнем, до позднего вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Река Дуйка, всегда убогая, грязная с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнино платье. В саду генерала играла музыка и пели певчие. Даже из пушки стреляли, и пушку разорвало. И все-таки, несмотря на такое веселье, на улицах было скучно. Ни песен, ни гармоники, ни одного пьяного; люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который никогда уже не вернется на родину, наводит только смертную тоску. <…>

Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостает прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампады и без украшений, – нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живет не у себя дома, а на квартире, или будто она только что приехала и еще не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка… а главное, нет родины».

13 октября 1890 года Чехов простился с сахалинскими знакомыми и вечером прибыл на пароход «Петербург» вместе с попутчиком – иеромонахом Ираклием, окормлявшим сахалинские церкви. Ночью пароход снялся с якоря и отправился из поста Корсаковского во Владивосток.

«Прожил я на Севере Сахалина ровно два месяца. Я видел все; стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел» (Суворину, 11 сентября 1890). Домой Чехов вернулся совсем другим человеком, и это отметили многие из его друзей. Главное впечатление о Сахалине он выразил в двух словах – «целый ад». Работая над книгой, Антон Павлович искал литературную форму, тональность повествования, способы выразить свою гражданскую позицию. *«Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока, наконец, не уловил фальши. <…> Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и, вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудаком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко, и работа моя закипела»* (Суворину, 28 июля 1893).

Чехов не забывал о цензуре, при описании особо вопиющих моментов сахалинской жизни ему приходилось тщательно подбирать слова, но в конечном итоге он создал предельно честную книгу. *«Я глубоко убежден,*

Александровский маяк на мысе Жонкиер. Именно этот маяк деревянной постройки описывал Антон Павлович Чехов: «Днем маяк, если посмотреть на него снизу, – скромный белый домик с мачтой и фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом»

Типы каторжан севера Сахалина

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные цепями к тачкам. Всех их здесь восемь человек

Каторжане на хозяйственных работах

что через 50–100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке. И я глубоко убежден также, что, как бы искренно и ясно мы ни осознавали устарелость и предрассудочность таких отживающих явлений, как пожизненность наказаний, мы совершенно не в силах помочь беде».

В середине XX века в Южно-Сахалинске благодаря энтузиастам и подвижникам появился городской литературно-художественный музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». Он создавался всем миром – после обращения СМИ о необходимости открыть такой музей, из разных мест острова стали приходить пожертвования от людей. Благодаря этим средствам директор музея Георгий Ильич Мироманов, выполнявший тогда эту работу на общественных началах, заложил основу музейного собрания. Первое здание музея, напоминающее по архитектуре чеховский дом с мезонином, построили в 1954 году. Оно было тесноватым, но очень уютным. Те, кому посчастливилось там побывать, наверняка запомнили особую, чеховскую, атмосферу. Спустя много лет, в 2011-м, музей переехал в новое, специально построенное для него Сахалинской администрацией здание.

Антон Павлович высоко ценил путешественника и исследователя Николая Михайловича Пржевальского и говорил о нем: «Подвижники нужны как солнце. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что есть еще люди подвига, веры и ясно осознанной цели». С полным правом эти слова можно отнести и к нему самому.

Репродукции фотографий каторжан из отдела краеведения ДВГНБ. Пересъемка Валерия ТОКАРСКОГО

*Что читали хабаровчане в 1895 году**

Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ

Читальный зал Николаевской публичной библиотеки

В феврале 1895 года в Хабаровске открылась первая публичная библиотека – Николаевская публичная библиотека Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. К открытию фонд ее составлял всего 8 866 томов и вполовину меньше названий книг – 4 471, но уже к концу года, после поступления щедрых пожертвований из европейских областей России и от дальневосточников, количество книг возросло до 25 000 томов. Однако разборка присланных книг и составление каталогов шли чрезвычайно медленно, поэтому к маю 1896 года выдавалась только четверть имевшихся в библиотеке изданий.

** В цитатах частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.*

В отчете о деятельности библиотеки за первые 14 месяцев ее существования (с 15 февраля 1895 по 1 мая 1896) указано, что отдел беллетристики «с подотделом детских и народных книг» включал 1 264 названия в 1 645 томах. На эти книги имелся карточный и в скором времени должен был выйти печатный каталог.[1] Всего с февраля 1895 года по апрель 1896 года Николаевской публичной библиотекой было выдано читателям 6 192 книги, из которых 4 196 пришлось как раз на беллетристику. Какими же сочинениями заполняли свой досуг хабаровчане в 1895–1896 годах?

В том же отчете читаем: «Из отдельных авторов беллетристики наиболее брались – из оригинальной: Салиас 168 раз, Крестовский 121, Михайлов (Шеллер) 89, Потапенко 87, Немирович-Данченко 86, Соловьев 80, Лейкин 78, Толстой Л. 76, Станюкович 72, Писемский 71, Данилевский 65, Сенкевич 60, Чехов 44, Тургенев 42, Гончаров 39, Григорович 35, Щедрин 29, Гоголь 22 и т. д.; из переводной: Диккенс 57, Золя 56, Бурже 51, Дюма 50, Додэ 47, Гюго 35, Бьернсон 32» [2]. Попробуем предположить, какие произведения этих авторов могли вызывать интерес хабаровских читателей.

Наибольшей популярностью, как видно из отчета, пользовались исторические романы графа Евгения Андреевича Салиаса-де-Турнемира (1840/2–1908). Сын известной писательницы Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир[3], писавшей под псевдонимом Елизавета Тур, и французского графа Андре Салиаса-де-Турнемира, Евгений Андреевич начал писать в 1860-х годах под псевдонимом Салиас. Первая его повесть «Ксаня чудная» была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» в 1863 году. Написана она в жанре психологической прозы. Вслед за ней вышли в свет еще несколько рассказов и повестей, имевших большой успех, но после автор изменил направленность своего творчества и стал писать исторические романы о русской жизни. Первым его опытом на этот поприще стал роман «Пугачевцы» (1874) о восстании крестьян под предводительством Емельяна Пугачева. Роман отличался колоритным языком и увлекательностью изложения и имел большой успех у читающей публики. По признанию критиков, он остался лучшим романом Е. Салиаса-де-Турнемира.

За «Пугачевцами» последовали «Найденыш», «Братья Орловы», «Волга», «Мор на Москве», «Принцесса Володимирская», «Граф Тятин-Балтийский», «Петербургское действо», «Миллион», «Поэт-наместник», «Барыни-крестьянки», «Ведунья» и многие другие. В отличие от «Пугачевцев», которых с полным правом можно назвать историческим романом, последующие произведения «русского Дюма» – сочинения скорее историко-приключенческие, авантюрные, в которых он позволял себе очень вольно обращаться с историческими фактами. В большинстве из них события разворачиваются в XVIII – начале XIX века, во времена Екатерины II и Александра I: именно эта эпоха особенно интересовала писателя. Так, например, в романе «Петербургское действо» рассказывалось об авантюрах и перипетиях переворота 1762 года, когда вместо Петра III на российский престол была возведена его супруга, некогда захудалая немецкая принцесса София-Фредерика-Августа, которой предстояло войти в историю в качестве великой русской императрицы Екатерины II. А роман «Принцесса Володимирская» освещал историю жизни одной из самых загадочных фигур XVIII века – блистательной авантюристки, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и претендовавшей на российский престол. «Кудесник» – роман о приключениях в России знаменитого авантюриста графа Калиостро. Сюжет строится на встрече Калиостро с

Е.А. Салиас-де-Турнемир

молодым русским дворянином, лишившимся имени и титула в результате коварной интриги. Юноша обратился к графу с просьбой о помощи, и авантюрист решил его выручить. С этого и начались их совместные похождения. Почти во всех сочинениях Е. Салиаса-де-Турнемира присутствуют таинственные предсказания, головокружительные приключения, трагическая любовь, вероломное предательство, переодевания, подлоги… При этом лейтмотивом всех его произведений является любовь к России, к ее истории, ее народу.

В 1894–1909 годах вышло первое собрание сочинений Е. Салиаса, составившее 33 тома. И это было не полное собрание! Критики изумлялись «плодовитости известного романиста графа Е.А. Салиаса»[4]. В заметке «По поводу исторических романов», опубликованной в 1891 году в «Историческом вестнике», отмечается: «Его исторические романы и повести появляются одновременно в нескольких изданиях... Писать в одно и то же время пять, шесть, исторических романов, – искусство, по истине, необычайное и поразительное! До него не достигал даже такой скорописец, как покойный Александр Дюма»[5]. И ниже приводится эпиграмма на писателя:

«Засальжились» газеты
И журналы и листки...

---

[1] Библиотеки XIX – начала XX в. предоставляли читателям возможность не только пользоваться карточными каталогами, но также приобретать печатные систематические каталоги имевшихся в библиотеке книг. Актуальность их достигалась периодическими обновлениями, т. е. выпуском новых каталогов с исправлениями и дополнениями в соответствии с изменениями в фонде библиотеки.

[2] Отчет о деятельности Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1895–1896 г.г. Хабаровск, 1897. С. 23.

[3] В девичестве Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина.

[4] По поводу исторических романов // Исторический вестник. 1891. Т. 43, № 2. С. 598.

[5] Там же.

Всюду древних лет заветы
Дали всходы и ростки...
Все дела былых столетий
Процедив сквозь светлый ум,
Граф – роман, другой и третий
Пишет с маху, наобум!
Про дьяков и басурманов
Начал десять повестей
И одиннадцать романов,
По пятнадцати частей!
В новый год граф все изданья
Старой Руси подчинил;
Написав одни названья,
Пол-ведра извел чернил.
Подивитесь же все страны,
Изумись, журнальный мир,
Как печет у нас романы
Граф Сальяс де-Турнемир!!!

Несмотря на неоднозначное отношение критики, публика зачитывалась его романами. Ю. Беляев отмечает: «В конце XIX века по статистическим данным земских библиотек самым читаемым писателем в России оказался Евгений Андреевич Салиас, опередивший по читательской популярности не только замечательных исторических романистов Вс. Соловьева, Г. Данилевского, Д. Мордовцева, но и самих мировых «королей» развлекательного жанра Дюма и Жюля Верна»[6]. Хабаровск в этом плане ничем не отличался от остальной России. Какие же произведения Салиаса-де-Турнемира могла читать хабаровская публика? Заглянем в каталог беллетристического отдела Николаевской публичной библиотеки (к сожалению, каталога 1896 года в фонде библиотеки не сохранилось, поэтому обратимся к изданию 1909 года). Исходя из года издания, указанного в каталоге, хабаровчане могли взять в библиотеке исторические повести «Философ», «Граф Пятин-Балтийский», «В старой Москве» и «Крутоярская царевна»; исторические романы «Петербургское действо», «Самозванка». («Принцесса Володимирская»), «Пан Круль», «Барыни-крестьянки»; романы «Заира», «Кудесник», а также некоторые другие повести; кроме того, в библиотеке имелись и отдельные рассказы этого писателя.

[6] Беляев Ю. Любимец читающей России :[вступ. ст.] // Салиас Е. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 5.

В.В. Крестовский

Титульный лист книги В.В. Крестовского из собрания Николаевской публичной библиотеки

Вторым по популярности автором у читающих хабаровчан в конце XIX века был Всеволод Владимирович Крестовский (1840–1895). В библиотеке согласно каталогу 1909 года имелись два его произведения: «Деды» – историческая повесть времен Павла I и нашумевший роман «Петербургские трущобы». Обоим сочинениям к 1896 году. насчитывался уже не один десяток лет: «Трущобы» впервые печатались в журнале «Отечественные записки» в 1864–1866 годах (первое отдельное издание – 1867-й), а «Деды» были опубликованы в 1875 году. Несмотря на это, популярность его произведений не угасала. Конечно, наибольшим успехом пользовался роман «Петербургские трущобы». «Авантюрный сюжет включал в себя историю двух поколений князей Шадурских, их законных и незаконных жен и детей, а также связанных с ними мошенников, воров и фальшивомонетчиков. … Запутанная детективная интрига сочеталась в «Петербургских трущобах» с описанием нравов различных слоев общества. В романе описывались ночлежки, притоны, публичные дома, тюрьмы»[7]. При этом Крестовский вводил в повествование и хорошо известные современникам случаи, и сплетни из жизни высшего общества – прием, характерный скорее для бульварной литературы. Вместе с тем это роман социальный: автор прямо обвинял современное ему русское общество в жестокости и равнодушии, в бесправном положении большей части российского населения, без прикрас показывал нищету и пороки низших слоев петербургского общества. Реалистичное, неприкрашенное изображение жизни как высших, так и низших слоев общества, авантюрно-детективный сюжет, использование известных современникам «скандальных и криминальных фактов и случаев из светской жизни»[8] обеспечили «Петербургским трущобам» невероятную популярность: «„Петербургские трущобы" имеют огромный успех: все жаждут прочесть этот дивный роман, записываются за неделю в библиотеках; все наконец очарованы, восхищены. …Роман читается, приводит в восхищение столичных, губернских и уездных барынь и барышень и их чиновных обожателей и законных супругов»[9]. Заметим, однако, что в отличие от публики многие литературные критики встретили сочинение В. Крестов-

[7] Крестовский, Всеволод Владимирович // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/KRESTOVSKI_VSEVOLOD_VLADIMIROVICH.html.

[8] Тамарченко И. Д. Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. Т. 1. М., 1990. С. 370.

[9] Аверкиев Д. В. Всякому по плечу [Рец. на роман «Петерб. трущобы»] // Эпоха. 1865. № 2. С. 1–10.

А.К. Шеллер (Михайлов)

ского отрицательно, не находя в нем ни литературных, ни художественных достоинств, ни воспитательных качеств. Но публике, как уже говорилось, роман понравился: его популярность не угасла и через несколько десятилетий. Русский литератор Е.Н. Опочинин[10] вспоминал: «В 1880-х годах имя Всеволода Крестовского было еще очень популярно, главным образом благодаря его известному роману „Петербургские трущобы". Роман этот, и вправду занимательный (но не более), и тогда еще читался, по удачному выражению покойного Глеба Успенского, „до затрепа"»[11]. Еще один момент, который нужно принять во внимание – то, что в 1895 году В. Крестовский умер, в газетах и журналах появились многочисленные некрологи, посвященные ему статьи, то есть читающему обществу напомнили об этом авторе. Такая «реклама» могла повлиять на усиление спроса на «Петербургские трущобы». С другой стороны, о неугасавшем интересе к роману свидетельствует тот факт, что в 1915 году он даже был экранизирован – по сочинению В. Крестовского в России был снят 4-серийный фильм, который тоже пользовался большим успехом. Спустя почти 80 лет, в 1994 году по мотивам «Петербургских трущоб» был создан телевизионный сериал «Петербургские тайны», и популярность сочинения возродилась: «Трущобы» в современной России издавались огромными тиражами, и публика конца двадцатого века зачитывалась ими так же, как и в веке девятнадцатом.

Авантюрные и исторические романы у читателей Николаевской библиотеки пользовались гораздо большим спросом, чем более серьезные сочинения: третьим по количеству запросов автором в 1895 – начале 1896 года был еще один русский романист – Александр Константинович Шеллер (1838–1900). Его сочинения хотя и проигрывали произведениям Салиаса-де-Турнемира и Крестовского по популярности, довольно активно читались хабаровчанами и были достаточно широко представлены в публичной библиотеке. А.К. Шеллер, писавший под псевдонимом А. Михайлов и также известный как Шеллер-Михайлов, вообще был чрезвычайно популярен у русского читателя в 70–90-е годы XIX века[12]. В биографическом справочнике Н.В. Гербеля указывалось: «Немногие из наших романистов достигали равной с А.К. Шеллером степени популярности. Все романы его выдержали по три издания, а один из них – «Чужие грехи» – разошелся даже в 22 000 экземплярах»[13]. Первый его роман «Гнилые болота» печатался в 1864 году в журнале «Современник» и получил положительную оценку критики и признание читателей. В нем изображалось формирование характера молодого разночинца, честного труженика в борьбе с губительным влиянием окружающей среды – «гнилых болот». В следующем году тот же «Современник» напечатал второй роман Шеллера – «Жизнь Шупова, его родных и знакомых». Критики отмечали, что оба эти произведения автобиографичны и демократически направленны. «Сознательно отвергая штампы занимательного сюжетосложения, Шеллер предлагает читателю неторопливые, бесхитростные, лирически взволнованные повествования о том, как в борьбе с тлетворным влиянием жизненных обстоятельств, окружающей среды формируются молодые, честные труженики,.. стремится внушить читателю доброе, уважительное отношение к обыкновенным, скромным и самоотверженным людям»[14]. Прогрессивная молодежь 60–70-х годов XIX века зачитывалась романами и повестями А.К. Шеллера. Автор сознательно ориентировал свои сочинения на определенный тип читателя, и именно среди этих читателей – демократически настроенной разночинной интеллигенции – был популярен на протяжении тридцати с лишним лет. Героями романов Шелера были «новые люди»1860-х годов: простые и честные молодые люди, стремящиеся принести посильную пользу ближним, проповедующие постепенное совершенствование жизни на началах добра и справедливости. На протяжении повествования молодые герои мужают, вступают на арену общественного служения. На их пути встречается немало сложных препятствий: им приходится вступать в борьбу с охранителями консервативных традиций и привычек, прожигателями жизни, людьми рутины, казенного благочестия и т. д. Романы А.К. Шеллера, как и всех писателей-«шестидесятников», характеризовались интересом к низшим слоям общества, гражданской направленностью, вниманием к быту, будням жизни, сближением литературного языка с просторечным. (Если вы читали «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, который был идеологом «шестидесятников», то в общих чертах представляете прозу этого направления.)

Шеллер уже с начала 1870-х годов переводился на иностранные

[10] Опочинин Евгений Николаевич (1858–1928) – писатель, журналист, сотрудник редакции журнала «Исторический вестник».

[11] Опочинин Е.Н. Всеволод Владимирович Крестовский // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/o/opochinin_e_n/text_0070.shtml.

[12] Однако уже в 1900 г. В. Шулятиков писал: «Правда, его романы утратили свой первоначальный, животрепещущий интерес, правда, теперь они находят себе восторженных читателей лишь в провинциальной глуши…» (Шулятиков В. Теоретик интеллигенции // Курьер. 1900. № 239).

[13] А.К. Шеллер (А. Михайлов) // Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1888. С. 526.

[14] Прозоров В.В. Шеллер, Александр Константинович // Русские писатели :Биобиблиогр. словарь. Т. 2. М., 1990. С. 405.

языки, его читали в США, Германии, Польше, Франции… При этом критика отмечала, что «г. Михайлов написал довольно много, но все вновь написанное оказывается повторением „Гнилых болот", и, к сожалению, повторением довольно слабым».[15] В его романах находили подражания Диккенсу, Теккерею и Тургеневу, отмечали их шаблонность и переходящие из одного произведения в другое типы: «герой и героиня романа, представляющие лучезарное сияние прогресса и совершенств нравственных, умственных и физических; злодей романа – высокий смуглый мужчина с оловянными, леденящими глазами и насупленными бровями; помещик – практик с большими связями, консерватор и деспот, который разлучает влюбленных друг в друга дворовых, вгоняет в гроб жену и чуть не засекает розгами героя романа; злодейка романа – бабушка или тетушка, с княжеским гербом на карете, занятая вечно своей родословной, бредящая светскими приличиями и презирающая чернь; петербургская кумушка, светский шалопай и т. д.»[16]. К началу XX века Шеллер начал утрачивать свою популярность, что во многом объяснялось публицистичностью его романов и повестей, их «эаточенностью» именно под общественную и политическую ситуацию 60–70-х годов XIX века. Но в 1890-е годы в российской провинции сочинения Шеллера еще с интересом читали, что подтверждается и отчетом Николаевской публичной библиотеки. Какие же произведения писателя можно было взять для чтения в Хабаровске? В каталоге 1909 года числится множество его книг: помимо 14-томного собрания сочинений Шеллера в библиотеке имелось больше десятка его отдельных изданий и сборников – и романы, и повести, и рассказы: «Гнилые болота», «Ртищев», «Тина», «Милые бездельники», «На разных берегах», «Из-за власти» и др. Имелся в Хабаровской публичной библиотеке и один из немногих исторических романов А.К. Шеллера «Дворец и монастырь: Исторический роман-хроника времен Великого князя Василия Ивановича и царя Иоанна Грозного», посвященный противостоянию Ивана Грозного и митрополита Филиппа. Также желающие могли взять сборник публицистических статей Шелера «Из истории народных движений» (1895).

Такой же популярностью, как Шеллер, пользовались у жителей Хабаровска и еще два отечественных беллетриста, забытых сегодня: Игнатий Николаевич Потапенко (1856–1929) и Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936). Оба очень плодовитые авторы, оба популярные в России в конце XIX – начале XX века. В отличие от предыдущих трех авторов (Е.А. Салиаса, В.В. Крестовского и А.К. Шеллера) эти двое писали в 1890-е годы. И.Н. Потапенко приобрел известность в 1890 году после публикации повести «На действительной службе», герой которой, отказываясь от блестящей духовной карьеры, идет на «действительную службу» сельским священником, чтобы помогать прихожанам. Критики отмечали, что «из всей массы написанного Потапенко лучше всего те очерки, в которых автор рисует хорошо знакомую ему среду сельского духовенства и архиерейских хоров»[17], и добавляли: «Пишет Потапенко так много, что это не может не отозваться на достоинстве его произведений, часто набросанных эскизно и с большими художественными недочетами»[18]. Лучшие его произведения (а помимо повестей он писал также очерки, рассказы, пьесы) проникнуты юмором, отличаются точностью бытовых и психологических деталей. И.Н. Потапенко много издавался и переиздавался, охотно читался. В Николаевской публичной библиотеке наличествовали многочисленные отдельные издания этого автора и выписывалось собрание сочинений в 12 томах, издававшееся Ф.Ф. Павленковым.

Еще шире в хабаровской читальне было представлено творчество его современника Василия Немировича-Данченко: в фонде числились многочисленные путевые и этнографические очерки и рассказы, а также нашумевшие романы и повести. Литературная деятельность В.И. Немировича-Данченко (кстати, старшего брата известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко) началась в 1870-х годах и продолжалась более 60 лет. Он был скорее публицистом: этнографические, военные очерки, путевые записки составляют значительную часть его литературного наследия, однако опубликовал и немало романов. Его очерки, рассказы, повести печатались во многих русских журналах, выходили отдельными изданиями, переводились на иностранные языки и читались, читались, читались…

В 1880–1890-е годы Немировича-Данченко «привлекает мир финансового капитала, в котором все служит предметом купли-продажи: честь мужчины, тело женщины, перо журналиста, и выгода, а не нравственный закон или религиозные установления определяют отношения между людьми. … Среди героев его романов – запутавшийся в столичной жизни провинциал, подделавший вексель и в попытке уйти от позора убивший ростовщика («Болотные огни»); студент университета, неожиданно получивший огромное наследство, но оказавшийся не в состоянии им управлять («Сластеновские миллионы». – СПб., 1893).Читатель посвящается в захватывающие подробности кредитных махинаций: можно открыть необеспеченный активами банк и исчезнуть с деньгами своих вкладчиков («Бубны козыри!».– СПб., 1894) или же посредством хитрой биржевой спекуляции разорить своего недавнего компаньона и тем самым принудить его дочь к замужеству («Цари биржи».– СПб., 1886), скупить подложные векселя с помощью шантажа и т. д. Сюжеты в романах занимательны, действие развивается динамично; герои переживают быстрые

[15] Салтыков-Щедрин М. Е. Засоренные дороги и с квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайло-ва. С.-Петербург. Издание В. Е. Генкеля. 1868 г. :[рец.] // Отечественные записки. 1868. № 9.Отд. «Новые книги». С. 47.

[16] Бороздин А. К. Шеллер // Энциклопедический словарь. Т. 39.СПб.: Ф.А. Брокгауз: И.А. Ефрон, 1903. С. 439.

[17] Потапенко (Игнатий Николаевич) // Энциклопедический словарь. Т. 24а. СПб.: Ф.А. Брокгауз : И.А. Ефрон, 1898.С. 721.

[18] Там же.

Немирович-Данченко В.И. Племена глухих углов. 2-е изд. (М., 1904)

В.И. Немирович-Данченко

взлеты и падения, убивают и совершают самоубийства, совращают доверчивых девиц и т. д. Развязки эффектны и неожиданны, хотя обычно и малоправдоподобны»[19].

Были среди произведений В.И. Немировича-Данченко «романы „с любовной интригой": „Исповедь женщины" (СПб., 1889), „На разных дорогах" (Северный вестник. – 1894. – № 1–10)»[20]. В них варьируется тема адюльтера, картинные падения героинь и т. д. Критики осуждали автора за «склонность к внешним эффектам и театральным диалогам», а читатели любили его за это.

А что же ныне признанные классики русской литературы? Как видно из отчета Николаевской публичной библиотеки, с популярными беллетристами в Хабаровске мог потягаться разве что Лев Николаевич Толстой – его произведения спрашивались в 1895–1896 годах 76 раз. Что же до Чехова, Гоголя, Тургенева, Гончарова – они не слишком интересовали хабаровского читателя. А уж А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов не упоминаются в отчете вовсе, то есть они либо совсем не спрашивались, либо это были единичные запросы, несмотря на то, что в библиотеке имелись собрания сочинений практически всех классических отечественных авторов.

Удивительно, но, судя по отчету Николаевской библиотеки, столь же неохотно, как Чехов и Тургенев, читались иностранные романы, в том числе и сочинения Диккенса, Дюма, Гюго брали вовсе не так уж часто. Такая картина была характерна не только для Хабаровска, но, вероятно, для всей России: в своем исследовании русской читающей публики, сделанном в начале 1890-х годов, Н.А. Рубакин отмечал, что «оригинальная беллетристика читается больше, чем переводная»[21]. При этом в публичных библиотеках европейской части России, по приводимым тем же Н.А. Рубакиным данным, в 1891–1892 годах наибольшей популярностью пользовались сочинения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.К. Шеллера, то есть «серьезная» литература пользовалась там большим спросом, чем приключенческие романы. Хабаровская же публика, наоборот, предпочитала «легкое чтение», что подтверждается большой популярностью в нашем городе отечественных авторов, писавших в авантюрно-приключенческом жанре.

[19] Носов А.А. Немирович-Данченко, Василий Иванович // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. Т. 2. М., 1990. С. 80.

[20] Там же.

[21] Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 124.

Литература

Амельченко В. В. Об авторе [В. В. Крестовском] // Крестовский В.В. Очерки кавалерийской жизни. М., 1998. С. 5–7.

Введенский А. Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич // Энциклопедический словарь. Т. 28а .СПб.: Ф.А. Брокгауз : И.А. Ефрон, 1900. С. 131.

Евгений Андреевич Салиас (1840–1908) // Беллетрист библиотека.URL: http://www.belletrist.ru/definit/salias.defin.htm.

Кокорев А. Салиас-де-Турнемир // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 10. [М., 1937]. Стб. 500–501.

Крестовский, Всеволод Владимирович [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крестовский,_Всеволод_Владимирович.

Михлова С. Василий Немирович-Данченко: Жизнь, пропавшая в вечности // Русское слово. 2008. № 9.

Н. А. Биография Потапенко Игнатия Николаевича // А. П. Чехов:[сайт, посвящ. А.П. Чехову].URL: http://www.my-chekhov.ru/biografii/potapenko.shtml.

Немирович-Данченко В.И. Вас. Ив. Немирович-Данченко :Автобиогр. // Возрождение. 1936. № 4046 (3 окт.). С. 5, 8.

Николаевская публичная библиотека Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Каталог книг. Отдел переводной беллетристики. Хабаровск, 1909.

Николаевская публичная библиотека Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Каталог книг. Отдел русской беллетристики. Хабаровск, 1909.

Петербургские трущобы // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Петербургские_трущобы#cite_note-1.

Салиас-де-Турнемир, Евгений Андреевич // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Салиас-де-Турнемир,_Евгений_Андреевич.

Авантюрный роман об Амурской Калифорнии

Татьяна КИРПИЧЕНКО

В 80-х годах XIX века в северной Маньчжурии, в районе реки Желтуги, были открыты богатейшие месторождения золота. Это всколыхнуло не только Россию и Китай, но и взбудоражило авантюристов и предприимчивых людей многих стран мира. Сюда устремились представители самых разных национальностей и социальных групп, и вскоре на Желтуге стихийно возникло приисковое поселение. Его жители, в основном русские и китайские старатели, создали здесь свою «республику», не подчинявшуюся ни русским, ни китайским властям, выработали свои правила и законы, которые неукоснительно выполнялись. Амурская Калифорния, Игнашинская республика, Новая Калифорния, Желтугинская республика, Золотопромышленная республика – так в те времена называли необычное, стихийно созданное сообщество. Этот неординарный эпизод истории, рассказы о жизни и нравах республики, переходя из уст в уста, попадали на страницы книг. Теперь уже сложно сказать, где в них была правда, а где домысел.

Пожалуй, самые ранние воспоминания о событиях на Амуре оставил Иван Николаевич Перестиани – режиссер и один из популярнейших киноактеров дореволюционного русского кино, автор замечательного фильма «Красные дьяволята». Он начинал свою карьеру актером провинциальной и столичной театральной сцены. В 1892 году с труппой артистов И.Н. Перестиани отправился на гастроли в Благовещенск, проехал через всю Россию от Тифлиса до Благовещенска, выступая в различных городах. В своих мемуарах «75 лет в искусстве» (М., 1962) он вспоминает о Благовещенске, куда труппа прибыла поздней осенью 1892 года, и в частности воспроизводит рассказы о «Китайской Калифорнии», о фантастических золотых приисках и невероятных случаях обогащения по свежим еще впечатлениям бывших желтугинцев.

«Желтугинская республика» – название, курьеза ради присвоенное сборищу людей различной национальности, но преимущественно русской и китайской. Людей этих собрало золото.

Речка Желтуга, по-китайски Жел-Те, впадает в Амур, в его верховье китайского берега, имея сама протяжение до двадцати километров, причем размытое ею золото является очень богатой россыпью. Богата золотом вообще вся система реки Амур, являющейся нашей естественной границей с китайским государством, причем большинство месторождений находится на китайской стороне. Это создало с давних времен особый промысел – «хищничество». Оба берега Амура были заселены негусто, граница почти не охранялась, и переезжать на китайский берег было легко и просто. Я сам был там несколько раз на охоте и чуть не поплатился жизнью, попав на болото, кочки которого стали быстро погружаться под моими ногами.

Так вот, кто-то из таких хищников прибыл осенью, незадолго до нашего приезда в Благовещенск с целым грузом золотых самородков. И пошел куролесить, празднуя удачу. Покупались, например, целыми штуками цветные бархаты и расстилались прихлебателями прямо по грязи в виде дорожек, по которым шествовал счастливец и с ним гармонист или скрипач.

Так гуляли многие, кому улыбалось счастье. Это было чем-то обязательным, глубоко вкоренившимся, ставшим обычаем.

Прокутившись к весне вдребезги, герой оказался в окружении целой оравы наслушавшихся его рассказов людей, двинувшихся вместе с ним на Желтугу, где каждый без труда намывал себе на сто пятьдесят – двести рублей золота в день. Мудрено ли, что число желтугинцев быстро дошло до двенадцати тысяч человек. Всю эту братию возглавлял «президент», бывший чиновник, человек богатырского вида и сложения. Эти своеобраз-

Торговая лавка в Желтуге

ные «республиканцы» дали вооруженный отпор первой попытке китайского правительства изгнать пришельцев. В суде республики вовсю действовал закон Линча. Краж не было совершенно, и, как ни странно, нравственность была на высоте, что, на мой взгляд, доказывает великую силу стяжательского инстинкта, подавляющего все остальные эмоции человеческого существа.

Многие спорные вопросы разрешались «президентом» лично, с применением мордобоя, что для подданных было страшнее суда, ибо кулак «президента» валил с ног быка.

Вскоре правительственные войска Китая обрушились на «республику» крупными силами, причем им содействовали русские войсковые части с нашего берега. Все имущество было конфисковано, строения сожжены, золото отобрано, и к подданным богдыхана была применена высшая мера наказания. Уцелели головы только тех, кто попал в плен к русским войскам, отпустивших всех без исключения желтугинцев на волю».

Сведения о Желтуге встречаются и в трудах известных путешественников и ученых, побывавших на Амуре в XIX веке. В своей книге «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (Петроград, 1916) писатель, исследователь и талантливый инженер Николай Георгиевич Гарин-Михайловский приводит разговор с капитаном буксирного парохода «Михаил Корсаков», который вез путешественника в Благовещенск в августе 1898 года. Капитан – бывший желтугинец – рассказал о разгроме Желтугинских приисков и казнях, которые устраивали китайские войска над соотечественниками: «Русские войска паспортов не требовали и всех отпустили, а китайцы своим порубили головы (до 300 жертв). Некоторые китайцы, чтобы спастись, отрезали себе косы, но, конечно, это не помогало. Где-то есть фотографии расправы китайских войск со своими подданными: целыми рядами привязывали их к срубленным деревьям и потом рубили головы. По одну сторону дерева головы, по другую – тела. Там насчет этого просто».

Часть фотографий с изображением Желтуги, в том числе снимок китайской казни, о которой говорил капитан, сохранились в альбоме известного на Амуре фотографа Э. Нино «Амур. От р. Амгуни до ст. Покровской», в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ).

Авантюрная жизнь амурских приисковиков XIX века послужила сюжетом и для увлекательных художественных произведений. В Дальневосточной государственной научной библиотеке хранится книга «В долине Желтуги» (Хабаровск, 1959) – повесть в историко-приключенческом жанре писателя из Комсомольска-на-Амуре Геннадия Николаевича Хлебникова. Вот что, по его версии, увидел в Желтуге приехавший по поручению военного губернатора чиновник Вышнепольский.

«Третий день Вышнепольский с любопытством наблюдал жизнь «господ желтугинских жителей», как называют себя желтугинцы. Люди выглядят весело, держатся самоуверенно. Главное, что поразило чиновника, это дух вольности, витавший здесь. Вышнепольский убедился также, что на этот раз газета «Восточное обозрение» была права. В Амурской Калифорнии царил порядок. Лавки торговцев, склады частные и общественные, зимовья старателей не запирались, и не было случаев краж. А ведь в зимовьях порой скапливалось огромное количество золота.

От нападения внешних банд хунхузов и отдельных воров Желтугу охраняли сто пятьдесят стражников. Третья часть их на лошадях. Ночью три конных патруля объезжают улицы поселка, золотоносные участки.

Поразил чиновника и необычайно разросшийся поселок. Он насчитал свыше пятисот больших зи-

мовьев и сбился со счету. Обширную Орлиную площадь окружали десятки торговых зданий. Были тут и общественные бани, пекарни, цирюльни, фотографии и даже вместительный сарай-театр, в котором давали представление заезжие артисты… В Благовещенске Вышнепольский обстоятельно описал Желтугинские прииски, нравы и обычаи тамошних золотоискателей, совершенно забыв о либерализме. Он рекомендовал эффективные меры.

– Говорите, эффективные меры? – покачивая на ладони увесистый доклад Вышнепольского, спросил губернатор. – Прекрасно. Но я должен пока повременить. Наши амурские промышленники против блокады Желтугинских приисков, и мы вынуждены с этим считаться.

– А дух республиканский? – опешил Вышнепольский.

– Дух этот на китайской территории. Пусть они и занимаются им. А мы, повторяю, пока повременим. Да и с купцами ссориться мне сейчас нет расчета».

Не обошел своим вниманием удивительную историю Амурской Калифорнии и известный российский писатель Валентин Пикуль. Одну из своих исторических миниатюр («Желтухинская республика») он посвятил старательской вольнице на Амуре и трагической судьбе президента Желтугинской республики Павла Прокунина.

Но это литература. А вот исторические сведения. В известном «Географическо-статистическом словаре Амурской и Приморской областей», вышедшем из печати в Благовещенске в 1894 году, составитель А. Кириллов описал Желтугинские прииски и речку Желтугу. «Желтугинские прииски в северной части Маньчжурии, по речке Желтуге, притоку Албазихи, в 15 верстах выше ее устья и в верстах 35 от станицы Игнашино. Золотые россыпи открыты были здесь весной 1883 г. одним орочоном, который выкапывая могилу для старухи матери, нашел несколько самородков. Слух об открытии быстро распространился и привлек сюда несколько тысяч человек, толпа которых постепенно увеличивалась, по мере распространения слухов о баснословных богатствах, и в 1884 и 85 гг. достигла до 10 000 человек. Тут были любители легкой наживы, собравшиеся со всех концов обширной Сибири, были приисковые рабочие, бежавшие с амурских приисков, были сахалинцы и карийцы, были китайцы и корейцы, были и отставные чиновники».

В то время о Желтуге знали, пожалуй, все. О ней с 1884 года постоянно писали в сибирской и дальневосточной прессе. Газеты и журналы «Владивосток», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирь», «Русское богатство» и другие по горячим следам освещали перипетии жизни вольных промышленников на Амуре. Старые периодические издания давно стали библиографической редкостью, но некоторые материалы из этих газет мы можем почитать и сегодня в книге «Описание Маньчжурии», которая напечатана в Санкт-Петербурге в 1897 году. Это двухтомный свод материалов о Маньчжурии, составленный на основе сведений, опубликованных в разных российских и европейских изданиях, прежде всего, в газетах. Один из разделов книги посвящен истории самых знаменитых маньчжурских золотых россыпей – желтугинских.

В январе 1885 года в Желтугинской республике находилось до пятнадцати тысяч человек, но так было не всегда. «В самом начале существования Желтуги споры, воровство и разного рода насилия случались очень часто; сюда явились сотни беглых каторжников-карийцев и целая фаланга авантюристов, прибывших ловить рыбу в мутной воде; они способствовали развитию среди рабочих страсти к азартной игре, приучили их к рулетке, на которой рабочие проигрывали весь свой заработок, и Желтуга превратилась таким образом в омут, где совершались всевозможные преступления».

Начались пьяные оргии, поножовщина, бандитизм. Хунхузы и беглые каторжники подкарауливали удачливых старателей, убивали их на таежных тропах, чтобы завладеть намытым золотом. Потом начали грабить и купцов, особенно тех, кто возвращался после удачной торговли. Каждое утро находили трупы несчастных людей, пришедших за фартом.

«В декабре (1884 г.), среди белого дня был убит молотком самым зверским способом повар артели бежавших ссыльнокаторжных карийцев. Весть об этом поразила всех; начались сходки, и через 6 дней было решено выбрать одно лицо для самостоятельного введения дисциплины и порядка, с предоставлением ему власти над всем находящимся на Желтугинских приисках и прилегающих к ним местах, населением. Выбор пал на лицо, выделявшееся из толпы своим образованием, разносторонними практическими сведениями, честностью и трезвостью и одаренное в высшей степени энергическим характером. Ему был присвоен титул старшины Желтугинского прииска».

По инициативе и при непосредственном участии выбранного старшины – первого президента республики был создан замечательный документ – Уложение, по которому жила с тех пор вся Желтуга. Главные основания документа были следующие: 1) товарищества артелей; 2) выборное начало; 3) суровые наказания за нарушение общественного порядка (20 пунктов устанавливали наказания за разные преступления).

Население Желтуги росло с неимоверной быстротой. В некоторые месяцы там находилось до пятнадцати тысяч человек. Чтобы прокормить такую массу людей купцы из ближайших станиц и даже из Забайкалья везли продукты по невероятно дорогим ценам. Мясо, сухари, водка, хлеб, добираясь до Желтуги, дорожали в три-четыре раза.

«В декабре 1884 года на Желтуге было до 30 лавок, но потом число разных торговых и увеселительных заведений достигло 150, из них некоторые выручали 200–400 р. в день; самую доходную статью представляла продажа крепких напитков; много продавалось разного рода вин – коньяку, хереса, мадеры, шампанского (большею частью амурского производства фирмы Хлебникова). Ввиду крайнего недостатка кредитных денег, которые, однако, были в Желтуге в большом почете и ходили по высокому курсу, расчет производился золотом. Одно время цена на него была произвольна и неопределенна. Так,

пуд мяса стоил 7 золотников, столько же пуд сухарей и ведро водки. Однако при неимении монеты приходилось выработать удобную единицу для расплаты сырым шлиховым золотом. Тогда золотник, получивший на приисках название «штука», и дробный вес его стали заменять игральными картами и спичками: 4 карты или 96 спичек принимались за один золотник».

Довольно быстро на Желтуге стал налаживаться быт. «Наряду с торговыми заведениями, нагрянувшие отовсюду аферисты стали основывать и другие учреждения, которые дали возможность вести почти европейскую жизнь в местности, бывшей всего только несколько месяцев тому назад совершенной пустынею. Появились гостиницы с обстановкой и громкими названиями: «Марсель», «Беседа», «Тайга», «Калифорния»; две бани, общая и номерная, несколько пекарен; игорные дома, из коих в одном имелась рулетка, буфет и оркестр музыки. Появился зверинец, целая труппа жонглеров, фокусников, гимнастов, наездников, 2 оркестра музыки и несколько органов.

Эти учреждения помещались в деревянных зданиях, отличавшихся более или менее значительными размерами. Но такая роскошь не распространялась на всю колонию. Главная масса рабочих размещалась в зимовьях, строившихся в два ряда улицею. …Кроме того были устроены разные благотворительные учреждения, между которыми первое место занимала больница, крайне необходимая ввиду появившегося на прииске значительного числа больных. Больница по внешнему виду отличалась от прочих зимовьев только большими размерами… Больные, поступившие в лазарет, пользовались безвозмездно, на общественный счет, присмотром за ними лазаретного врача и аптекою, а также, с разрешения врача, и полным продовольствием, состоявшим из утреннего и вечернего чая, завтрака и обеда из 3 блюд».

Выборные старосты четырех русских округов поселка и горнист

Амурская Калифорния просуществовала с 1883 до 1886 года, пережив за столь короткое время и период расцвета, и полное уничтожение. И китайские, и русские власти приняли меры для того, чтобы вольные прииски перестали существовать. Большая часть желтугинцев ушла при первом же приближении китайских войск в январе 1886 года. Самые же отчаянные русские и китайцы пытались отстоять свою территорию, но безуспешно. Желтуга была полностью разграблена и разрушена. При этом китайских рабочих убивали нещадно, и только 27 русских переправились через Амур невредимыми. Так закончили свое существование «прииски вольных желтугинских промышленников».

Фото Эмиля НИНО из архива Дальневосточной государственной научной библиотеки

Работы на Желтуге

Ликвидатор неграмотности, журналист и писатель

К 100-летию со дня рождения Алексея Леонтьевича Вальдю

Любовь КРИВЧЕНКО

1965

В 2015 году основоположнику ульчской прозы Алексею Леонтьевичу Вальдю исполняется 100 лет. Имя этого замечательного прозаика яркой строкой вписано в историю зарождения и расцвета литературы коренных народов Дальнего Востока. Прообразы героев произведений А.Л. Вальдю испокон веков жили на Нижнем Амуре. Села, стойбища, города, упомянутые в его повествованиях, и сегодня стоят на берегах Амура, свидетельствуя о событиях, происходивших в них.

Алексей Леонтьевич Вальдю – талантливый представитель ульчского народа, ровесник и участник социальных преобразований на Амуре. Он рассказал миру об особенностях труда и быта, родовых и семейных взаимоотношениях, самобытном характере земляков. В Государственном архиве Хабаровского края хранится его личный архивный фонд.

Алексей Леонтьевич Вальдю родился 5 апреля 1915 года в стойбище Монгол Больше-Михайловской волости Удского уезда на Нижнем Амуре (ныне Ульчский район). С ранних лет был приучен к труду, ведь средства к существованию его народа добывались охотой и рыбной ловлей. Отец не понимал, для чего отдавать ребенка в школу, открывшуюся в 1926 году в соседнем селе Ухта, несмотря на многочисленные просьбы мальчика об учении,.Только через год маленькому Алеше позволили пойти недолго поучиться. Много лет спустя в автобиографическом очерке «Откуда наступает рассвет» писатель вспоминал: *«Мне было лет 10–11, брат на два года старше. Как положено нанинским мальчикам, я носил еще косу. Ее отрезала мне мать всего за два дня до моего отъезда на учебу в школу-интернат в селе Ухта. Это была почти первая школа, открытая для обучения детей коренных жителей Нижнего Амура: ульчей и нивхов».*

У Алеши и его сверстников была большая тяга к знаниям. С завистью они смотрели на грамотного по тогдашним меркам председателя Монгольского сельсовета Михаила Монокто, который учился в церковно-приходской школе села Мариинского и сам обучал односельчан. Первые детские впечатления о постижении грамоты Алексей Леонтьевич помнил всю жизнь: *«И взрослые, и, мы, дети, писали, кто на бересте, кто на клочке газеты или какой-нибудь бумаги. А Михаил показывал, как писать ту или иную букву на куске старой доски обыкновенным углем… Пределом мечты мальчишек моего поколения тогда было научиться читать и писать так, как наш учитель Михаил Монокто…».*

Но в школе-интернате Ухты Алеша пробыл недолго, вскоре отец вернул его домой помогать семье. Трудно представить, как огорчило это Алексея, сколько доставило хлопот учителям, заметившим старательность и способности мальчика…

«После окончания третьего класса Ухтинской школы-интерната отец не разрешил мне больше учиться, несмотря на мои просьбы и слезы. Оторвал меня на год от учебы. Узнав об этом, заведующая школой Вера Ивановна Савина специально приехала на гребной лодке к нам в село Монгол и побеседовала с моим отцом. О чем они говорили, я не знаю, но, видимо, она сумела настоять

на своем… Радости моей не было границ. Благодаря своей учительнице я продолжил занятия».

Алеша был принят сразу в пятый класс.

«Осенью 1931 года, после окончания пятого класса Ухтинской школы-интерната, к тому времени преобразованной в семилетнюю школу колхозной молодежи (ШКМ), я поехал учиться в Хабаровск и поступил в Дальневосточный техникум народов Севера. Через год, однако, по чьему-то неразумному решению техникум был переведен в Николаевск-на-Амуре. Мол, надо северян приблизить ближе к Северу».

По анкетам из личного дела А.Л. Вальдю, хранящегося в архиве администрации Ульчского района, можно легко проследить его биографию. Анкетные листы заполнены красивым и аккуратным почерком, без орфографических ошибок. Первая заполнена в 1955 году: 1935–1937 гг. – заведующий начальными школами в ст. Монгол, с. Калиновка Нижне-Амурской области, 1937–1938 гг. – ликвидатор неграмотности школы допризывников с. Больше-Михайловского Нижне-Амурской области, 1939–1942 гг.. – учитель и заведующий в школах сел Новая Ферма, Савинского, Халан, участка Веселого; 1942–1943 гг. – служба в армии, в 21-м отдельном строительном батальоне в г. Ворошилове (ныне Уссурийск). В 1946 году награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Затем стал инспектором роно, пропагандистом Ульчского райкома КПСС, заведовал там же отделом пропаганды и агитации. Окончив Хабаровскую партшколу в 1950 году, стал секретарем Ульчского райкома, в 1955-м. работал инструктором, секретарем Ульчского райисполкома, редактором районной газеты «Красный Север» в селе Богородском, ответственным редактором Ульчской редакции радиовещания, дорожным рабочим, охотоведом и командиром отделения 10-й пожарной части. В личном деле имеется лаконичная партийно-производственная характеристика, подписанная председателем Ульчского райисполкома в 1968 году: *«Вальдю А.Л. принимает активное участие в общественной жизни коллектива. …вел кружок текущей политики, являясь политинформатором, регулярно выступает с политинформациями. Принимает участие в редакции стенной газеты райисполкома, являясь внештатным директором народного музея, ведет работу по сбору экспонатов и их оформлению».*

Алексей Леонтьевич активно участвовал во всех преобразованиях жизни ульчского народа, прилагая к этому немалые усилия. Жажда знаний и мечта о лучшей жизни коренных жителей Дальнего Востока придавала ему сил, уверенности в творческой работе. Желание рассказать о своем народе, его традициях и преданиях воплотилось в первой книге, написанной к сорока годам. По воспоминаниям и отзывам бывшего корреспондента газеты «Амурский маяк» Б.Н. Вана, 1950–1965 годы – это период напряженной работы писателя, расцвета и создания лучших произведений. Проза Вальдю была положительно принята в литературных кругах края и с успехом печаталась в Хабаровске, Ленинграде, Москве, Якутске, Владивостоке и за рубежом.

Впервые с творчеством писателя А.Л. Вальдю читатели журнала «Дальний Восток» познакомились в 1953 году, когда были опубликованы его сказки «У костра». В 1956-м в Хабаровском книжном издательстве вышла первая книга «Жизнь и сказка». В этом сборнике Вальдю органично слиты фольклор, публицистика и художественное изображение жизни земляков писателя.

«Давно мечтал я поведать людям легенды и сказки моего народа. Но как и с чего начать? Тысячи лет несет Амур свою большую воду к океану. С давних пор на его берегах обитали мои предки – нани. Было трудно им спорить с высокой амурской волной, когда они отправлялись за добычей. Но еще труднее было защищаться от купцов и шаманов…

Безрадостно проходила жизнь наших отцов и дедов. А все-таки они любили Мангу, его широкий простор, озера, протоки, буйный лес по берегам, причудливые горы.

…Я тоже люблю Мангу… На берегах Мангу я узнал и горе, и радость. Мангу – моя колыбель, родина сказок моего народа».

Вот таким лирическим вступлением начинается его произведение «Жизнь и сказка», где один из главных героев – старый рыбак и охотник Ното Зоринча, не только сказитель, в памяти которого множество легенд, сказок и преданий старины. Он также бригадир, уважаемый человек, активный гражданин. Ему радостно, что изменились условия промысла на зверя и сами охотники. У них появилась ответственность за успех государственного плана, ведь результаты улучшат жизнь их села. На отдыхе Ното рассказывает молодым охотникам легенды о богатыре Мыргы, победившем трехглавое чудовище Дябду, о неприметном бедняке Делобу, который ценой собственной жизни избавил сородичей от опасного амбы. Истина, что героем может стать лишь тот, кто живет для народа, объединила всех персонажей А.Л. Вальдю. Дальневосточная писательница Ю. Шестакова, работавшая с его прозой, писала об этом произведении:

«Прекрасная легенда воспевает нравственный опыт ульчей, лучшие черты народа, вызывает ответную реакцию слушателей. «Зерно» брошено, оно «прорастает» в душах сидящих у костра охотников. Беседа плавно переходит на героев из реального мира – современников, людей разных национальностей, прославивших свою Родину подвигами в годы Великой Отечественной войны и в мирное время. Обычная беседа на привале у костра приобретает интернациональное звучание. Так сказка становится былью.

Есть и отрицательные персонажи в рассказах, например парень из легенды «Чоло Паси». За свое высокомерное отношение к людям он был наказан сородичами. Отсюда вывод: нельзя думать лишь о себе. «Какой бы сильный ты ни был, оторвался от людей – пропал. Такой человек все равно что отколовшийся от скалы камень. Ведь камень тоже так: пока он держится родной скалы, он крепок, оторвался – и любой его сможет скинуть в воду…»

Громко заявив о себе как о собирателе народных легенд и преданий, Алексей Леонтьевич перешел к актуальным на тот период темам. Он был человеком своего времени, его художественное видение развивалось в соответствии с советскими взглядами о построении новой жизни отсталого в недалеком прошлом народа, открывающихся перспективах. Не всем и не сразу было понятно значение перемен на Амуре, и мысль о преодолении пережитков старины, «выпрямлении» души народа у Вальдю проходит через все творчество искренними нитями.

Поэтому его произведения не оставили равнодушными ни читателей, ни коллег по литературному цеху. В 1962

А.Л. Вальдю в родном селе Монгол Ульчского района. 1990

С женой Евдокией Кузьминичной. 1939

А.Л. Вальдю с женой Евдокией Кузьминичной на фоне родительского дома в селе Монгол Ульчского района. 1989

А.Л. Вальдю с Евдокией Кузьминичной. 1968

году он стал членом Союза писателей СССР, о чем в письме от 30 июня 1962 года сообщил В.Н. Александровский, возглавлявший Хабаровское отделение Союза писателей РСФСР с 1955 года: «*Дорогой Алексей Леонтьевич! Сердечно поздравляю тебя с принятием в Союз писателей СССР! Справедливость наконец-то восторжествовала!*»

Дальневосточная писательская организация и читающая публика признали талант этого самобытного писателя, который начал учиться, совершенно не зная русского языка, но впоследствии написавшего на нем замечательные произведения о своем народе.

Алексей Леонтьевич мог оказаться автором лишь одной книги, что нередко происходит с начинающими писателями. Но в 1960 году Хабаровское книжное издательство выпустило сборник его рассказов «Ошибка Пираки Сенкинча» о современной жизни ульчей. Год спустя в Ленинграде изданы «Сказки народа нани» на ульчском языке. В 1972 году в Хабаровске напечатаны «Сказки бабушки Лайги», через два года издательство «Современник» выпустило новую книгу, куда вошли «Сказки Дай Гирамса» и повесть «Сойнган – сын моего народа».

В этой повести автор передает через главного героя характер, дух, образ ульчей, показывает, как постепенно изменяется облик невежественного человека, его быт и миропонимание. Дальневосточный писатель, редактор отдела художественной прозы журнала «Дальний Восток» В.А. Русских так охарактеризовал это произведение:

«Создав собирательный образ простодушного, озорного и мужественного человека, автор не погрешил перед правдой и не уклонился от действительности. Тихон Сойнган – реальный человек, если земляки автора знают разные веселые и грустные истории о нем. Но вместе с тем это и лицо мифическое, нарицательное, если люди из рода в род передают о нем рассказы, схожие с легендой. Этот собирательный образ воплотил в себе лучшие черты народа, стал олицетворением наивной народной мудрости, добросердечия и жизнестойкости, врожденной способности быть всегда начеку, держать ухо востро».

Ю.А. Шестакова сравнивает образ мужественного, ловкого и находчивого Сойнгана с образом ролланновского Кола Брюньона. О таких говорят: «В воде не тонет, в

А.Л. Вальдю в рабочем кабинете. Хабаровск. 1971

огне не горит». Сам же автор размышляет: *«Может быть, в Тихоне Сойнгане люди хотели сохранить лучшее моего народа? Может быть…»*

В повести «Месяц первых цветов» Алексей Вальдю рассказывает о первых днях советской власти на Нижнем Амуре, о трудностях ее становления в глухих стойбищах, где господствовали торговцы и шаманы. Эта повесть о русской девушке, приехавшей в стойбище на Амуре учить детей грамоте, об учительнице и учениках, о дружбе и любви, о цветах и слезах. Трудно было ульчам тех времен ориентироваться в изменяющемся мире, отрекаться от традиционного уклада жизни, ломать свой быт. Алексей Вальдю рассказывает о том, каким тактом и терпением, трудолюбием должны были обладать первые на Нижнем Амуре советские и партийные работники, чтобы вывести людей нани из того, что считалось тьмой невежества и суеверия. Книга «Месяц первых цветов» подтвердила дарование писателя, совершенствование его мастерства, значительные результаты его творческих поисков. Ю.А. Шестакова так оценила рождение нового повествования Алексея Леонтьевича Вальдю: *«Если в ранних его произведениях об охотниках и рыбаках мотив борьбы за новую культуру возрожденных народностей звучал в публицистических отступлениях, то позднее, осмысливая современность более глубоко, писатель в художественных образах стал показывать, как велико значение социалистических преобразований в истории его поколения».*

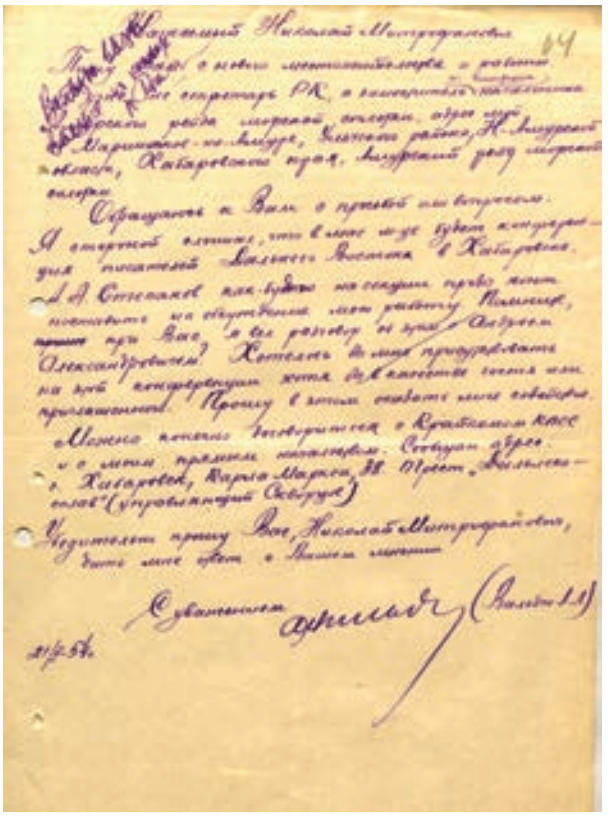
Позже Алексей Леонтьевич в автобиографических воспоминаниях «Откуда приходит рассвет» с глубокой благодарностью писал о просветительской роли русских, пришедших на Амур, об их наставническом отношении к коренному населению. Отдавая дань уважения выдающемуся государственному деятелю и путешественнику Геннадию Ивановичу Невельскому, Вальдю подчеркивал: *«Г.И. Невельской строго придерживался правил бережного обращения с коренными народами и неукоснительно требовал их соблюдения от своих сподвижников. Видел в коренных жителях не бессловесных и покорных дикарей, а людей, у которых есть свое достоинство, культура, свой взгляд на жизнь. Видя, что русские к ним относятся с уважением и доверием, мои предки охотно помогали им: шли в проводники, давали все нужные сведения о протоках, озерах, заливах, горных массивах, делились едой. Своими справедливыми действиями Г.И. Невельской и его соратники быстро завоевали доверие и уважение аборигенов. Не случайно на Амуре говорили: добрые вести приходят от одного стойбища к другому быстрее самой быстрой собачьей упряжки».*

В своих произведениях о пережитом ульчским народом Алексей Леонтьевич с благодарностью писал о помощи русского населения. Например, Екатерина Ивановна Невельская, проживая в селении Петровском, научила жену гиляка Паткена сажать картофель.

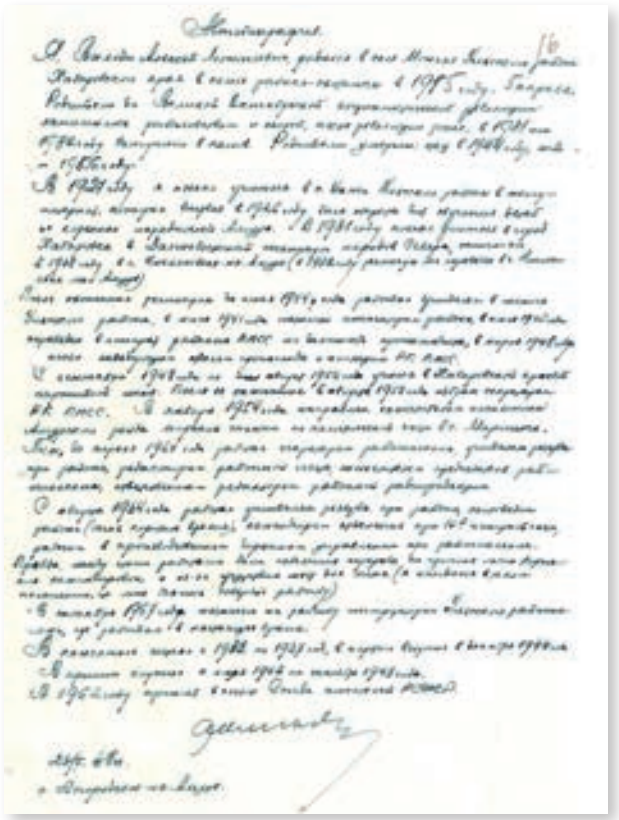
«Коренные народы не сразу привыкли к огородничеству, разведению домашнего скота и птицы, хотя некоторые путешественники утверждали, что мои предки очень легко воспринимали новшества, которые привезли с собой русские люди… «Мангуны» (ульчи) действительно вынуждены были позаимствовать слова, обозначавшие предметы, которых в обиходе у них не было. Например, спички – ничка, молоко – молоко, хлеб – лепу, один рубль – умунгумашка (одна бумажка) и т.д.».

Процесс привития цивилизации коренному населению шел болезненно и трудно: *«Я много раз слышал в детстве от старших о строгом русском дянгине, начальнике, заставлявшем нани садить огороды, требовавшем от них, чтобы свое жилище они содержали в чистоте… От некоторых, которые придумывали разные причины, вроде того, что их огород находится где-то далеко в тайге или на дальнем амурском острове, обязательно требовал показать. Если обнаружит обман, мог даже поколотить за это…»*

За свою длинную жизнь Алексею Леонтьевичу Вальдю приходилось встречаться с разными русскими, хорошими и плохими. Острое неприятие несправедливости наносило болезненные удары, однако душа не ожесточилась. Он преодолевал все выпавшие на его долю трудности, боролся и сам с собой, стараясь сохранить в себе человека. Так, в 1930-е годы Вальдю оказался среди жертв произвола, однако избежал участи «врага народа», после освобождения работал рыбаком в колхозе «Красный Монгол», затем заведовал школой. Вся жизнь писателя была соткана из событий, которыми хотелось поделиться. Вот лишь выдержка из краткой автобиографии, хранящейся в личном деле, но написанная им без утайки, честно: *«С августа 1964 года работал учителем резерва при районо, охотоведом района, командиром отделения пожарной части, рабочим в дорожном управлении... между этими работами были небольшие перерывы по причине творческих командировок и из-за отсутствия мест для меня (я находился в таком положении, что мне боялись доверять работу). В октя-*



Письмо А.Л. Вальдю об участии в конференции



Автобиография А.Л. Вальдю, написанная его рукой

бре 1967 году назначен на работу инструктором Ульчского райисполкома… В комсомоле состоял с 1932 по 1937 год, в партию вступил в декабре 1944 года. В 1962 году принят в члены Союза писателей РСФСР».

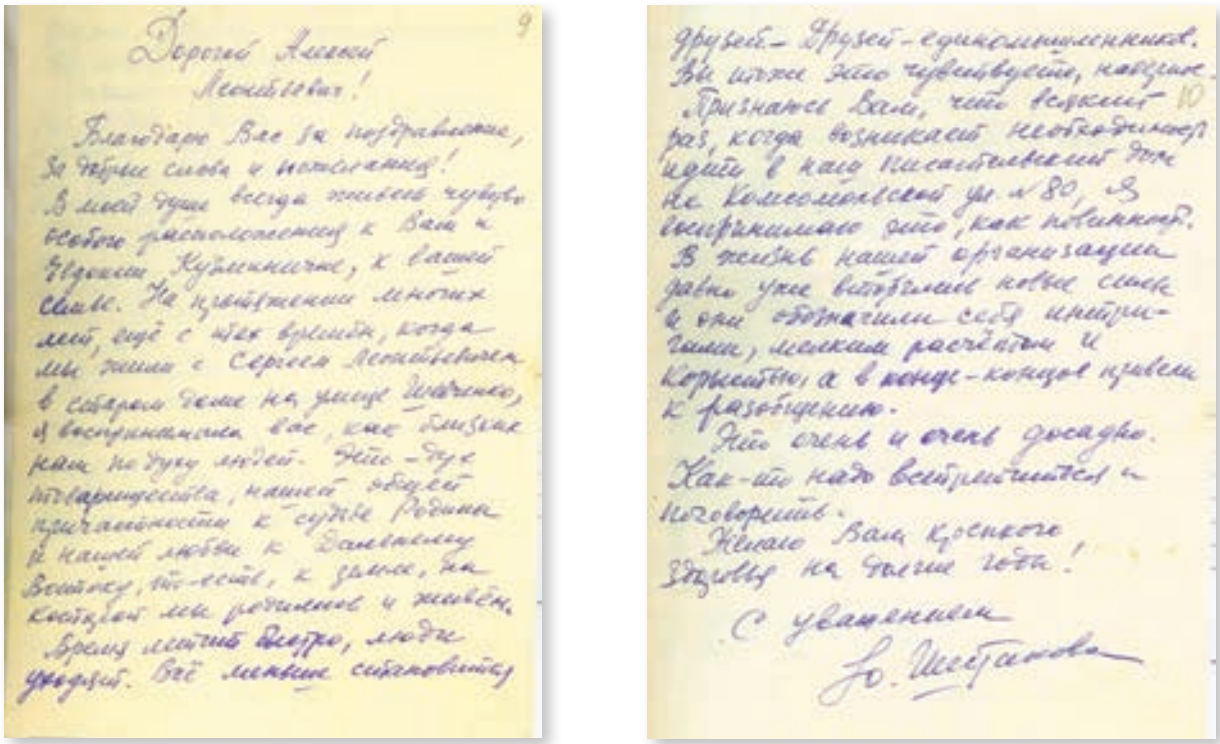
Тонкая наблюдательность, знание психологии своего народа, постоянное общение с охотниками, рыбаками, трудовой и жизненный опыт – все это помогало Алексею Вальдю создавать правдивые образы земляков, представлять их самобытные, яркие характеры в литературных произведениях. В 1975 году собратья по перу поздравили Алексея Леонтьевича с 60-летием и пожелали ему активной творческой работы, новых интересных замыслов. А уж задумок и планов у писателя было много. Вскоре современная жизнь ульчей нашла свое отражение в его новом сборнике рассказов «Свет в окне», вышедшем в Хабаровске в 1984 году.

«Мой маленький народ – ульчи – исстари обитает на Нижнем Амуре. Жизнь его в прошлом была беспросветна, как темная осенняя ночь, безрадостна и трудна. И кто знает, может, так бесследно и исчез бы мой народ с лица земли, если бы не нашёлся у него Друг. Добрый, верный, бескорыстный».

Одним из любимых образов Вальдю всегда был образ учителя. Почти в каждом своем произведении он писал об учителях, которые встречались ему в жизни. Для него учитель – настоящий друг, духовный наставник, подвижник и просветитель. Он и грамоте обучал, и защитником был, готовым прийти на помощь и советом, и делом. Хранитель традиций и обычаев, в радости или беде учитель всегда был рядом с народом. С теплотой Алексей Леонтьевич вспоминал о Вере Савиной, заведующей ухтинской школой, сыгравшей важную роль в его жизни, настоявшей на обязательности обучения грамоте несмышленого ульчского мальчишки. И примеров таких друзей в его рассказах и повестях предостаточно. Эти люди играли главную роль в нравственном воспитании и преобразовании сознания народа ульчей.

А.Л. Вальдю не отступал от традиционного использования фольклора в литературе коренных народов Дальнего Востока. В его произведениях всегда сочетались лирика и эпос. Образ сказителя, открыто выражавшего свое отношение к происходящему, оставался центральным. Для всех произведений Вальдю характерна идеологическая направленность, глубокое реалистичное постижение мира, а описания прошлого и настоящего своего народа даны с трепетом и душевной заботой, думой о будущем. Много рассказов Вальдю напечатано в газетах «Амурский маяк», «Красный маяк», где он начинал публиковать первые произведения еще в годы Великой Отечественной войны. Вырезки с рассказами из разных газет хранятся в его личном фонде.

То, насколько востребованы были повести и рассказы А.Л.Вальдю, видно из переписки с редакциями Хабаровского радио, газет «Тихоокеанская звезда», «Правда» и журналов «Дружба народов», «Дальний Восток», «Крестьянка», издательствами «Современник», «Советский писатель», Хабаровским книжным издательством, Хабаровской писательской организацией. Его переписка с венгерским лингвистом Иштваном Даби и с советским лингвистом, одним из создателей ульчской письменности и составителем ульчско-русского словаря Орестом Петровичем Суником затрагивала проблемы сохранения ульчского языка. До 1990-х ульчи не имели письменности, обучались нанайскому и русскому языкам. Вальдю приложил немалые усилия, помогая ученым понять своеобразие



Письма Юлии Алексеевны Шестаковой к Алексею Леонтьевичу Вальдю

разговорного ульчского языка. Произведения А.Л. Вальдю были также напечатаны во французском журнале «Европа» (Europe), посвященном литературе малочисленных народов Севера и Дальнего Востока и познакомившем европейского читателя с книгой «Жизнь и сказка».

Бывший корреспондент газеты «Амурский маяк» Б.Н. Ван отмечал, что Алексей Леонтьевич «*жил убежденным патриотом и интернационалистом… всегда подчеркивал: «Все мы, нани, неразрывно связаны с русским народом. Нас учили русские учителя, лечили русские врачи, в обыденной жизни мы часто общаемся с русскими людьми, работаем и живем вместе с ними. Мы, так или иначе, приняли русскую культуру, традиции и обычаи. Мы сами стали русскими, разговариваем преимущественно на русском языке. Так ведь? Но, в то же время, любим свою малую родину, свою землю нани, свою культуру, родной язык*». Вальдю знал и прямо говорил, что при советской власти для аборигенов немало сделано в области развития цивилизации, хотя недостатков тоже хватало.

Последние годы, проживая в Хабаровске, А.Л. Вальдю все же большую часть зимы проводил на родине – в селении Монгол или Богородском – райцентре Ульчского района. Он интересовался многими сторонами жизни своих земляков, уважал их труд. Борис Ван писал, что «*особенностью его характера была непримиримость к недостаткам, возникшим в результате недомыслия. А.Л. Вальдю старался поступать по зову внутренней потребности души, на пользу интересов народных масс, болезненно воспринимал, что утрачивается родной язык, хлопотал о том, как организовать повсеместное обучение родному языку*». Алексей Леонтьевич был председателем литобъединения, созданного при редакции газеты «Амурский маяк». Помогая начинающим авторам, он всегда давал дельные советы, был в курсе всех событий района, проводил беседы на родном языке, выступая на радио. По отзывам его соратницы по перу Ю.А. Шестаковой, «*древние старцы видели в нем сына, сверстники – товарища, молодежь – доброго учителя*».

А.Л. Вальдю вместе со своим народом пережил сложный период в жизни страны. Это было время, когда «*в конце тоннеля еще не был виден свет*». Вероятно поэтому он любил бывать на природе, видел в ней красоту мироздания, черпал силу и вдохновение. Свое кредо «*Всегда быть человеком в его настоящем понимании, быть самим собой, не считать, что лучше других, не вступать в сделку со своей совестью*» он пронес через всю жизнь.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

Открытие памятника А.Л. Вальдю. Выступает односельчанин писателя, учитель, сотрудник газеты «Амурский маяк» Б.Н. Ван. 2005

Размышляя о причине веры

Дневниковая проза Вс. Н. Иванова

Наталья ПОЗИНА

Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971), крупный писатель, мыслитель, верующий человек, в течение всей жизни размышлял о вере. Эта тема нашла отражение в произве-дениях «Сказание об Антонии Римлянине», «Рерих – художник-мыслитель», в романе «Черные люди», в газетных статьях и очерках, но первоначальный ход его мысли, «искание правды» мы находим в дневниковой прозе разных лет.

Вс. Н. Иванов понимал, что разные религии обладают «одним смыслом», как и разные языки, как разная еда, одинаково духовно питают человечество. В Новом Завете дается одно конкретное определение Бога: «Бог есть любовь», однако писатель по-своему определяет Бога. Он пишет: «Бог есть жизнь», «Бог – организующая сила мира». Как теист Иванов чувствовал, что люди «живут в живом мире» и верят благодаря «радости живому миру». Самое главное для него было то, что теисты обещают людям «конечные науки и вечную жизнь».

Иванов, исходя из этого, формулирует еще одно важное для его мировоззрения определение Бога: «Бог – это требование победы над смертью». Вера в бессмертие души для писателя-историка связана с христианским понятием «Царства Славы» и с размышлениями о памяти, о «неумершем прошлом», которое параллельно сосуществует с настоящим. «Царство Славы» для писателя как «сияние многочисленных личностей света, живущих в памяти, горний мир». Он считал необходимым постоянное обращение к образам, живущим в Царстве Славы, и подражание «огромному опыту людей, который остается в Царстве Славы», которое поможет улучшить настоящее. Рассматривая будущее своей страны, писатель видел возможность построения достойного будущего только через обращение к историческому опыту России, заложенному прошлыми поколениями.

Только прекрасное в жизни, в образах может сделать таковыми жизнь и людей. Иванов сравнивает появление настоящего, новой жизни, с вынашиванием и рождением ребенка матерью, которая, думая, представляя хорошее, подобное и рождает. В записных книжках писатель размышлял: «Огромный опыт людей остается в Царстве Славы, в образах преподобных, к[оторы]м должны подражать люди. И по этому Царству Славы, по нашим образам, и возникает потом улучшенная жизнь. Ведь рождает мать уродов, если беременной она испугается. Рождает она хороших, если думает хорошо. (…) Чем б[ольше] красоты в жизни, в образах, тем красивее люди, красивее жизнь».

Знание истории, историческая память человечества дает Иванову веру в свое бессмертие и в бессмертие человечества, позволяет ощущать связь с прошлыми поколениями и историческими событиями, так как «остается все, что мы пережили». В дневниковых записях он замечал: «Мы верим в бессмертие потому, что мы знаем, что мы уже были до нашего рождения, мы не понимаем, ведь как мы могли возникнуть из ничего». В другой записи Иванов подчеркивал: «Стоит только подумать, сколько красивых, добрых, умных, людей знал, сколько видел сияющих глаз, сколько теней окружает тебя, по сей день, сколько бесчисленных ликов теснятся в небесах «Царства Славы», сколько благословляющих слов доносится из тел – и нестрашно идти вперед, тело как бы согревается, и переход в смерть – переход в Царство Славы».

Размышляя о причине веры человека, Иванов считал, что основы современной веры в Бога изменились, они отличаются от времени, когда Бога чувствовали в раскатах грома или «проходящих следах на сияющей горе». По мнению писателя, современники чувствуют Бога в Роке, который он рассматривает как «перерыв жизни, смерть, темную силу, тоже организованную, как жизнь». И единственная возможность двигаться во тьме – это «фонарь, свет, Бог», поэтому «верить в Бога значит быть за свет,

жизнь, добро». Человек без веры, по мысли Иванова, не может быть праведником, поскольку «если праведное, то как-то верующее».

Отсюда и осознание веры как «откровение вещей невидимых (…), исполнение обещанного (…), чутье чего-то реального». Писатель отмечал, что «Бог есть дух… Есть свобода. Есть любовь», поэтому только вера может дать простор и свободу. Иванов понимал, что вера делает человека сильнее, притягивает к себе, он придерживался определения веры, данного А.П. Чеховым, что «вера – способность духа» и доступна только высоким организациям, хотя он и считал, что вера, «как слух – можно ее не иметь!». Мыслитель рассматривал «мир материализма» как «мир протяженный», безжизненный. Причины атеизма писатель видел в страхе, «боязни жизни в мире», желании управлять живым миром. Он сравнивал неверие человека в Бога с его неверием в женщину, которая «бьет по морде».

Веру в Бога как обещание Иванов для себя отождествлял с верой советского человека в коммунизм, но признавал, что они выражены «грубыми словами». В первые годы возвращения на Родину писатель хотел понять идеологию, советского человека, свою страну, которую он только начинал заново узнавать. В одной из дневниковых записей под названием «Искание правды» он сопоставляет православие и советскую власть и приходит к тождественности одиннадцати основных положений и внешних проявлений того и другого.

Особенно Иванов рассматривал веру «русских людей», понимая ее как «личные отношения с живым личным Богом», подчеркивая искренность и чистоту этой связи. Иванов размышлял об изначальном обеднении христианской традиции в России, но при этом усилении христианства «в духе». При этом, на взгляд писателя, вера в России не была всеобъемлющей и «оставалась народною, простой» и поэтому «отстала» от интеллигенции.

Писатель видел сохранение веры среди современных женщин и именно в этом усматривал причину того, что они «правят». Несколько записей он делает о вере и женщине. Для писателя очевидна взаимосвязь веры в душе женщины и ее любви к мужчине и наоборот, человеческая душа без святого – «пустая душа». Иванов спрашивает: «Разве можно любить женщину, которая ни во что не верит?» Еще в 1930-е годы в «Сказании об Антонии Римлянине» он создает образ Хариессы, женщины, «сосредоточенной в вере», любовь к которой приводит главного героя Антония к христианству.

Вера в Бога неотделима от обращения к Создателю, от молитвы. На взгляд писателя, ее можно сравнить с болью, с ее духовным осознанием, с собиранием и призывом «силы мира». Молитва позволяет ощутить, обнаружить в себе тающий огонь, «который хранится где-то от вечности в душе под мусором «мелких помыслов, мелких страстей».

Вс. Н. Иванов был по вероисповеданию православным, но в последнее десятилетие жизни пришел к старообрядчеству. В 1920–1930-е годы в Харбине писатель был знаком со старообрядческим священником, настоятелем Харбинского кафедрального храма Иоанном Кудриным. Он был наиболее публикуемым старообрядческим автором русской эмиграции в Китае. Ю.В. Крузенштерн-Петерец в своих мемуарах вспоминала, что о. Иоанн Кудрин «часто сиживал в кабинете» у писателя. Вернувшись на Родину, Вс. Н. Иванов состоял с Кудриным в переписке. Она также писала, что Всеволод Никанорович предложил ей, для того чтобы побывать в России, пойти в церковь к староверам.

Так, штрихами в дневнике 1947–1949 годов писатель записывает сомнения в жизнеспособности православия, которые он испытывал, вернувшись на Родину. Вс. Н. Иванов чувствует, что «православие оказалось задавленным, и на первый план вышел католицизм и протестантизм» и, описывая пасхальную службу в хабаровском храме, констатирует: «Кажется, кончается мой роман с православием. Ведь и оно-то чем-то виновато, раз народ от него ушел!». Истинность любого другого явления, процесса писатель проверял для себя, прежде всего, тем, как народ относится, понимает и чувствует их. В одной из записей он отмечает: «Официально народ не познаешь: у народа есть и история, и традиция. Не верят одиночки. Народ религиозен в целом, народ умен, как умна природа, а не как отдельный человек». Выразителем этого народного миропонимания для писателя становится протопоп Аввакум, один из основоположников старообрядческого раскола, к образу которого прозаик обращался в течение всей жизни, начиная очерком «Оправданный Аввакум» и заканчивая историческом романом «Черные люди». Он писал: «Русский народ безмолвствует, а ежели заговорит, то, как Аввакум».

В одном из писем он так определял свое отношение к старообрядчеству: «Числюсь и связан со старообрядцами, с их «бытовым исповеданием», с их внутренней силой, которая не мешает историческому процессу». В дневнике, рассматривая и христианство с точки зрения старообрядцев, отмечает: «Христианство – это, прежде всего, радость. Так оно у старообрядцев православных».

Во многих подневных записях просматривается и тема взаимоотношений церкви и государства. Вс. Н. Иванов считал правильным обособленность церкви от государства: «Правы старообрядцы, не лезущие своей церковью в управление государством. Народ вообще не д[олжен] управлять г[осударств]ом – только путаница! Если разбирать грехи Распутина или Берии – доброго не выйдет. Государство – одно, дело немногих». Останавливаясь на отношении к религии в СССР, Иванов считал, что «нужна не вражда науки, а политика ума». Он размышлял о христианстве как о «бесконечном количестве мыслей, чувствований, домыслов, прозрений, душевных и духовных реакций миллиардных масс народа, его фольклора, его творчества, его дыхания». Поэтому пренебрежение, осмеяние и отрицание религии со стороны государства – «обижание простого народа», которое может привести к кровавым трагедиям. Писатель видит выход не в атеизме, а в терпимости.

Источники

1. Иванов, Вс. Н. Записная книжка 1956–1957 г. ХКМ. Ф. 52, О. 78, Д. 72.

2. Иванов, Вс. Н. Записная книжка 1961–1962 г. ХКМ. Ф. 52, О. 78, Д. 79.

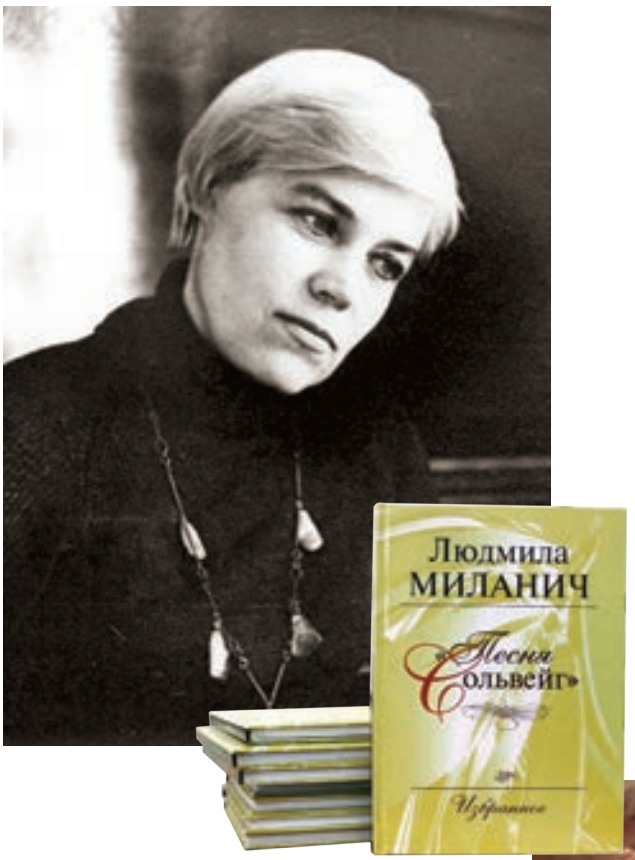
3. Иванов, Вс. Н. Письмо Вс. Н. Иванова Л.А. Зандеру. ГАХК Ф. Р-1103, О. 1, Д. 162, Л. 22.

4. Крузенштерн-Петерец, Ю.В. Воспоминания / Ю.В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1998. № 5. – С. 25–83.

5. «Непрерывное движение духа…» Дневник и записные книжки Вс. Н. Иванова. – Хабаровск, 2012. – 380 с.

Людмила Миланич: «Это время – мое»

Янина КУЗИНА



Трудно писать о том, с кем едва знаком. Еще труднее – о человеке, которого знаешь давно, уважаешь и любишь. Людмила Ивановна Миланич, известный дальневосточный поэт, может и сама это подтвердить, поскольку долгое время вела цикл радиопередач под названием «Территория моей любви». Поэтому лучше дать слово ей самой. И еще почитать стихи.

В автобусах счастливые билеты
Кондукторы мне редко выдают.
А мне спросить, быть может: счастье, где ты?
Чтоб оказалось – тут как тут.
Но я уже давно отвыкла плакать.
И счастье мерю я на свой аршин.
Мне счастье – дождь, туман и даже слякоть,
И облака, ползущие с вершин.
Я просто крепко влюблена в лобастый,
Морщинистый и мудрый шар земной.
Мне хорошо. Я с ним лечу. И баста!
К чертям он полетит? И то – со мной!

Первое стихотворение Люда Миланич написала во втором классе, показала его учительнице.

– Стихотворение уже не вспомню, а обида не забывается: она меня обвинила в том, что я списала у Ершова из «Конька-Горбунка». Наверное, просто ритм был похож. Мне всегда что-то писалось на уроках, но всерьез я к этому не относилась. Поступила в хабаровский пединститут, у нас на филфаке был литературный кружок, которым руководил Павел Николаевич Богоявленский. Мы его очень любили. И вот мы как бы заряжались друг от друга, много и горячо говорили… Я приходила отту-

да и на крыльях вдохновения могла за вечер исписать стихами целую школьную тетрадку.

Однажды товарищи по кружку попросили у Миланич тетрадки и тайком отнесли в «Молодой дальневосточник». На страницах этой газеты ее стихи впервые увидели свет.

Из чего рождаются поэтические строки? Из наблюдений и удивления, из страданий и восторга, из любви и ненависти… Можно продолжать этот ряд. Напрасная затея пытаться отыскать начало той нити Ариадны, что ведет гармонию стиха по лабиринтам человеческой души.

– Во время войны я носила домой судки с обедом, – вспоминает Людмила Ивановна. – Мне было лет семь или восемь. Отца-музыканта взяли на службу в военный оркестр. А мама очень болела, и отцу разрешили получать на нее в армейской столовой обед. Однажды я упала на скользкой дороге и разлила все, что было в судках. Дома как только ни утешали, я рыдала безудержно. Мне казалось, что я преступление совершила. Ведь маме нужно было как следует питаться. Спустя долгие годы об этом написались стихи, которые я не решалась читать вслух. Но однажды мы выступали с Василием Михайловичем Ефименко перед очень немолодыми уже людьми. И я осмелилась прочесть это стихотворение. Мы с залом плакали вместе.

Очередь за хлебом, который выдавали по карточкам, хабаровчане занимали с ночи, потому что на всех не хватало. Стоять часами было тяжело, особенно на морозе. Однажды маленькая Люда прямо там, в очереди, потеряла сознание. Правда, голодными обмороками в те военные годы мало кого можно было удивить.

Мама умерла, потом в доме появилась другая женщина. Поначалу Люда объявила мачехе войну. И только через много лет, уже сама став матерью, Людмила Ивановна напишет стихи – сдержанное, очень простое и потому пронзительное объяснение в любви той, у которой хватило терпения и женской мудрости стать для ершистой девочки-подростка второй матерью. Вот только нежности не хватило. Может, потому стихи у Миланич по-мужски скроены, да по-женски сшиты.

Впервые людно было в доме,
Что на отшибе, за рекой.
И пили вдовы, пили вдовы
За упокой, за упокой.

Так тихо и так горько пили,
На лавках сидя вдоль стены.
И ничего не говорили
О тех, кто не пришел с войны.

С сухими встретившись глазами,
Боялась – как бы не завыть…
И вдруг одна из них сказала:
– Ну, все. Пора коров доить.

Когда умирает или уходит в поисках своей, отдельной жизни самый главный человек, такой, без которого ты больше чем сирота, люди реагируют по-разному. Кто-то рыдает, жалеет себя, кто-то топит горе в спиртном. А Миланич ушла в поэтический «запой». Стихи стали ее спасательным кругом в жизненных перипетиях и светом, и, в конечном счете, делом всей жизни.

Людмила Ивановна с детства хотела стать журналистом. Мечта сбылась, когда ее с третьего курса Хабаровского пединститута пригласили работать в газету «Молодой дальневосточник» учетчиком писем. Но вскоре она уже заведовала отделом учащейся молодежи. А потом произошла показательная по тем временам история, когда Миланич и еще несколько ее друзей-однокурсников обвинили в антисоветчине и исключили из института. Пришлось уйти из редакции, и коллеги «сосватали» ее в районную газету «Горняк Севера». Так Миланич оказалась в Чегдомыне.

– Это были мои Соловки, – улыбается Людмила Ивановна. – Мне и там повезло. В редакции пятеро журналистов, у каждого история, подобная моей. Один – «космополит»: у него в очерке, напечатанном в другой районке, немецкая овчарка облаяла советского солдата, и парень полетел с работы. Сейчас воспринимается как идиотизм, но это было. Второй по заданию партизан служил во время войны полицаем, а когда пришли наши, его, ничтоже сумняшеся, посадили; разобрались уже много позже. Еще был журналист из Николаевска: он с двумя друзьями поговорил про товарища Сталина – и журналиста заложили. Дали 26 лет лагерей. Он отсидел пять и вышел, когда Сталин умер. Вот такие неординарные люди и хорошие журналисты. А редактором был вообще уникальный человек – Александр Михайлович Латышев.

Через несколько лет, уже работая на Хабаровском краевом радио, Миланич довелось познакомиться с теми, чьи имена вошли в историю литературы Дальнего Востока.

– В радиокомитете была старая мебель, обтянутая черной кожей, – диваны, кресла. В этих креслах кто только не сиживал. Николай Митрофанович Рогаль, который сильно хромал, – у него был туберкулез кости. О нем говорили: «Наш дальневосточный Николай Островский». Рогаль какое-то время писал, будучи прикованным к постели. Столько души и времени он отдавал начинающим литераторам! А Всеволод Никанорович Иванов – это такая была глыбища! Мне довелось как-то поехать с ним на встречу с читателями. Спрашиваю его: «Всеволод Никанорович, говорят, вы Куприна знали?» – «Да, друг мой, знал». – «Ну и как это было?» – «Я был гимназистом, мои стихи напечатали в самарской газете. Иду по улице, а по другой стороне с каким-то лысым человеком идет редактор газеты и кричит: «Сева, иди сюда!» Познакомились. Этот лысый и был Куприн». Нетерпеливо спрашиваю Всеволода Никаноровича: «А дальше что?» Он: «Ну что? Водку пошли пить…». Еще я выпытывала у него: что такое конфуцианство? Как-то сунула нос в китайскую философию и поняла, что нечего мне там делать, потому что надо всерьез готовить себя. А Иванов тогда ответил: «Представь, идет трамвай, один пассажир говорит другому: «Вот этот у вас сейчас украл кошелек». Вор возвращает кошелек хозяину. Хозяин открывает кошелек и дает какую-то сумму денег тому, кто указал на вора, а какую-то – вору. Это и есть конфуцианство». Он был и писатель крупный, и человек уникальной судьбы. Когда шел по городу, просто глаз не отвести – огромный, с палкой, которую вырезал и подарил ему еще один наш замечатель-

Фото Валерия Токарского

ный писатель и человек – Владимир Иванович Клипель. Однажды я по делу зашла в газету «Суворовский натиск». И как раз вошел Дед, как мы его называли, Иванов и сказал: «Какой сегодня серебряный день…» Во мне это так застряло, что по прошествии времени я написала стихи:

Ваша светлость, серебряный день,
Вы откуда, скажите, откуда?
Я пичужки простое «тень-тень»
Принимаю сегодня за чудо.
И сама почему-то светла
И со всеми добра без разбора.
Я как младшая ваша сестра
С каждой травкой веду разговоры.
Понимаю движенье реки,
И язык облаков понимаю.
И во мне оживают стихи,
И как крылья меня поднимают.

Зачем людям нужна поэзия? Как говорили в фильме Леонида Филатова «Сукины дети»: «А чтоб не оскотиниться». Сколько просветленных взглядов видела, сколько благодарных слов слышала Л.И. Миланич во время и после встреч с читателями. Она делилась своими стихами и взглядами на жизнь с доярками и пограничниками, посетителями и сотрудниками библиотек, студентами и работниками столовой завода «Энергомаш», строителями Байкало-Амурской магистрали и многими другими. Наверное, не случайно Людмилу Ивановну находят письма, присланные издалека по старым неточным адресам. Хабаровск – город маленький. Чуть ли не половина его истории прошла на глазах Л.И. Миланич, уже сама она тоже частица этой истории. Когда проводился всенародный сбор средств на восстановление памятника Муравьеву-Амурскому, Людмила Ивановна пришла в общество охраны памятников истории и культуры и попросила дать ей бланки подписных листов.

– Одна моя знакомая работала на Центральном рынке инспектором – собирала плату за места. Я с ней договорилась, чтобы там дали по радио объявление о сборе средств на памятник. Потом я обошла всех торговцев на рынке, внутри и снаружи. Поговорила с каждым. Помню, кореянки-торговки дали по пять рублей, а русские старушки – по три. Когда я вышла на улицу, вижу: стоит южный человек. Я к нему, а он руками замахал: «Слушай, какой памятник? Иди отсюда!» Я говорю: «Тебе что, рубль жалко?» Он дал рубль, лишь бы я только отвязалась. Когда показала своей знакомой, сколько в итоге получилось, она удивилась: «О-о, мы за места столько не собираем». Потом я говорила: «Ребята, может, там хотя бы мизинец на памятнике за эти деньги сделан». Когда миром берешься, можно все одолеть.

В застольной компании Миланич – человек незаменимый. Она знает массу житейских баек, помнит сотни стихотворений, своих и чужих. А при случае может выдать ядреные частушки. И работалось рядом с ней хорошо. Всегда подскажет и потенциального собеседника интересного, и тему неизбитую. Если кому-то нужна помощь, Людмилу Ивановну не надо ни о чем просить. Она решительно придвигает к себе телефонный аппарат и как в атаку идет: убеждает, договаривается, пробивает. В общем, используя ее же любимое словечко, Миланич – правдашний человек.

Вспоминается один случай: к известному в нашем городе специалисту по Пушкину, женщине пожилой и больной, плохо отнеслись работники скорой помощи. Людмила Ивановна дозвонилась руководителю службы и так рассказала ему об этой пациентке, что там обещали не только извиниться перед ней, но и попросить выступить перед коллективом с беседой о Пушкине.

Замечательный труд известного историка и краеведа Марии Буриловой «Общество старого Хабаровска» пять лет пробивал дорогу к читателю. Она рассказывает:

– Как-то случайно встречаю на улице Миланич, она говорит: «Я написала письмо мэру о твоей рукописи. Прошла по организациям, где тебя знают, собрала подписи в поддержку издания». Вот после этого все и закрутилось. Наверное, если бы не Людмила Ивановна, книга не вышла бы.

И на редакционном столе, и дома у Миланич всегда грудами лежали рукописи, стихотворные сборники – на глянцевой типографской бумаге и совсем простые, дешевые. Людмила Ивановна в этом потоке словесной руды – словно золотоискатель, который промывает в лотке породу, пока не блеснет желтым боком нужная песчинка. И сразу делилась радостью находки. «Вот послушайте!» – говорила она, и все замолкали, слушая стихи нового автора. Потом она помогала этим произведениям найти своего читателя на радио, через журнал «Дальний Восток», где уже на пенсии долго возглавляла отдел поэзии, через газеты и издательства. Так что у нее много «крестников» в литературе.

В день святой Людмилы, 29 сентября 2014 года, в Дальневосточной государственной научной библиотеке состоялась презентация новой книги избранных стихов Миланич «Песня Сольвейг». Составление его Людмила Ивановна доверила своей дочери Елене Добровенской, тоже поэту, уже известному в Хабаровске. А издание сборника стало подарком к 80-летию Л.И. Миланич от генерального директора издательского дома «Приамурские ведомости» Валерия Витальевича Смирнова. На юбилейный творческий вечер Миланич смогли собраться далеко не все хабаровчане, любящие ее поэзию, а только ближний круг – подруги детства, коллеги по журналу, радио, телевидению, театру драмы, библиотекари, писатели, художники, краеведы…

Известный литературовед и критик Валентина Николаевна Катеринич говорила:

– В творчестве Людмилы Ивановны Миланич – очень четкий вектор чести и достоинства. В отстаивании традиционных человеческих ценностей ее поэзия даже, мне кажется, мужественна и героична...

Сама же Людмила Ивановна по ходу всего вечера старательно пресекала выспренние хвалебные речи. Вспоминая важные вехи своей жизни, говорила главным образом о других, дорогих ее сердцу, людях. Ну а если о себе – то, как обычно, с самоиронией, которая и в поэзии ее просвечивает, и удивительным образом сочетается с гражданственным пафосом.

У жизни еще не в застенке,
Просто в осаде лет,
Утром, держась за стенку,
Шлю вам нежный привет,
Родичи не по крови –
По прожитым общим годам.
Гордости нашей, боли
За Родину не отдам.
В ответ на хихиканье злое,
Домыслы и вранье –
Время горькое, любое,
Это время – мое.

Наверное, многие любители поэзии согласятся с главным редактором литературно-художественного журнала «Дальний Восток» Александрой Викторовной Николашиной:

– В старой «Грамматике русского языка» есть известная фраза: «Роза – цветок, дуб – дерево, Россия – наше Отечество…» и так далее. Так вот, если про Хабаровск говорить, то я совершенно убеждена, что Хабаровск – это художник Федотов, скульптор – Мильчин, поэт – Людмила Миланич.

А я бы охарактеризовала личность и творчество Миланич одним словом – верность. Единственной в жизни любви, друзьям, родному городу и краю, нравственным идеалам.

Людмила Ивановна могла бы вслед за подругой молодости Риммой Казаковой махнуть в столицу, где со своим поэтическим даром наверняка получила бы заслуженную известность в масштабах всей страны и более весомые почести. Но она осталась в Хабаровске. Может, потому что не хотела отрываться от корней, питающих вдохновение. А может, подсознательно чувствуя, что ее поэзия особенно необходима здесь, на дальневосточной земле, где, словами Маяковского, «наша жизнь под счастье мало оборудована».

Сердце поднимается как солнце
И уходит тихо за окно.
Может, там пришлось кому-то солоно,
Может, там кому-нибудь темно?..

Свое кредо Людмила Ивановна Миланич определяет так:

– Я просто считаю, что у каждого из нас в этой жизни есть какой-то маленький свой плацдарм. Там, где стоишь, будь человеком и делай то, что от тебя зависит, чтобы вокруг было чуть получше.

Идет накопление света,
Таится весна до поры,
В сплетенье напрягшихся веток
Веселые прячет дары.
И – грохнет, и рухнет, и грянет,
На радужных крыльях спеша.
Хорошее время настанет,
Весь мир в разноцветье смешав.

Воскреснут под солнечным ветром
Листва и цветы, и трава.
Идет накопление света,
И главные зреют слова.

Фото Валерия ТОКАРСКОГО и Марии САПОЖНИКОВОЙ

«Сумел оморочку на Пегаса обменять…»

К 90-летию со дня рождения Андрея Пассара

Елена НИКИШИНА

Много чудес таит в себе амурская тайга. Летает над ней железная птица Кори, прячется вее чаще Луна-Биа, а за живущими среди лесов людьми присматривает хранитель домашнего очага Дюлен. В трудную минуту на помощь смельчакам приходят мапа-медведь, амба-тигр или царица-рыба калуга. Героические сказания о храбрых охотниках, воинах и сказки об обитателях тайги вы найдете в произведениях Андрея Пассара – поэта, члена Союза писателей РФ, заслуженного работника культуры РФ, почетного гражданина Нанайского района. Его личный фонд хранится в Государственном архиве Хабаровского края.

Андрей Пассар. 1958

В архив личные документы попадают двумя путями. Известных людей архивисты убеждают сдать документы, материалы, фотографии, отражающие не только личную жизнь и общественную деятельность, но и исторический пласт, в котором жил человек. Их призывам не всегда внимают: то ли времени жалко на отбор документов, то ли такой труд кажется преждевременным. Тогда, уже после их ухода, материалы на хранение в архив приносят родственники, зачастую не имеющие представления о том, что ценно, а что второстепенно. А кто-то откликается сразу, ведь это единственный способ «соприкоснуться с вечностью». Пассар принес свои документы сам в июле

1997 года. Фонд небольшой, всего 35 единиц хранения: это и сборники произведений, и машинописные материалы с авторской правкой, и приветственные адреса и грамоты, и фотографии. Но, судя по тщательному отбору, поэт понимал, что все это сохранится в веках. По этому случаю написал некое подобие автобиографии «Просто о себе» и составил опись своих произведений с кратким комментарием.

«Просто о себе» начинается как автобиографическая повесть: «Я родился на протоке Амура-Мангбо с чудным названием Ори в стойбище Муха, что значит – «разливающееся водой». В 1929 году протока Ори так разлилась, что жители Мухи поспешно перебрались на высокое место между скалистыми сопками – Торчан. Торчан очень красивое место, но жители старого Мухи своему излюбленному месту не изменили, и Торчан переименовали в Муху».

Об этом же в поэтических строках:

В свое село вхожу в зените дня.
До дома – как до близкого
привала.
В душе такое,
Словно бы меня
Впервые девушка поцеловала…
Все помню в этом мире
небольшом:
Вот речка Ори –
Светлая до донца.
В нее ныряло
Прямо нагишом
Слепящее полуденное солнце…
Воспоминание*.

А дальше забавный рассказ об отце, о том, как он приобрел русское имя Александр: «Здесь организовали артель «Рыбак-Охотник». Вступили в артель и мои родители со своим неводом и лодкой. Отца звали Гапчи, что значит меткий стрелок. Он действительно из деревенских охотников был самым метким и носил длинную косу, как все нанайцы-гольды. Рыбача, Гапчи подружился с одним русским по имени Александр. Русский друг был шустрым и всегда шутил, громко смеясь. Его все звали Саша, но гольду это слово произносить трудно, и Гапчи звал друга по-своему «Са-Са», что значит по-нанайски «дробь».

– Гапчи отрежет косу? – предлагал Александр с шуткой. – Как баба, понимаешь, и работать мешает.

Гапчи лукаво смотрел на друга. Он бы и согласился, но, представив перед собой любимую жену мастерицу Дубэ-Гэ, Гапчи вздрогнул и подумал, что без косы Дубэ-Гэ не станет с ним любезничать. Он знал, как она с нежностью ухаживала за его густыми черными волосами.

– Нет, Са-Са, – отвечал Гапчи, – моя лоб сбривай, мешать нету!

Мать поэта Дубэ-Гэ в 90 лет

Андрей Пассар. 1975

* Перевод О. Зверева.

С Александром Пассаром. 1985

Александр видел высоко выбритый лоб друга и знал, что все нанайцы делали так, чтобы при стрельбе на охоте не мешали волосы. Однажды на стан привезли водку, чтобы отпраздновать успех рыбалки. Набрались все, и Гапчи тоже. Он проснулся утром на своей постели из медвежьей шкуры. Болела голова, он схватился обеими руками за голову и ахнул, словно кто-то ударил его в спину острым ножом.

– Коса! – ужаснулся Гапчи.

Рядом лежал Са-Са-дробь. Гапчи понял, что это его рук дело. Гапчи схватил нож и крикнул Александру:

– Са-Са! Са-Са! Ты отрезал косу?!

– Саша, обозди! Саша, обозди! – умолял спросонок Александр.

На крик поднялись рыбаки и со всех сторон закричали: «Саша, обозди! Саша, обозди!» Гапчи бросил нож. Рыбаки вздохнули облегченно и засмеялись над закадычными друзьями. Так мой отец, рыбак и охотник из села Муха, заслужил себе прозвище «Саша-обозди», а когда выдавали ему паспорт, то вместо Гапчи написали это новое русское имя – Александр».

Не менее интересен рассказ о первом нанайском имени Пассара:

«Я из нанайцев, родился первым в русской больнице. В семье я был пятым ребенком, отец волновался за мать и отвез ее к доктору. Русский врач, принимавший меня на белый свет, дал мне свое имя. Меня назвали Вячеславом. Вернувшись домой, родители забыли имя, которое дал мне доктор. Они долго гадали, и, наконец, по каким-то далеким ассоциациям составили имя несколько напоминавшее то, что дал мне доктор. Получилось новое, никому не понятное имя Биачислаот нанайского биа – луна и от русского – число. Так и звали меня в школе и дома. Часто ребята дразнили, я дрался с ними, потому что это имя мне не нравилось. Когда строили на Амуре город Комсомольск, в нашем большом доме остановился лейтенант Красной армии. Мне командир очень понравился, мы с ним подружились, его звали Андреем. Уезжая, он спросил меня: «Биачисла, а хочешь стать Андреем? Я очень обрадовался, потому что мечтал стать, как лейтенант Андрей, командиром Красной армии. Командиром я так и не стал, хотя служил больше шести лет, а вот имя новое приобрел. Хотя и Вячеслав имя неплохое, но оно мне не подходит, а вот Андрей – да!»

И опять возвращается к биографии: «В сорок первом бросил школу и работал в родном колхозе рыбаком и охотником, потому что шла ожесточенная война. А в сорок третьем году меня призвали в ряды Советской армии. Служил на границе в укрепрайоне. В сорок пятом участвовал в войне с империалистической Японией». Скромно умалчивает о том, что служил в отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне, войну закончил в Харбине и позднее был награжден орденом Отечественной войны II степени и шестью медалями. Мобилизовавшись, поступил на подготовительные курсы при педагогическом институте им. Герцена в Ленинграде.

О самом начале творческой деятельности: «Я никогда не помышлял стать поэтом, но, увидев до смерти израненный город-герой Ленинград, моя душа запела со слезами, и начал писать от души свои нанайские стихи». Это не фигура речи, древние нанайские предания именно пелись, так и Пассар в своих первых стихах старался повторить народную традицию. Его стихи в переводах ленинградских поэтов Семена Бытового, Глеба Семенова и Вадима Шефнера публиковались в журналах «Смена» и «Звезда». А легко ли было ему, недоучившемуся и воевавшему, грызть гранит науки? Не закончил подготовительные курсы, понял, что из него не выйдет, по его словам, «путевого педагога», и уехал на Дальний Восток, к своим родным берегам. Поступил в Биробиджане в краевую культурно-просветительную школу. Сам поэт отмечает: «В моей поэтической жизни самым счастливым годом был 1952-й. Вышла в Хабаровском книжном издательстве моя первая книжка на нанайском, а потом и русском языках – «Солнечный свет». А через три года меня приняли в члены Союза писателей СССР. Потом, по рекомендации Хабаровской писательской организации, поступил в Литературный институт имени А.М. Горького. Институт мне как национальному поэту дал много, поэт обязан быть широко образованным и начитанным». Занимался он в то время по большей части поэтическими переводами с русского языка на нанайский. Впервые на нанайский язык перевел стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского и Комарова. Большинство из них печатались в учебниках нанайских школ. В 1958 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла его вторая книжка стихов «Мокона» (это нанайская легенда о храбром воине). В том же году на нанайском языке в Ленинграде издан сборник «Родные амурчане». А в 1960 году

в «Советском писателе» вышел его очередной сборник «Нанайские приметы». Пассар так характеризует их: «Родные амурчане» на нанайском языке – это мои первые ленинградские, может быть, и слабенькие, но написаны от души… «Нанайские приметы» мне очень дороги, как золото, собраны из уст и сердца моего народа». Например, такая примета: растет березка на могиле – значит, хороший человек здесь похоронен. Простую примету Пассар умеет опоэтизировать:

Если встала береза над чьей-то
могилой –
Значит, здесь человек похоронен
хороший,
Будут счастливы дети его
и пригожи,
Будут крепкими дети, как эта
береза.
Я не знаю – хорошим ли был я
поэтом,
Но заветной мечтой мое сердце
согрето:
Если песни останутся в сердце
народа –
Над моею могилою встанет
береза.

Береза*

О своих сборниках «Нанайские приметы», «Мудрость тайги» отзывается, как о птицах: «Они перекликаются, поддерживая друг друга в едином хоре поэзии». В последующие годы появились новые стихотворные сборники: «Кто хитрее?» (1963), «Двенадцать медвежьих голов» (1964), «Под стук бубна» (1969) и др. Стихи печатались на страницах газет «Тихоокеанская звезда» и «Молодой дальневосточник», литературно-художественных журналов «Дальний Восток», «Сибирские огни». Особенность творчества Андрея Пассара в национальном колорите, который очень ярко проявился в народных нанайских сказках: «Кто хитрее?» (1963), «Сказки моего детства» (1971), «Опоздавшая черепаха» (1987), «Гарпамди – меткий стрелок» (1990).

О подвиге сынов маленького народа в Великой Отечественной войне он писал и стихи, и поэмы: «Неизвестный солдат», «Монолог убитого солдата», «Двенадцать медвежьих голов». Да и кто еще мог написать о них? Его предшественник, талантливый нанайский поэт Аким Самар, погиб в 1943 году под Сталинградом. В поэме «Двенадцать медвежьих голов» рассказывается об одном из таких героев, приехавших в отпуск домой. Мэргэн Гани уничтожил двенадцать вражеских танков, это труднее, чем убить столько же медведей на охоте. А потому: «Старинный закон непременно без лишних исполните слов! Поставьте на стол для мэргэна двенадцать медвежьих голов! Двенадцать танцоров при встрече закружатся вихрем одним. Двенадцать красивейших женщин ухаживать будут за ним». Последняя его книга – поэма «Письмо в Европу» на нанайском и русском языках вышла в 2010 году. Это поэтическое антифашистское обращение к 26 немецким солдатам, которых в одиночку взял в плен его двоюродный брат Александр Пассар, за что получил звание Героя Советского Союза.

И мне война любая не нужна.
Я вижу в человеке человека.
Страданья безутешного отца
Оправданы не могут быть от века.

Как созвучны эти стихи происходящему сегодня! За эту поэму Андрею Пассару присуждена премия Правительства РФ «Душа России» в номинации «Традиционная народная культура». Но принести ее в архив поэт не смог, он тогда уже болел.

Андрей Пассар успешно работал и в прозе. В Хабаровском книжном издательстве увидели свет его рассказы «Трехлапый волк» (1967) и повесть «Последнее камлание» (1969). Работу над прозой поэт сравнивал с артиллерией и военной баталией: «очень упорная и кропотливая». На вопрос, почему он пишет стихи на нанайском языке, а прозу на русском, отвечал: «Язык поэзии – язык матери, на нем рождаются настоящие стихи. А проза – немного другое творчество. Я с малых лет слушал сказки и легенды, можно сказать, воспитан народными сказителями. Моя мать знала много сказок и легенд. Слушал шаманские песни о загробном мире Буни – это же мифическая сказка…»

Пассаром интересовались и за рубежом. В фонде находятся письма Иштвана Даби, лингвиста из Венгрии, и Кристин Тобкин из США, адресованные Пассару. Не случайно они начинаются одинаково – с нанайского приветствия: «Бачигоапу, Андрей!». Мы, живущие рядом, ленивы и нелюбопытны, а они ехали с разных концов света, чтобы узнать поближе такое явление, как жизнь коренного народа, нанайский язык и его яркого представителя – Андрея Пассара. В приветственном адресе от Хабаровской писательской организации к 60-летию со дня рождения Пассара есть такие слова: «…Ты слагаешь свои песни на родном языке нани, и мы знаем, что до тебя еще никто так глубоко не проникал в природу его созвучий и поэтического смысла и никто до тебя с такой точностью, красочностью и убедительностью не передал душу древнего языка в письменном слове…». Каждый, кто с ним общался, обогащал свой словарный запас нанайскими словами, так заразительна была его речь: народная, образная, эмоциональная.

Это свойство подметил другой поэт – Виктор Еращенко:

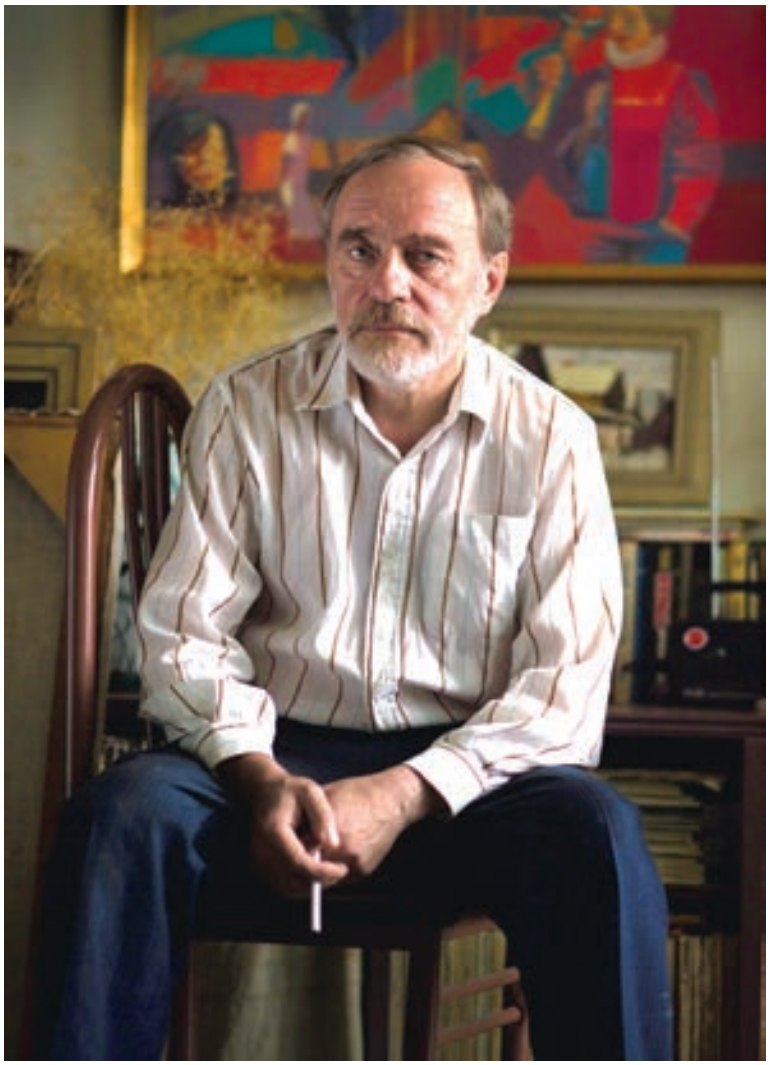
Неустрашимый в пикировках,
В рыбалке счастлив не всегда,
Ворчлив (курбу) в командировках,
В своей поэзии – гогда!
Пусть кто-то спросит, озадачен:
Мэргэн, курбу, гогда, имдар –
Что имена все эти значат?
Хэй-хэй! – скажу – Андрей Пассар!

Свою биографию поэт закончил так: «Я очень горжусь, что мое имя зачислено в малый «Советский энциклопедический словарь». Пусть знают потомки, что жил да был шаман-поэт Андрей Пассар. Добрый смешной человечек, который пришел в литературу на своем нанайском языке, обогащая золотой капелькой мировую литературу».

Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края

* Перевод В. Шефнера.

Книги глазами художника Виктора Антонова



Виктор Николаевич АНТОНОВ родился 22 августа 1949 года в Хабаровске. Два года учился во Владивостокском художественном училище, а в 1967-м поступил на живописное отделение Владивостокского государственного института искусств. Занимался также в рисовальных классах Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. В 1989 году стал членом Союза художников России.

Виктор Антонов – постоянный участник художественных выставок различного уровня. В 2009 году награжден почетной грамотой Министерства культуры Хабаровского края, в 2011 году – дипломом Союза художников России за успехи в творчестве и содействие развитию изобразительного искусства России (Москва), а в 2014-м стал лауреатом премии губернатора Хабаровского края в области литературы и изобразительного искусства.

Произведения Антонова находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея (Хабаровск), Сахалинского областного художественного музея (Южно-Сахалинск), Картинной галереи им. А.М. Федотова (Хабаровск).

Виктория ШИШКИНА

Одно из лучших живописных произведений Виктора Антонова, созданное в 2004 году, – «Александр Пушкин». Оно дарит зрителю мимолетность встречи и радость узнавания, в нем авторское, очень личное прочтение образа поэта. Изобразительный язык холста пластичен и непосредственен, как ритмичные поэтические строки. Обращение к образу русского поэта не случайно, потому что большую часть своего творческого пути художник посвятил оформлению книги.

Виктор Антонов замечательный график и, как это часто бывает в творчестве одаренных художников, один вид изобразительного искусства органично «поддерживается» другим. Антонов иллюстрировал роман Вс. Н. Иванова «Александр Пушкин и его время» (1985). Им созданы прекрасные по исполнению, но, к сожалению, пока не изданные графические листы к «Сказкам» Пушкина (1996). С 1977 года сотрудничая с Хабаровским книжным издательством, Антонов оформил свыше 300 книг. Это произведения отечественных классиков литературы и дальневосточных писателей и поэтов (М. Шолохов «Поднятая целина» (1980), Н.С. Лесков «Рассказы» (1981) и другие). Виктор Николаевич – один из опытнейших графиков, и с оформления книги начиналось его творчество.

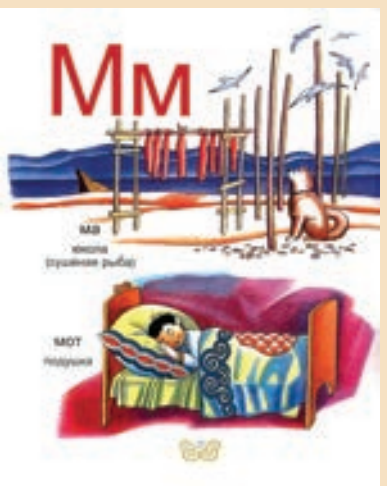
Иллюминирование – так об искусстве оформлении книги говорили в очень далеком прошлом, дает необъятный простор для творчества. Виктору Антонову нужно почувствовать текст: стили-

Александр Пушкин. 2004. Холст, масло. 124 x 150 см

Иллюстрации к «Сказкам» Пушкина

стику и меру его условности или развернутости. Выбрать пути решения художественно-образной задачи: стилизация или, наоборот, точное воспроизведение мельчайших деталей, а также технику исполнения. Иллюстрирование книги – сложный и интересный процесс, так как художнику важно не только прочитать, но и увидеть эпоху, если это, например, исторический роман. Художник-график должен увидеть действующих лиц, атрибуты и приметы времени, знать массу интереснейших вещей, порой разыскивать изображения каких-то редких предметов быта или костюмов, погружаясь в рассмотрение репродукций или изучение этнографических коллекций. Еще одна распространенная ситуация: книга уже неоднократно издавалась и иллюстрировалась предшественниками. Виктору Николаевичу не раз приходилось сталкиваться с этим, и он всегда искал свое авторское решение, не повторяя уже проторенных кем-то путей.

Книжная графика Антонова может быть скупой и лаконичной, отмеченной точным и выразительным рисунком пером, полихромной, акварельной или подсвеченной цветным карандашом. Это зависит от того, какое произведение он иллюстрирует. Виктор Антонов нашел свой авторский язык, его графика узнаваема, но при этом он никогда не клонирует самого себя. Хороши оформленные Виктором Антоновым детские книги. Мы обычно не задумываемся о том, что художник книги встречает нас первым из мастеров изобразительного искусства, с тех самых первых «залюбленных» нами книг. За «маленькой» книгой всегда стоит решение больших творческих задач. Художнику надо увидеть книгу глазами еще не умеющего читать человека или достичь той



меры узнаваемости, которая доступна определенному детскому возрасту.

Творческой удачей Антонова можно считать оформление книг Н.Д. Наволочкина «Знакомые кота Егора» (1981), «Каникулы кота Егора», «Полудница Акуля» (2003). Как опытный мастер он почувствовал окрашенное тонким юмором и насыщенное глубоким смыслом содержание книг. Рожденные художником герои жизненны и в то же время чуть условны, как сказочны сами сюжеты произведений Николая Дмитриевича Наволочкина. Узнаваемы и обаятельны все – усатые, полосатые и рогатые. Замечательна идея Антонова показать маленькому читателю окружающее глазами героев книги. С ветки дуба мы смотрим вниз глазами франтоватого бурундука на совсем маленькую собаку у корней дерева. Для книги «Полудница Акуля» Антоновым найдено красивое, солнечное цветовое решение. Мастерски организовано пространство в каждой композиции и тонко обыграны детали. Художнику можно сказать большое спасибо за деликатное цветовое решение детских книг. Они красочны, но выдержаны в колористической гамме, главное, в них нет той ошеломляющей «кислотности» цвета, которую почему-то можно часто видеть в оформлении детской литературы.

Виктор Николаевич принял участие в таком уникальном проекте, как оформление учебных пособий для коренных народов Дальнего Востока – «Азбука в картинках» (2013), «Азбука в стихах» (2013) для нивхов и учебника для 1-го класса «Удэгейский язык» (2014). За великолепное в художественном плане оформление Антонов был номинирован на соискание премии губернатора Хабаровского края в области изобразительного искусства.

Сейчас Виктор Николаевич Антонов – ведущий художник издательства «Приамурские ведомости», а это значит, что у нас еще будет возможность знакомиться с творчеством нашего земляка.

Человек, построивший город

Любовь ТИХОВСКАЯ

В Центральной городской библиотеке им. Н. Островского Комсомольска-на-Амуре, в ее структурном подразделении № 6 МУК «Городская централизованная библиотека», работает литературный музей имени Геннадия Николаевича Хлебникова. В его экспозиции материалы о жизни и деятельности писателя-комсомольчанина, его произведения, рукописные материалы, среди которых статьи, выступления, размышления и обращения к жителям города, фотоматериалы из личного архива, воспоминания друзей и соратников по перу.

Чем же заслужил Хлебников такое отношение к себе, что людям захотелось сохранить память о нем и его делах для следующих поколений? Этот простой и неординарный человек сделал очень много для того, чтобы в тайге родился и вырос советский Город юности. Геннадию Николаевичу было всего восемнадцать лет, когда он оставил родной Ленинград и с комсомольской путевкой в кармане уехал на другой конец страны строить вместе с другими добровольцами новый город. Суровые климатические условия, голод, тяжелый ручной труд, неразвитая инфраструктура не испугали молодого путиловского слесаря, а только закалили его характер. Вместе с другими ребятами он корчевал тайгу, расчищая площадки под заводские застройки, строил кирпичный завод и налаживал производственный процесс по выпуску кирпича, который тогда был хлебом насущным для стройки века. Работал, учился, размышлял и наблюдал, как закипает жизнь в глухой тайге. Вечерами впечатления дня выливались в стихотворные строчки или фельетоны, смотря что зацепило за душу – вдохновенный труд или явная лень и безответственность. Ну а если не успевал осмыслить прожитый день, то откладывал на полочку памяти. Потом Геннадий Николаевич занялся журналистикой, долгое время был редактором газеты «Дальневосточный Комсомольск», и его наблюдения отразились в литературных произведениях. То есть своим писательским трудом Хлебников способствовал тому, чтобы память о грандиозном строительстве города с нуля под ключ сохранилась и по сей день, а люди с уважением, любовью и гордостью относились ко всему, что создали их предшественники.

Музей открыт в 2008 году, через год после смерти писателя. Инициатором создания стала Валентина Михайловна Мусалитина, возглавлявшая в то время коллектив библиотеки-филиала № 6. При поддержке членов писательской организации, художников и общественности города, людей, хорошо знакомых с Г.Н. Хлебниковым, она начала кропотливую работу по сбору материалов о нем

и его творчестве. Большую помощь оказали родные Геннадия Николаевича, и мы до сих пор очень благодарны его внучке, передавшей часть личного архива писателя на хранение в наш музей. Эти дары стали основой экспозиции музея, и Валентина Михайловна с энтузиазмом взялась за популяризацию творчества Г.Н. Хлебникова. Его произведения «Бригадир строителей Николай Щеглов», «Корабелы», «Расскажи сыновьям...», «Испытание доверием», «На пределе» – это искренний рассказ о строительстве и благоустройстве Комсомольска, о людях, совершавших настоящий трудовой подвиг. По этим книгам можно изучать историю города, и это намного интереснее, чем сухие цифры и факты. В произведениях Геннадия Николаевича не вымышленные персонажи, а реальные строители, металлурги, врачи, таежники и простые рабочие, чьи потомки проживают здесь и поныне.

Ежегодно с 1 по 23 декабря (день рождения писателя) в библиотеке проводятся Хлебниковские чтения. Это цикл мероприятий – экскурсии по музею, встречи с людьми, знавшими лично Геннадия Николаевича, беседы, обзоры и выставки книг, конференции. В чтениях активно участвуют учащиеся городских школ, училищ и техникумов, творческая интеллигенция и общественность города, самодеятельный молодежный театр «Город солнца» (руководитель Л.В. Пахомова), друзья и члены городской писательской организации. Есть и практические результаты мероприятий. Например, в их рамках сотрудники филиала составили и оформили аннотированный рекомендательный указатель произведений Хлебникова.

В 2010 году вышел первый номер альманаха «Хлебниковские чтения», посвященного истории и событиям Гражданской войны на Дальнем Востоке. Эта тема очень волновала писателя и нашла свое отражение в романе «Амурская трагедия». В его основу лег довольно противоречивый период освобождения Дальнего Востока (в частности Николаевска-на-Амуре) от японских интервентов и становления советской власти. Эти события огненным вихрем пронеслись через судьбу Якова Тряпицына, одного из руководителей партизанского движения. На мероприятии, где обсуждался роман, далеко не все согласились с точкой зрения писателя. Обсуждение было бурным, участники эмоционально отстаивали свою оценку и событий, и личности Тряпицына. Примирило всех предложение о выпуске альманаха, который будет отражать мнение каждого оппонента. Второй номер альманаха вышел в 2013 году и был посвящен истории строительства и развития кирпичного завода № 1 и людям, творившим эту историю своими руками. Оба издания рекомендованы краеведам, школьникам, студентам и всем горожанам, неравнодушным к истории родного города.

В 2015 году мы отмечаем 100 лет со дня рождения Геннадия Николаевича Хлебникова, почетного гражданина Комсомольска-на-Амуре и Хабаровского края, кавалера нагрудного знака им. Н.Н. Муравьева-Амурского «За заслуги». Материалы третьего выпуска альманаха «Хлебниковские чтения» будут посвящены вопросам истории освоения Приамурья и развития русско-китайских отношений в конце XIX века. Ведь именно эта тема стала основой сюжета замечательной повести Г.Н. Хлебникова «В долине Желтуги».

Литературное наследие Г.Н. Хлебникова не ограничивается только книгами о строительстве Города юности. Волновали писателя и происходящие события, оценку которых он давал в своих статьях. Начиная с конца 1980-х годов и по сей день обсуждается вопрос о строителях Комсомольска. Кто же его все-таки строил – комсомольцы, заключенные, военнопленные? Будучи одним из первостроителей города, Г.Н. Хлебников неоднократно высказывал свою точку зрения по этому вопросу. Предлагаем вашему вниманию статью, опубликованную в газете «Дальневосточный Комсомольск» 19 апреля 1989 года и не потерявшую актуальности и сегодня.

Возвращение к истине

Заметки писателя

Геннадий ХЛЕБНИКОВ

Заметно повысился интерес к истории государства и города и у комсомольчан. Они хотят больше узнать о первых его строителях, о значении Комсомольска для Отечества. При городском совете содействия Советскому фонду культуры создан комитет по восстановлению исторической правды о жертвах сталинских репрессий в Комсомольске. Благородное дело начали инициаторы этого комитета. Он привлечет комсомольчан к участию в сборе соответствующих материалов и документов. Обращаясь к прошлому, омраченному культом личности, изучая истоки этой беды, мы воздаем должное людям, безвинно

погибшим а годы разгула сталинских репрессий, предупреждаем подобные искривления нравственности и права в будущем.

Жестокие репрессии коснулись и Комсомольска. В 1937–1938 годах в городе были арестованы сотни людей. Среди «врагов народа» оказались настоящие ленинцы, преданные делу революции. Среди них директора заводов Жданов и Кузнецов, секретарь горкома партии Наговицин и секретарь горкома ВЛКСМ Минкин, заместитель председателя горисполкома, первостроитель Гоменюк и командир военно-строительного корпуса, герой Гражданской войны Адамсон. Наш общий долг – вызвать из забвения как можно больше имен. Увы, все имена вряд ли будут установлены, как не установлены имена всех бойцов, погибших на фронтах Гражданской и Великой Отечественной войн... Признанием этой горькой истины служит священная могила Неизвестного солдата у стен Кремля...

Но это не должно снижать нашей активности в поисках, лишать надежды открывать все новые имена и безвестные подвиги. И если мы сейчас торжественно поклялись восстановить историческую правду, то должны это делать, строго ее придерживаясь, не допуская новых искажений, недомолвок, недоговоренностей и двусмысленностей – всего того, из чего потом складывается неверное представление о прошлом. А ведь такие искажения допускались и допускаются. В связи с этим мне хочется сказать о некоторых неточностях и в исторических изысканиях добровольных исследователей в нашем городе.

В печати, в устных высказываниях все чаще подается мысль, что Комсомольск-на-Амуре – не творение комсомольцев, являющихся ядром коллектива его строителей, и потому по праву давших городу свое имя. Все чаще говорят о том, что город построен заключенными, безвинно названными сталинской опричниной «врагами народа». И слава комсомольцам приписывается незаслуженно. Так, стремясь восстановить правду истории – пусть искренне, это несомненно, – кое-кто при этом искажает правду, опираясь на непроверенные факты. Недавно в городской газете опубликована статья «Нас позабыли вчера…». В целом она подкупает искренностью, пробуждает в читателе глубокое сочувствие к жертвам сталинских репрессий. Но при внимательном знакомстве с текстом слышен уже давно знакомый мотив: «Кто же строил Комсомольск? А может, заключенные?». «О них не знали, – пишет автор статьи. – Не знали, потому что они, безмолвные строители, не стояли в одном строю с теми, о чьих трудовых подвигах вспоминали каждый день».

Для нас, первостроителей, комсомольчан 30-х годов, никогда не было секретом, что возле города было несколько лагерей. И мы видели колонны заключенных. Знали об Амурлаге. Мы знали, что десятки тысяч заключенных строили железную дорогу Волочаевка – Комсомольск, потом восточный участок БАМа, дорогу от Комсомольска до Советской Гавани, а для нее паромную переправу, о которой упоминает автор вышеуказанной статьи. Заключенные строили нефтепровод Комсомольск – Оха-на-Сахалине в годы войны. Потом, после войны, туннель на мысе Лазарева. Но несправедливо противопоставлять героический труд комсомольцев, заложивших и строивших город и заводы, не менее героическому труду заключенных. Разве комсомольцы виновны в том, что тысячи людей, их соотечественников, были невинно осуждены и унижены? Желая (и справедливо!) восстановить истину, авторы подобных исторических изысканий невольно кладут тень на труд и роль комсомольцев, подвергают сомнению достоверность истории города. Ведь молодые люди могут поверить такой трактовке исторических событий. Мало ли в прошлом было подтасовок и показухи, приукрашивания реальностей.

Да что там – могут! Верят некоторые. На днях ко мне пришел мой друг первостроитель Николай Соловьев, с которым вместе строили город. С горечью и болью рассказал он мне следующее:

– Я к тебе из музея. Был там сейчас. Смотрел новые экспозиции. Вижу, стоят два парня. По разговору понял: новички в городе. Решил помочь им, об истории города рассказать. «Ребята, говорю, давайте я вас повожу по музею. Я первостроитель, строил Комсомольск». Посмотрели парни на меня недружелюбно. А один сказал зло так: «Взорвать бы ваш город к чертям!» «Почему?» – спрашиваю. «Да заключенные его строили...». Так и сказал... Почему? Разве мы его не строили? Лес на Пивани рубили, по ледовому каналу сплавляли, кирпич делали вместе с тобой, каналы копали. Заводы строили. Корабли стали делать, самолеты...

Да, были лагеря, были заключенные, Многие безвинно осужденные. И труд их на пользу Родине и потомкам не должен быть забыт. Но был и героический труд комсомольцев в ватниках и красноармейских шинелях, заложивших город на Амуре. Именно они за три года уже в 1936 году пустили авиационный и судостроительный заводы, ряд других предприятий. К июню 1937 года в городе жило 70 тысяч человек. Численность заключенных в лагерях стала стремительно расти именно в мрачных 1937–38 годах. А комсомольцы построили первоклассные заводы, а сами продолжали жить в бараках, мало отличавшихся от лагерных. И после войны Комсомольск оставался барачным, состоял из разрозненных поселков – Брусчатка, Комсомольский, Больничный, 4-й участок, 13-й участок... Только в 1949-м положили первые метры асфальта. Только после войны началась комплексная застройка города. А точнее – в начале 50-х годов, когда на стройке появился могучий помощник строителей – башенный кран. Тогда началась застройка проспектов Мира, Ленина, улиц Кирова, Пионерской, Аллеи Труда, Октябрьского проспекта и других магистралей. И все это строилось вольнонаемными людьми. В послевоенные годы многие строительные бригады прославились высокой выработкой, умелой организацией труда. В их числе были бригады хорошо знакомых мне людей – каменщика Николая Щеглова, Григория Гладенкова, Ивана Рохлина, штукатура Василия Гагаринского и Марии Малышко, плотника Героя Социалистического Труда Степана Безрука и многих других славных юношей и девушек.

Личное наблюдение, присутствие – серьезный аргумент в подтверждении исторической правды. Но он всегда очень субъективный в то же время. И к таким свидетельствам надо подходить критически. Автор статьи «Нас забыли вчера...» пишет о том, что видел, как заключенные шли строить проспект Мира. И ведь ходили и строили. Но как и что строили? И только ли заключенные?

Автор пишет о своих детских впечатлениях, я же лично знаю, когда и кто строил каждое здание на проспекте Мира. Да и не только на этом проспекте. Приходилось бывать на каждом доме от закладки до сдачи в эксплуатацию. До 1950 года проспект Мира представлял собой обычную мощенную камнем дорогу. Всего десяток каменных зданий редким пунктиром стояли на одной его стороне. Все они построены до войны бойцами строительного корпус» и вольнонаемными. В 1947 году военнопленные японцы достроили гостиницу «Амур». Рядом заключенные выстроили здание УВД. С 1950 года началось, массовое строительство проспекта. Здесь трудились бригады, мною уже названные. В 1953 году участвовали в строительстве домов № 30 и 34 и заключенные. Отделку здесь вели вольнонаемные строители. Такова история застройки этого проспекта. А на застройке других улиц и проспектов труд заключенных почти не применялся. И понятно: сталинское руководство не допускало общения заключенных с жителями города. Но мы многое знали о несправедливостях тех мрачных лет. От народа не скроешь правду никакими заборами.

В статье «Нас забыли вчера...» говорится: «...упоминать в периодической печати о «спецконтингенте» не разрешалось, чтобы не запятнать легендарный город». Мне кажется, что неуместны в этих словах ирония и сарказм. Власти времен сталинизма меньше всего беспокоила слава Комсомольска, как ничуть не беспокоила и судьба комсомольцев-первостроителей. И не надо представлять историю строительства Комсомольска, освещение ее в тогдашней печати, как ширму тогдашней официальной пропаганды, за которой сокрыта подлинная история этой комсомольской стройки. А на этой стройке – свидетельствую – были героизм, порыв, энтузиазм, бескорыстное служение идее скорого всеобщего счастья людей. И об этом никогда нельзя забывать. Реабилитируя память тысяч невинно загубленных, негоже ставить под сомнение героизм комсомольцев.

Кстати, о памяти. Да, в мрачные времена культа личности сильно были расшатаны нравственные устои народа. Его как раз и старались лишить памяти. В трагическую зиму 1932–33 годов сотни комсомольцев умерли от цинги. Их хоронили в тайге, где сейчас швейная фабрика. От кладбища, от сотен могил не осталось и следа. Да и ни одного имени похороненных здесь мы не знаем. И за 56 лет не попытались. даже узнать. Были порушены и другие захоронения первостроителей. Что там – мертвые! Живых людей не ценили в эпоху сталинщины. Когда мы рассматриваем память народа с таких позиций, то многое становится яснее, понятнее в нашей трагической истории, в которой нас учили отмечать только достижения, победы и молчать о поражениях и горестях народных.

Неблагодарное дело – противопоставлять судьбы и вклад разных слоев общества. Не противопоставлять надо «героев, мечтателей и ученых» «спецконтингенту», меж которыми и не было какой-то непроходимой стены – «герой» в любую минуту мог стать «спецконтингентом», – а по достоинству оценить труд и лишения и тех, и других. А герои были, и были мечтатели, и были ученые. Надо бережно собирать материалы, воспоминания, которые помогут восстановить честь и достоинство подвергшихся репрессиям, и тех, кто закладывал первые камни легендарного Комсомольска и тоже несправедливо был забыт. Но одних только воспоминаний, устных свидетельств немногих оставшихся участников событий, недостаточно. Надо признать, что о нашем городе еще очень мало написано серьезных научных исследований. Есть пока несколько разрозненных страничек в его летописи. Отсюда и крайне разноречивые толкования о разных этапах его строительства. К версии «город построен заключенными» прибавляется вторая – город вообще не надо было строить. Недавно по местному телевидению так и было сказано одним из участников беседы о развитии Комсомольска.

Что можно сказать по этому поводу?

Обратитесь к истории освоения русскими Дальнего Востока. Скольких трудов стоило исследователю Г.И. Невельскому, чтобы доказать историческую необходимость для России освоения Приамурья, дальневосточных окраин страны нашей. Хорошо, что эту идею и поддержал дальновидный государственный деятель Н.Н. Муравьев-Амурский, а ведь тогдашнее правительство считало амурские земли совершенно «ненужными», как потом посчитало «ненужной» целую страну – Аляску! Полезными и необходимыми оказались дальневосточные земли для нашего Отечества. Полезным и нужным стал Комсомольск – центр крупного индустриального и культурного региона страны. Шесть тысяч жителей было в этом обширном районе, когда в 1932 году здесь, у села Пермского, высадилась с парохода «Колумб» первая партия комсомольцев. Сейчас на этой земле живут и трудятся свыше 300 тысяч человек.

Пришло время писать историю Комсомольска, основанную на строго научных данных, с привлечением архивных документов, до сих пор считавшихся секретными. Надо безотлагательно писать такую книгу, поручить это компетентным людям, владеющим пером. Такие люди у нас есть. Не надо только откладывать организацию написания первой для начала книги истории города без «белых» пятен и умолчаний, без искажений и конъюнктурных «подгонок», часто основанных лишь на слухах и эмоциях, а не на объективном показе всех действительно происходящих событий.

Материал подготовила Людмила КАШИНА

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать»

Сергей КОПЫТИН

Только в детстве, быть может, книга действительно влияет на нашу жизнь. Дальше мы восхищаемся ею, получаем от нее удовольствие, возможно, меняем благодаря ей некоторые свои взгляды, но главным образом находим в книге лишь подтверждение тому, что в нас уже заложено…

Грэм Грин

Если учесть, что человек формируется по преимуществу в детстве и в эту пору закладываются его главные качества, то детское чтение нужно признать мощным интеллектуальным ресурсом, важнейшим резервом развития личности.

Сегодня интерес к чтению в России неуклонно снижается, уходят семейные традиции чтения, привития любви к книге с младенчества. Любовно собранные в прошлом домашние библиотеки все чаще оказываются в мусорных контейнерах. Проблемой детского чтения обеспокоены многие взрослые, постепенно приходит понимание, что это далеко не частная проблема, решаемая только библиотечным сообществом. Сегодня необходимо донести до родителей мысль: от того, читают ли их дети, зависит их развитие, нравственный облик и, в конечном итоге, судьба.

Чтобы прояснить современное состояние семейного чтения в Хабаровском крае, Хабаровская краевая детская библиотека им. Н.Д. Наволочкина провела исследование «Роль чтения в жизни семьи и ребенка в век новых технологий». Его основные вопросы касались отношения людей к чтению вообще и к семейному в частности, а также того, как респонденты оценивают роль чтения в структуре своей деятельности. В опросах приняли участие примерно 5 % от фактического числа детей – пользователей библиотек. Для взрослых были разработаны особые анкеты. В анкетах для юных читателей основное место занимали вопросы об их читательских предпочтениях, привычках, интересах, о роли семьи и библиотеки в чтении. Анкеты для родителей подробнее: в них уделялось внимание тому, какое место занимает чтение в жизни семьи, какие способы приобщения детей к чтению применяют родители, какие трудности они при этом испытывают. Различия в ответах детской и взрослой аудитории на сходные вопросы позволили выявить проблемы взаимопонимания родителей и детей в сфере чтения.

Кроме специалистов краевой детской библиотеки в исследовании приняли участие их коллеги из 32 библиотек города Хабаровска и семи районов Хабаровского края. Всего было обработано 1 334 анкеты. Анализ ответов подтвердил взаимосвязь между семейным чтением и общей читательской культурой. В то же время взрослым, как правило, кажется, что они достаточно помогают детям в чтении, тогда как дети часто оценивают эту помощь как недостаточную. Взрослые заинтересованы в чтении детей, но их заинтересованность, к сожалению, часто пассивна. Настораживает и то, что в семьях уменьшается количество детских книг, а у взрослых нет возможности или желания посещать детскую библиотеку, консультироваться со специалистами по вопросам детского чтения. При этом взрослые в основном достаточно оптимистичны по отношению к читательскому воспитанию своих детей. Также выяснилось, что дети любят читать, часто выбирают литературу самостоятельно, но при этом бóльшая часть подрастающих читателей готова прислушиваться к рекомендациям и советам.

Результаты нашего исследования любопытно сопоставить с тенденциями, которые выявлены в ходе опросов, проведенных Российской государственной детской библиотекой (Москва) в восьми федеральных округах по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в 2013 году. Тенденции таковы: за последние шесть-семь лет интерес детей к чтению увеличился; выросло участие родителей в семейном чтении; две трети опрошенных детей предпочитают бумажные книги, однако пропорции довольно существенно меняются в сторону экранного чтения. Несмотря на очень осторожный оптимизм, который внушают результаты социологических исследований, приходится с горечью констатировать, что мы давно утратили гордое звание самой читающей страны планеты. Если по чтению младших школьников Россия еще находится на почетном втором месте в мире, то по чтению подростков мы откатились далеко-далеко назад.

Эти данные прозвучали в выступлении заведующей отделом социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки Елены Андреевны Колосовой на межрегиональных общественных литературно-педагогических чтениях «Книжная культура и детское чтение», проходивших в Хабаровской краевой детской библиотеке им. Н.Д. Наволочкина в феврале 2015 года. Участники чтений сконцентрировали свое внимание не столько на постановке проблем в сфере приобщения детей к чтению (они известны), сколько на поиске способов их совместного решения. Отмечая, что 70 % первоклассников приходят в школу с логопедическими проблемами и не то что читать, но и говорить еще как следует не умеют, директор хабаровской гимназии № 3 им. Н.Ф. Панькова Ирина Николаевна Глухова причину этого усматривает в том, что в семьях этих детей отсутствует традиция домашнего чтения.

Педагоги, психологи, библиотекари единодушны: самый действенный способ заразить ребенка чтением – читать ему перед сном. И чем раньше начать это делать, тем лучше. Слушая чтение мамы, папы или бабушки, ребенок активно думает, предвосхищает события, устанавливает связь своего опыта с опытом других, создает образ мира, в котором живут герои книги. Когда ребенок, только научившийся читать, делает это сам, он слишком много времени и усилий тратит на процесс чтения книги в ущерб полноценному эмоциональному восприятию ее содержания. А ведь известно, что развитие фантазии – непременное условие воспитания творческой личности, поэтому маленькому ребенку, даже если он уже умеет читать самостоятельно, обязательно нужно читать вслух.

Камнем преткновения для учителей-словесников, по мнению Веры Владимировны Мягковой, учителя лицея «Ступени» и председателя регионального отделения Ассоциации учителей русского языка и литературы Хабаровского края, является перегруженность школьной программы по литературе, притом что на ее изучение отводится только три классных часа в неделю. Кстати, за последние 20 лет количество уроков литературы сократилось вдвое. Правда, есть еще внеклассное чтение, но зачастую оно существует формально. Дети дома просто физически не успевают прочитать даже те книги, которые предписаны программой. Они вынуждены прибегать к помощи сжатой компьютерной версии того или иного литературного произведения, вместо полноценного для развития ума и души чтения получая его эрзац. Озабоченные этой проблемой педагоги решают ее по-разному. К примеру, гимназия № 3 наладила тесное сотрудничество с Центральной городской детской библиотекой им. А.П. Гайдара, и многие уроки литературы проходят именно там, причем учителя ведут их совместно с библиотекарями. Кроме того, 11 классов этой гимназии учатся по программе углубленного изучения литературы.

Вера Владимировна Мягкова, учитель русского языка и литературы лицея «Ступени», считает: чтобы выработать у детей вкус к вдумчивому чтению, научить их получать от этого удовольствие, стоит обратить внимание на интересный опыт, опробованный в нашей стране еще в 1980-е годы, когда во

главу угла ставилась одна книга, например «Война и мир» Л.Н. Толстого, которая изучалась на протяжении всего учебного года. Главным же выводом по итогам межрегиональных общественных литературно-педагогических чтений стала необходимость объединения усилий и координация деятельности образовательных учреждений, учреждений культуры и искусства, средств массовой информации для продвижения чтения и сохранения ценностей книжной культуры.

Обмен опытом дает дополнительную пищу для размышлений и новый стимул для практической деятельности. А деятельность эта достаточно разнообразна. Библиотечная работа с детьми кроме специальных компетенций требует широкого кругозора, творческих и организационных навыков, чуткости и понимания, постоянного самообразования. Особенно это важно сейчас, когда на фоне серьезных культурных и технических трансформаций в жизни общества библиотека тоже меняет свой образ. Из хранилища книг она постепенно превращается в многофункциональный центр, медиативную среду, площадку для разнообразных взаимодействий – досуговых, образовательных, творческих и т. д. В это непростое, но интересное для профессионала время библиотекари ищут новые формы деятельности, стараясь в то же время сохранить основу, проверенные временем традиционные подходы.

Сотрудники детских библиотек и детских отделений библиотек Хабаровского края продолжают регулярную работу по основным направлениям: литературному, экологическому и естественнонаучному просвещению, семейному чтению, воспитанию патриотизма, пропаганде здорового образа жизни и правил безопасности, воспитанию толерантности и правовой культуры, эстетическому просвещению, краеведению, профориентации. По традиции детские библиотеки способствуют летнему отдыху детей, организуя для них площадки и проводя разнообразные развлекательные и познавательные мероприятия и программы. Перспективным направлением в работе библиотек является создание в их стенах клубов по интересам, кружков, любительских объединений. Это дает возможность соединить чтение с художественно-творческой деятельностью.

Библиотеки края тесно взаимодействуют с социальными приютами, центрами реабилитации, больницами, детскими домами и пр. Наряду с этой постоянной, важной, но в то же время ставшей уже обычной работой библиотечное сообщество ищет новые, нетрадиционные пути выполнения своей миссии. Библиотеки изготавливают разнообразную рекламную продукцию, сотрудничают со средствами массовой информации. Вопреки расхожему мнению, что главные виновники снижения интереса к книге – компьютерные игры и социальные сети, мы считаем, что интернет может и должен быть не врагом, а союзником библиотек в борьбе за читающее, а значит, думающее молодое поколение. Наша задача – «подружить» книгу и компьютер. Библиотечные специалисты осваивают актуальные формы популяризации чтения: буктрейлеры (небольшие художественные видеоролики о какой-либо книге), мультимедийные презентации, ведут библиотечные блоги и тематические сообщества в крупных социальных сетях.

В 2014 году состоялся межрайонный конкурс буктрейлеров «Книга в кадре», в котором приняли участие 27 работ, выполненных сотрудниками библиотек Комсомольска-на-Амуре и Амурска, Солнечного и Комсомольского районов. Победителями стали буктрейлеры «Книги в моей судьбе» – по книгам Генри Миллера, «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «Властелин колец» Джона Р. Р. Толкина, подготовленные специалистами городской централизованной библиотеки им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре и межпоселенческой центральной библиотеки Амурского района. Лучшей коллективной работой признан буктрейлер «Рассказы о войне» Центра детского чтения Амурского муниципального района.

Библиотеки Хабаровского края принимают участие во всероссийской промоакции «Библиосумерки» (детский вариант известной «Ночи в библиотеке»). В этот день они продлевают рабочее время на несколько часов и приглашают своих читателей поддержать чтение как образ жизни, приняв участие в различных развлечениях и работе творческих площадок.

«Вас окутывает густая тьма, жуткие звуки доносятся из подвала, и странные мрачные существа окружают со всех сторон…». Нет, это не фрагмент из романа ужасов, а всего лишь вечеринка, на которую библиотека им. Н.Д. Наволочкина приглашала читателей-подростков. Осеннее библиоparty «В контакте с призраками», которое прошло в ноябре 2014 года, погрузило ребят в атмосферу тайны и мистических превращений. Юноши и девушки могли с помощью аквагрима и костюмов перевоплотиться в фантастических персонажей и устроить шабаш-дэнс, выбрать понравившуюся книгу на книжном развале «Библиоужастик», поиграть в «призрачную мафию», узнать тайны библиотечного подвала и посетить библиотечное кафе «Сумерки»…

В 2014 году библиотеки Хабаровского края участвовали в Международном конкурсе творческих работ «Мой Пушкин», цель которого – популяризация пушкинского наследия среди детей Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, КНР), повышение интереса к чтению и изучению творчества поэта. Участники представляли поделки, анимационные фильмы, буктрейлеры, инсценировки, с которыми посетители библиотеки смогли познакомиться на специальной выставке, которую в итоге посетили более 500 человек. Итоги конкурса подвели в день рождения поэта, победители награждены дипломами и памятными призами.

Значительным событием в читательской жизни края стал фестиваль «Читаем вместе с «Книгуру», проходивший в октябре 2014 года. Библиотеки Хабаровского края посетили организаторы всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру» – координатор экспертного совета и писатель Николай Назаркин (Нидерланды), член совета экспертов, критик Ксения Молдавская (Москва), а также писатели – лауреаты конкурса Светлана Лаврова (Екатеринбург) и Ирина Лукьянова (Москва). Гости не обделили вниманием ни взрослых, ни детей, проводя в каждой из принимающих библиотек творческие встречи, круглые столы и мастер-классы. Такие встречи состоялись в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Вяземском и Переяславке.

Проблем немало, но библиотечное и педагогическое сообщества Хабаровского края продолжают прикладывать усилия к литературному, информационному и культурному просвещению подрастающего поколения. И хотя такая работа не дает немедленных плодов, в ней заключается надежда на сохранение национальной и общемировой культуры, на появление в нашем обществе людей любознательных, думающих, способных учиться и творить. Важно помнить слова французского философа-просветителя Дени Дидро: «Люди перестают мыслить, когда перестают читать».

Край читающих детей

Елена КУЗНЕЦОВА

В Год культуры в России Хабаровская краевая детская библиотека им. Н.Д. Наволочкина стала инициатором крупномасштабной краевой литературной промоакции «Край читающих детей». Она была нацелена на продвижение книги и создание равных возможностей в доступе к всесторонней информации для юных читателей, независимо от того, где они живут. Более двадцати библиотекарей при участии волонтеров, мастеров декоративно-прикладного искусства и юных артистов организовали и провели эту необычную акцию. А всего в ней участвовали свыше тысячи детей и взрослых.

В рамках акции в городах и поселках Бикинского, Вяземского, им. Лазо, Нанайского, Хабаровского и Солнечного районов прошли театрализованные представления, встреча с дальневосточной писательницей Еленой Неменко, выставки лучших детских книг «Книжный дождь». Кроме того, были организованы мастер-классы по аквагриму и оригами, игровые и творческие зоны: «Мурзилка-град», «Поле чудес», «Читать всегда, читать везде!», блиц-опрос «10 книг, которые вам понравились», площадка-фантазия «Оставь свой след» или «Если бы я был главой района» и др. В партнерстве с Международной ассоциацией национальных культур Хабаровского края были подготовлены презентации нанайской, корейской, русской культур. Инновационной площадкой акции стал выездной электронный читальный зал, оснащенный пятью ноутбуками.

Праздничное открытие акции «Край читающих детей» Хабаровская краевая детская библиотека имени Н.Д. Наволочкина провела в парке культуры и отдыха Бикина. Затем большой библиотечный десант высадился на площади перед районным Домом культуры Вяземского. Потом наши библиотекари отправились

в села Троицкое, Некрасовка, поселки Переяславка, Солнечный. Специалисты библиотеки преображались в известных литературных героев. Яркое театрализованное представление никого не оставило равнодушным: ребята «варили кашу» с героями мультфильма Машей и Медведем, играли со старухой Шапокляк, танцевали с Бабой-ягой и Кикиморой. Происходящее в корне меняло традиционные представления людей о том, что вся работа библиотекарей сводится к выдаче книг.

В читальном зале на открытом воздухе на детей пролился книжный дождь из сотен ярких изданий: книги-пазлы, книжки-игрушки, «говорящие» книги, познавательные журналы из фондов краевой детской библиотеки… Присаживаясь за столики, ребята могли не только полистать книги и почитать журналы, но и порисовать, разгадать кроссворд и многое другое. Юные читатели с удовольствием участвовали в литературном конкурсе и получали сладкие призы.

Огромный интерес вызвал выездной электронный зал. Ребятам предложили увлекательные мультимедийные интерактивные викторины. Непростые вопросы по разным отраслям знаний порой ставили их в тупик, но самые эрудированные прошли все этапы и заслуженно получили блокноты с логотипом акции. Кроме этого, дети и взрослые становились обладателями логина и пароля для входа в мобильную библиотеку ЛИТРЕС и дальнейшего чтения электронных книг. Кстати, все юные завсегдатаи Хабаровской краевой детской библиотеки имени Н.Д. Наволочкина могут в удаленном доступе с любого мобильного устройства (планшета, букридера, компьютера и др.) читать интересующие их книжки.

Яркие творческие площадки с первых минут привлекли внимание ребят и взрослых. Большая очередь выстроилась из желающих нанести аквагрим: причудливые рисунки один за другим появлялись на сияющих лицах ребятишек. Художник библиотеки помог ребятам ощутить праздничное настроение и на время перевоплотиться в принцесс, отважных рыцарей, волшебников и т.д.

Малыши с удовольствием фотографировались с ростовыми куклами Попугаем, Котом Леопольдом, Медведем, состязались в играх «Змейка», «Собери ягоды», «Наряди елку» и др. Внимание подростков привлекла интеллектуальная игра «Поле чудес»: они крутили барабан и отгадывали зашифрованные слова.

Для участия в параде литературных героев девчонки и мальчишки облачались в костюмы любимых лите-

Награждение победителей конкурса «Лидер чтения Хабаровского края-2014». Таня Куликова (на фото слева), Дарья Тычинская (на фото справа)

ратурных персонажей. Красная Шапочка, Айболит, Буратино и многие другие герои сказок прошлись по сцене, демонстрируя свои костюмы. Участники акции приносили свои фотографии о чтении для фотосушки «Читать всегда, читать везде!». Много забавных снимков, в которых ребята запечатлели в процессе чтения своих родственников, друзей и даже домашних животных, развесили на площадках проведения акции.

Литературную промоакцию «Край читающих детей» завершил красочный фейерверк – высыпавшиеся из сотен больших хлопушек конфетти. Каждый ребенок унес с собой на память красочный детский журнал и памятный сувенир с логотипом акции.

Кроме акции «Край читающих детей» Хабаровская краевая детская библиотека имени Н.Д. Наволочкина совместно с краевым отделением Российского детского фонда провела конкурс «Лидер чтения Хабаровского края-2014». Для участия в нем были приглашены дети и подростки в возрасте от 4 до 17 лет, а также работники библиотек, учреждений дошкольного и среднего общего образования. 26 ноября 2014 года в краевом театре юного зрителя на праздник «Читающее детство» собралось более 150 детей, библиотекарей и педагогов из разных районов Хабаровского края. Праздник включал торжественную церемонию награждения победителей конкурса «Лидер чтения Хабаровского края-2014» и театрализованное представление по мотивам сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Более шестидесяти юных читателей от 6 до 16 лет из разных районов края, ставших победителями в номинациях «Книгооткрыватель» и «Книжный сталкер», получили планшетные компьютеры, электронные книги и дипломы. Ценными призами и дипломами также награждены библиотеки муниципальных районов Хабаровского края за активную работу по продвижению чтения среди детей и подростков.

Год культуры завершился, на смену ему пришел Год литературы, очень важный и значимый для всех, кто любит Книгу. Краевая детская библиотека имени Н.Д. Наволочкина приняла участие в открытии Года литературы в Хабаровском крае, которое состоялось в поселке Переславка района им. Лазо. Коллектив библиотеки показал юным читателям театрализованное представление «Волшебный мешок сказок» с участием литературных персонажей и передвижной выставочный проект «Книжный фейерверк» с множеством детских книг и журналов. Для специалистов библиотек, работающих с детьми и молодежью, проведен обучающий семинар «Формирование интереса к чтению среди детей и подростков: интерактив». В самом начале года в библиотеке им. Н.Д. Наволочкина открылся «Библио-

сад», в котором проводятся бесплатные развивающие занятия для детей от 3 до 6 лет. Это одна из составляющих поддержанного президентом РФ проекта «Точка роста – культура», который начался в библиотеке еще в октябре 2014 года. Главные цели проекта реализуются через организацию трех образовательных модулей – «Читаем с пеленок», «Читаем и моделируем», «Читаем и путешествуем».

А события Года литературы в России продолжатся в краевой детской библиотеке им. Н.Д. Наволочкина конкурсами, выставочными проектами, фестивалями, конференциям и встречами юных читателей с писателями.

Фото предоставлены автором

Визуальное осмысление вечной книги

О коллекции «Ветхий Завет – глазами современных художников» Музея современного искусства Еврейской автономной области

Елена ГЛАДКАЯ

Олег Яхнин. Адам и Ева. 2006. Офорт. 26 х 19

Константин Кузьминых. Сотворение Адама. 2008. Холст, масло.120 х 100

Музей современного искусства Еврейской автономной области открыт в Биробиджане в 1989 году. Художники города и области получили свою выставочную площадку, зрители – постоянную возможность общения с произведениями изобразительного искусства. Основу собрания «новорожденного» музея составили переданные администрацией Биробиджана и комитетом по культуре и искусству

Ирина Оркина. Адам и Ева. 2002. Бумага, смешанная техника. 59 х 42

Хабаровского края работы маститых хабаровских авторов Алексея и Степана Федотовых, Григория Зорина, Александра Гурикова и многих других известных дальневосточных живописцев и графиков.

Вместе с тем перед сотрудниками музея встал вопрос о принципах формирования собственной коллекции и выборе той тематики, благодаря которой собрание музея отличалось бы от собраний других региональных музеев страны. Исходя из названия музея коллекция должна быть не только современной и по форме, и по содержанию, но и отражать национальное своеобразие Еврейской автономии. В результате размышлений и споров сотрудники музея во главе с директором Борисом Косвинцевым – атеистом и нееврем – пришли к парадоксальному выводу, что нет ничего современнее, чем Ветхий Завет, но не как религиозная догма, а как источник мудрости человеческой. Тогда же родилось название «Ветхий Завет – глазами современных художников».

С момента, когда было принято такое решение, и до появления первого экспоната прошел почти год. Музей практически не располагал средствами на пополнение коллекции, но была цель. Мы искали и уже существующие картины современных авторов на сюжеты из Ветхого Завета, и художников, которых эта тема потенциально могла бы заинтересовать. Задача усложнялась тем, что рисовали многие, но никто этого не афишировал. Помог случай в лице Олега Фирера и Виктора Чайки – еврея и русского – художников, которые, оказывается, не только думали над этой темой, но и работали над ней. Их картины «Знак Завета» и «Пророк Исайя» положили начало коллекции.

Сотрудники музея продолжали «разбрасывать камни». При этом «соцзаказ» был своеобразным: художникам не обещали денег, а только обозначали интересующую музей тематику. Коллекция пополнилась картинами Александра Шурица, Михаила Селищева, Владимира Хрустова. Но со временем пришло осознание того, что у многих авторов есть духовная потребность в осмыслении вечных истин, но нет информации, которую может дать первоисточник.

Сергей Буньков. Ева, как дух Сальвадора Дали в образе старой девы на пляже. 1993. Холст, масло. 104 x 130

Отсюда и неточности – например, пупок у сотворенной первой женщины в «Райском саду» Александра Шурица или Ева, сидящая под деревьями в то время, когда Адам давал имена животным, в одноименной картине Дмитрия Романюка. Тогда сотрудники музея стали раздавать потенциальным авторам экземпляры Библии, которой с нами щедро поделилась община баптистов.

А потом наступило «время собирать камни». И уже сами художники предлагали свои картины музею. Через осмысление библейского текста одни искали ответы на происходящие в стране события, другие пытались постичь свой внутренний мир, а третьи занимались решением чисто художественных проблем на новом материале. Благодаря Александру Шурицу, сумевшему заинтересовать тематикой Ветхого Завета коллег по творческому цеху, в коллекции появились картины большой группы художников из Но-

Наталья Толпекина. Вавилонская башня. 1990. Холст, масло. 95 x 105

восибирска: Натальи Толпекиной, Даниила Меньшикова, Татьяны Владовой, Сергея Мосиенко. В 1991–1993 годах в фондах музея появились рисунки москвича Александра Элмара, картины хабаровчан Александра Лепетухина, Дмитрия Романюка, читинца Романа Цымбало, биробиджанцев Бориса Косвинцева, Сергея Бунькова и многих других авторов из разных городов страны.

В первые четыре года формирование коллекции велось «ударными» темпами. К концу 1990 года она насчитывала уже 27 произведений. К концу 1993 – более 130. Но 1993-й стал последним «тучным» годом перед длительным затишьем. В течение последующих девяти лет пополнение музейного собрания практически остановилось. В основном, конечно, по финансовым причинам. К 2002 году ситуация поменялась. Все большее внимание стало уделяться национальному своеобразию области. Получили развитие многие направления еврейской культуры, в том числе изобразительное искусство. Картины художников Еврейской автономии Александры Деревниной, Виктора Александрова, Владислава Цапа, Сергея Толмачева, Валентина Горячева на вечные темы Ветхого Завета стали появляться на выставках музея. И коллекция, ставшая к тому времени его визитной карточкой, вновь стала активно пополняться.

Теперь стояла задача не просто увеличить количество экспонатов коллекции, а расширить ее географию и представительство имен. Выезжая в командировки, посещая выставки и мастерские художников, сотрудники музея искали новые имена. И находили. С 2002 по 2014 год коллекция пополнилась работами хабаровчан Антона Вольгушева, Ирины Оркиной и Натальи Огневой, владивостокцев Александра Арсененко, Валерия Шапранова, Алексея Филатова, Лидии Козьминой, магаданца Константина Кузьминых, комсомольчан Игоря Грабовского и Валерия Леватаева, художника из Санкт-Петербурга Олега Яхнина.

С самого начала картины попадали в музей разными способами. В разные годы для коллекции «Ветхий Завет глазами современных художников» дарили свои работы Алек-

Наталья Огнева. Юдифь. 2002. Бумага, пастель. 50 х 70

Александр Арсененко. Гавриил. 2003. Холст, масло. 80 х 60

Татьяна Владова. Лестница Иакова. 1991
Цветная литография. 77 х 67

Виктор Чайка. Пророк Исайя. 1990. Холст, масло. 131 х 100

Олег Фирер. Знак Завета. 1989. Холст, масло. 70 х100

сандр Шуриц, Александр Лепетухин, Наталья Огнева, Константин Кузьминых, Александр Арсененко, Сергей Толмачев, Владислав Цап. В 2006 году Олег Фирер, к этому времени эмигрировавший в Израиль, передал в дар музею более 230 своих рисунков, в том числе по Ветхому Завету, и более 200 работ отца – известного красноярского художника Ильи Фирера. Узнав об этом, питерский художник Олег Яхнин, знакомый с Ильей Фирером по работе в Красноярском художественном училище им В.И. Сурикова, где Фирер был директором, а Яхнин преподавателем, подарил музею семь офортов, среди которых «Адам и Ева», «Экклезиаст», «Жертвоприношение». Основная же часть картин покупалась. Но даже в этом случае, для того чтобы «оказаться в такой коллекции и в такой компании», как выразился один из авторов, многие художники отдавали свои работы музею за символическую цену.

Выбор сюжета всегда оставался за автором. Большая популярность некоторых тем обусловлена влиянием времени. Различные интерпретации «Ноева ковчега» и «Содома и Гоморры», «Вавилонской башни» составляют шестую часть всей коллекции. Выбор именно этих сюжетов не случаен и напрямую связан со временем создания произведений – началом 90-х годов XX века – эпохой распада Советского Союза, расстрела защитников Белого дома, ломки сложившихся экономических отношений. Привычный мир многих людей рухнул. И художники, как зеркало, отразили настроение общества, зачастую не просто визуализируя канонический текст, но и проводя исторические параллели. Для своих произведений они нередко выбирали драматические коллизии, связанные со страстями человеческими. С одной стороны, это попытки осмыслить темные стороны человеческой жизни: убийство, предательство, прелюбодеяние, лжесвидетельство – темы, воплощенные в картинах Владимира Фатеева «Каин и Авель», Олега Фирера «Сусанна и старцы», Натальи Огневой «Самсон и Далила», Владимира Хрустова «Иосиф и братья». Чаще всего художники изображали сам момент преступления. Но тема на самом деле гораздо шире – грех и обязательная расплата за него.

Александр Лепетухин. Жена Лота. 2003. Бумага, смешанная техника. 35 х 50

С другой стороны, в коллекции музея много картин, воспевающих одно из самых светлых человеческих чувств – любовь. Любовные истории Адама и Евы, Соломона и Суламифи, Иакова и Рахили, Давида и Вирсавии стали сюжетами картин Бориса Косвинцева «Адам и Ева», Александра Лепетухина «Песнь песней», Олега Фирера «Двое», Владимира Хрустова «Давид и Вирсавия». И хотя большинство этих историй или начинались

Владимир Хрустов. Дочери Лота. 1990. Холст, масло. 110 х 100

Борис Косвинцев. Эксодус. 1991. Холст, масло. 50 х 70

преступлением или заканчивались им, чаще всего авторы изображали только светлую сторону чувства.

В жизни, как и в Ветхом Завете, добро и зло взаимосвязаны. И не случайно одним из самых востребованных персонажей стала праматерь Ева, с поступка которой и началось познание добра и зла. Отношение художников к Еве различно. В картине Сергея Бунькова «Ева, как дух Сальвадора Дали на пляже» женщина – злобный монстр в намордник, выставленный на всеобщее обозрение в назидание потомкам. А в рисунке Ирины Оркиной она – симпатичное любопытное существо, смотрящее не только на мужчину, но и на весь мир; благодаря ей, по замыслу автора, люди узнали не только трудности бытия, но и научились различать добро и зло.

Александр Шуриц. Самсон и Далила. 1990. Холст, масло. 96 х 100

В марте 2015 года четверть века с момента появления первого экспоната коллекции. К этому своеобразному юбилею сотрудниками музея собрано 206 живописных и графических произведений 39 художников различных национальностей и вероисповеданий из разных регионов страны. За эти годы коллекцию увидели тысячи российских и сотни зарубежных зрителей, и не только биробиджанцы и гости города, но и жители Читы, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска и Находки. У каждого из них свое прочтение и своя оценка увиденного. Но в целом люди, живущие

Сергей Толмачев. Израиль, борющийся с Ангелом. Из серии «Библейская нить». 2013. Монотипия. 50 х 35

в разных уголках земного шара и говорящие на разных языках, оставляли в книге отзывов музея послания, схожие по смыслу. Вот только два из них.

Арье Левин, посол Государства Израиль: *«Краски и форма – не только выявление затаенной души еврейской, но и послание универсальной терпимости и надежды. Ветхий Завет – язык всего человечества».*

Алла Гербер, депутат Государственной думы, писательница, кинокритик, общественный деятель: *«Все будет хорошо, все будет, если есть такой музей, такие картины, такие люди – художники, которые всегда есть, несмотря ни на что…»*

Овидий. Философия любви в рисунках Игоря Грабовского

Ольга ПРИВАЛОВА
Рисунки Игоря ГРАБОВСКОГО

Фото Пьера Хадорна (Швейцария)

Всякое произведение есть лишь «приближение»
к невидимой духовной основе мира,
сокрытой за изменчивостью Бытия,
за круговоротом Вечного Возвращения.

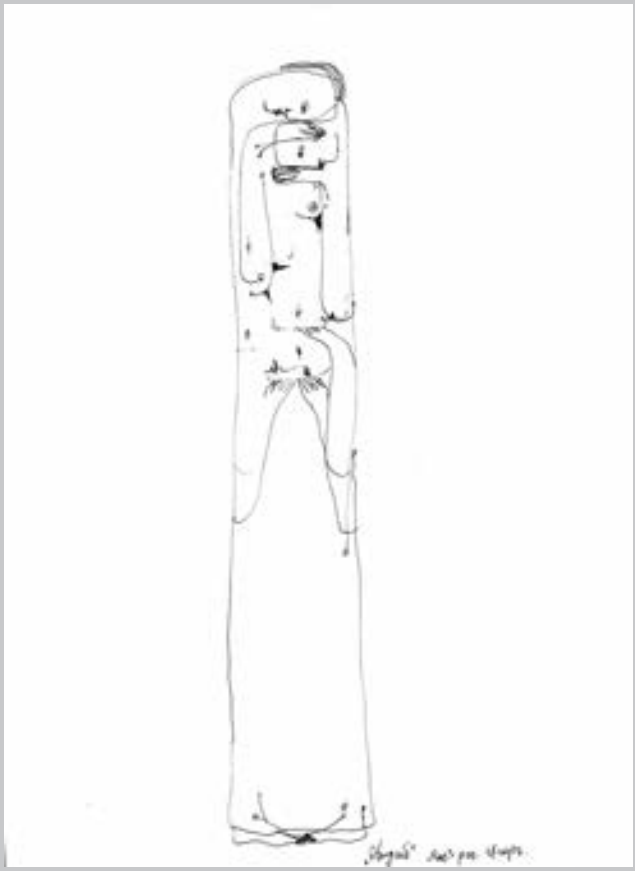
Эрнст Юнгер,
немецкий писатель философ

Разведены звезд мосты дорог ниоткуда...
Игорь Грабовский, художник

Авторские строки Игоря Грабовского емко отражают его графическое творчество. Композиционная прозрачность легких линий создает элегантность графическую стиля, которая внешне выделяет чувственную образность, но лейтмотив отстраненности от реалистических деталей уводит в тайну художественного пространства, где сопрягаются душа и дух, чувства и логика, сознание и интуитивное прозрение. Динамика взаимопроникающих линий, то исчезающих, то соединяющихся, сама по себе является метафорой недосказанности лирического текста бытия. Вот почему обращение Игоря Грабовского к творчеству Овидия так органично – оно передает романтический мир взаимоотношений, где изначально чувственное состояние переходит к более сложному выражению.

Овидий нередко вызывал непонимание и своими элегиями о любви, и высказываниями: «Мы живем, как люди нашей современности», «Я поздравляю себя, что я родился теперь». Сторонник изящества и культуры, он протестовал своей поэзией против инстинктов полов, преобладающих в тот исторический период. Эротический мотив в его творчестве устремлен к душе человека, когда она открыта, чиста и нежна в проявлении чувств. Овидий переводит бытовые отношения в ту стадию любви, где прелюдия восхищения красотой является существенной в понимании мира вообще. Поэт нашел простые, но очень выразительные слова в описании жизненных примеров. Эту внутреннюю экспрессию почувствовал и передал художник.

Графический подтекст серии рисунков Игоря Грабовского к Овидию обращается к сути идеального взаимоотношения человека с миром чувств. Художник не иллюстрирует древнеримского поэта, а внутренним прочтением, легкими линейными арабесками выявляет определяющее в лирике – тайну, недоговоренность лирического бытия, притяжение, созерцание, ожидание, мечтательность, отстранение – все то, что имеет абстрактное понимание, и что так непросто объяснить словами. Поэтическая метафора одновременно и сложна, и проста, как и графика художника. Это своего рода философия любви в рисунках. Своеобразная каллиграфия графики Грабовского является сознательным отказом от «ри-



сования с натуры». В таком контексте именно поэтическое слово может органично сосуществовать с абстрактной изобразительной пластической идеей.

Игорь Грабовский всегда отдает предпочтение духовной сути графики: «Существует рисунок, где художник может свободно посвятить себя воссозданию умозрительных идей, т. е. мысли. Для врача, биолога важно строение человека, количество тычинок, а художник видимость превращает в образ, через который разговаривает о жизни. И в рисунке не глаз, а взгляд. Белый лист – некое громадное пространство, здесь важно чувство равновесия – распределение масс черного и белого, но главное, чтобы это соединилось с мыслью внутри тебя. У художника всегда есть предыстория образа. Мои линии стилизованы, потому что интересна идея взаимопроникновения, идея пластичности в целом. Рисунки часто появляются в момент размышления, без отрыва к реальности, как дневник мыслей, но в них и художественный опыт, и диалог с моими кумирами из истории искусства, и жизненные наблюдения, впечатления… Линия – это удовольствие, ведущее тебя по белому листу.… И если зритель тоже получает удовольствие от рассматривания рисунков – это и есть счастье художника, это диалог тех, кто любит искусство...»

Композиционная прозрачность переплетений его линий создает графическую элегантность стиля, которая выделяет внешнюю чувственную образность, но одновременно ощущается то метафизическое, которое обращено к миру Абсолюта как художественно интуитивный трансцендентный синтез реальности бытия. Эта метафизика Красоты существует везде и повсюду, как дуновение ветра, волнующее воздушное пространство, играющее с чувственными рецепторами и неуловимо проникающее в сферу идеального, и художник дает нам возможность это увидеть и почувствовать.

Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso) – виднейший поэт в плеяде писателей золотого века древнеримской литературы. Родился в 43 г. до н. э. в городе Сульмоне (Средняя Италия), принадлежал к старинному роду «всадников». В Риме Овидий прошел ораторскую школу, учился декламации у знаменитых риторов того времени Ареллия Фуска и Порция Латрона. Подобно другим элегикам, Овидий в своих ранних произведениях, по очень точному выражению А.С. Пушкина, выступал «певцом любви». Однако в отличие от Тибулла и Вергилия поэт не идеализировал прошлое. Он понимал, что колесо истории повернуть вспять нельзя.

Так и Амур покоряется мне, хоть и жгут мое сердце
Стрелы, с его тетивы прямо летящие в грудь.
Первое дело твое, новобранец Венериной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.
Дело второе – добиться любви у той, кого выбрал;
Третье – надолго суметь эту любовь уберечь.
Вот уроки мои, вот нашего поприща меты.

Публий Овидий Назон
Из книги «Наука любви». Перевод М.Л. Гаспарова

«Эдип тиран» Александра Мещерякова

Из записок латиниста

Разгадывать загадки ведь не каждому дано,
ведь это дело прорицателей, –
а ты не смог, не понял предсказания,
богам не внял ты...
Эдип – Креонту (перевод А. Мещерякова)

Валентина КАТЕРИНИЧ

Рукопись

Речь пойдет не о книге, а о рукописи. Рукописи перевода трагедии Софокла, известной под названием «Эдип царь» или «Царь Эдип». Нельзя не откликнуться на эту героическую попытку автора, режиссера, поэта, мастера художественного чтения Александра Мещерякова (1956–2002), благодаря которой трагическая муза Мельпомена оставила свой след в наших холодных снегах. К сожалению, при жизни мне не приходилось лично встречаться с А. Мещеряковым, но я была зрителем его спектаклей в театре «Галерея» (запомнилась композиция по стихам Бродского «Ниоткуда с любовью») и слушателем его литературных чтений по радио (чего стоит юбилейная передача о Пушкине!). Он успел прочесть по радио Михаила Булгакова, Венедикта Ерофеева, Владимира Войновича и еще многих. Сам же писал стихи (незадолго до смерти в Хабаровском фонде культуры вышел его поэтический сборник «Порядок вещей») и переводил Софокла. Сверхзадачей его жизни было перевести «Эдипа», поставить спектакль и сыграть в нем главную роль. Первую часть он выполнил – перевел трагедию Софокла, затратив на это 20 лет.

Небольшое авторское отступление: проработав много лет латинистом медицинского института и получив возможность выпрыгнуть из шкуры «человека в футляре», я вышла на тему, от которой нельзя уклониться. Театровед и журналист Светлана Фурсова любезно предоставила материалы, связанные с работой А. Мещерякова[1], и даже оригинальный древнегреческий текст, с которого сделан перевод, из Собрания греческих и римских классиков 1892 года. Пришлось перевоплотиться из латиниста в эллиниста с краеведческим уклоном. Как тут не вспомнить одно из рассуждений Анны Ахматовой: «Чехов изобразил русского школьного эллиниста как Беликова. Человек в футляре! А русский школьный эллинист был Иннокентий Анненский. Фамира-кифаред!»

История рукописи началась в 1981 году, когда молодой актер, выпускник Владивостокского института искусств, служил в Крымском академическом театре драмы им. Горького. Ему поручили роль Вестника в трагедии Еврипида «Медея»; у него был лишь один длинный монолог, но какой! В ответ на просьбу Медеи («Нам опиши их смерть, и чем она/ Ужаснее была, тем сердцу слаще») Вестник описывает эту мучительную гибель соперницы Медеи и ее отца. Мещерякову чем-то не понравился перевод И. Анненского, и он захотел прочитать текст в подлиннике. Однако пора гимназий ушла безвозвратно, и молодой актер стал изучать древнегреческий самостоятельно. Выписал книгу из Ленинской библиотеки, купил словарь. Ведь он жил в ту пору в городе с древнегреческим именем – Симферополе, а рядом шумел прибой, витийствовало Черное море – Эвксинский Понт, как называли его древние мореплаватели и скитальцы. Здесь, на берегах «каменистой Тавриды», он, житель гиперборейской стороны, почувствовал тягу к божественной эллинской речи и задумал перевести на свой лад классическую трагедию про царя Эдипа. Актерская жизнь – скитальческая. География странствий Александра Мещерякова включает и Петрозаводск, и Пензу, и Комсомольск-на-Амуре и, наконец, родной Хабаровск, где он прожил последние шесть лет своей жизни. В одном из хабаровских стихотворений он вспоминал:

Благословенно все на этом свете –
Листающий страницы книги ветер,
Открытый настежь, пахнущий шалфеем
Полночный греческий словарь:
Кассиопея,
Персей и Андромеда...
День погас.
Крылом Пегаса ночь укрыла нас.

...Мы рвали яблоки; они к твоим ногам,
Как золотые звезды падали, и нам

[1] Отсылаю читателя к публикациям С. Фурсовой в газете «Хабаровские вести», в частности к статье «Переводчик Софокла и реабилитированные греки» от 31.08.01.

Желанья не загадывать хотелось,
а утолять.
И утомлялось тело
От яблок и созвездий, и услад:
Мы потрясали мироздание, как сад;
И плод запретный был тяжел и сладок,
И на любую из земных загадок,
Как царь Эдип, я находил ответ...

Предшественники

Прежде всего, Мещеряков изменил традиционное название трагедии на «Эдип тиран». Что это – вызов или стремление к буквальной точности? Возможно, перенос центра тяжести на судьбу тирана? Но об этом позже, у нас будет возможность познакомиться с режиссерской разработкой Мещерякова на эту тему. Конечно, нетрудно представить те побуждения, которые вдохновили на новый перевод: человек конца XX века хотел осмыслить этот страшный исторический опыт через древнюю трагедию, которая сама по себе загадка и остается таковой. В самом деле, если Эдип невиновен, зачем он ослепляет себя? Ответов на этот вопрос накопилось много…

...В 1910-е годы, когда футуристы обнародовали свои манифесты, в которых призывали «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого, и прочих с парохода современности», – в русской культуре возник проект иного свойства. Издатель М.В. Сабашников задумал обеспечить читателя качественными переводами греческих и римских классиков (проект назывался «Памятники мировой литературы»).

В воспоминаниях филолога-классика Ф.Ф. Зелинского рассказано, как три друга – он сам, а также Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский – дали друг другу слово перевести на русский язык трех греческих трагиков: Эсхила будет переводить В.И. Иванов, Софокла – Ф.Ф. Зелинский, а Еврипида – И.Ф. Анненский. Литературоведы считают, что «клятва друзей-филологов» похожа на легенду, так как эти трое начали переводить задолго до того. Однако в целом проект осуществился, несмотря на трудности исторических перипетий. «Каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно», – так считал маститый В.И. Иванов. При желании читатель может отыскать трехзвездие греческих трагиков в версии Иванова – Зелинского – Анненского. Но, как показывает история, окончательного, канонизированного перевода не может быть. Классика, в особенности античная, постоянно из эпохи в эпоху притягивает все новых толкователей.

Что касается мифа об Эдипе, известного прежде всего в интерпретации Софокла, то в разные времена на этот сюжет писали пьесы, рассказы, сочиняли музыку, снимали фильм (Жан Кокто). Зигмунд Фрейд создал медицинский термин «эдипов комплекс», который, однако, вызывает возражения. Среди русских переводчиков «Царя Эдипа» были, кроме уже названных, А.М. Дмитриевский, Д.С. Мережковский, В.О. Нилендер и С.В. Шервинский (С. Апт). В советские времена и до сих пор наиболее издаваемым был Софокл в переводе С.В. Шервинского. С ним и полемизирует Александр Мещеряков.

На перекрестке трех дорог

В 1990 году. Александр Мещеряков заканчивал Высшее театральное училище имени Б. Щукина при Вахтанговском театре. У него уже был свой подстрочный перевод «Эдипа». По этой теме он и защищал свой первый режиссерский проект. Ему пришлось выбрать перевод Шервинского, в котором, по его же словам, верно передан смысл трагедии, но не всегда верна передача ритма; а ритм – это основа поэзии. Кроме того, С. Шервинский иногда уклоняется от размера подлинника, перелагая ямбический триметр привычным для русского уха пятистопным ямбом. Вообще по отношению к пьесе и постановке у Мещерякова парадоксально сочетаются оба намерения: приблизиться к подлиннику и приблизиться к современному прочтению. Как переводчику ему удается первое, как режиссеру (увы, потенциальному) – второе.

У древних греков был нелучший обычай: отец имел право выбросить новорожденного, а подросшего сына продать в рабство. Так поступил и родитель Эдипа царь, (или, по Мещерякову, тиран) Лай. Он проколол лодыжки трехдневному младенцу и отнес на гору Киферон. К счастью, Эдипа спас пастух. В имени Эдипа современники и сам Софокл находили соответствующий смысл – человек с опухшими ногами, пухлоногий. А.Мещеряков, вслед за Ф.Зелинским, придерживается другой этимологии, не бытового характера, а более возвышенного. Так, у него Эдип – знающий о ногах, имеющий знание под ногами и даже «знающий, откуда растут ноги»[2].

Александр Мещеряков обладал удивительным качеством читать классику свежим, не замутненным, но и не почтительным взглядом, без всякой идеализации и экзальтации. Случай с брошенным младенцем, однако, его не задел, а вот история на перекрестке трех дорог стала ключевой для истолкования смысла трагедии. Цитата из режиссерского проекта: «Трагедия Эдипа началась с того, что он на скрещеньи дорог убил неизвестного старика, оказавшегося его отцом. И дело не в том, кого убил, дело в том, что убил. Убил просто так, за здорово живешь неизвестного странника и всех его спутников. Все остальные беды Эдипа только следствие. И в результате следствия он приходит к причине: его несчастия – ВОЗМЕЗДИЕ ЗА БЕССМЫСЛЕННОЕ УБИЙСТВО».

На перекрестке трех дорог молодой богатырь Эдип встречает повозку, в которой едет некий старик и его свита; они грубо кричат ему, чтобы уступил дорогу. Вот действия Эдипа в трех версиях перевода. Ф.Зелинский: «Погонщика в сердцах ударил я / За неучтивость. То увидя, старец, / Мгновенье улучив, когда с повозкой / Я поравнялся. В голову меня / Двойным стрекалом поразил. Но тем же, / Однако, заплатил он мне: с размаху / Я посохом его ударил в лоб. / Упал он навзничь, прямо на дорогу; / За ним и прочих перебить пришлось». С.Шервинский: «Тогда возницу, что толкал меня, / Ударил я в сердцах. Старик меж тем, / Как только поравнялся я с повозкой, / Меня стрекалом в темя поразил. / С лихвой им отплатил я. В тот же миг / Старик, моей дубиной пораженный, / Упал, свалившись наземь из повозки. / И всех я умертвил...». И, наконец, Мещеряков: «Я развернулся быстро и вожатого / ударил в гневе, а старик, тот самый, что / в повозке находился, сразу прямо мне по голове раздвоенным бичом хлестнул. / Я сдачи дал, но, видно, слишком сильно я / ударил его палкой, и он на спину / упал старик тот, из повозки замертво. / Я заодно прикончил всех!» Так, не без основания, совре-

[2] Имя Эдипа по-древнегречески пишется так: OidnponV. Вторая часть слова читается однозначно ponw, – нога, тогда как первая возводится к двум словам: oide – пухнуть, набухать и eidw – познавать, знать.

менный разгадыватель загадки Эдипа сводит все мотивы трагедии к этой точке: немотивированному убийству.

В режиссерской экспликации сказано также, что в трагедии можно увидеть не одну, а три истории.

Первая история просто о человеке, безотносительно к его социальному положению. О человеке, который неустрашим в поиске истины, какой бы ужасной она ни была. Ослепив себя, Эдип делает наглядным невежество человека. Но в этом мраке он постигает иной свет, приобщается к неведомому миру. Знание неведомого – уже прозрение.

Вторая история, рассказанная в пьесе, – это трагедия власти. Отсюда и более точный перевод заглавия OIDIPOUS TURANNOS «Эдип тиран» (в латинской транскрипции OIDYPOS TYRANNOS.), а не «Царь Эдип». Дело в том, что получившего власть по наследству греки называли базилевсом, а захватившего ее иным путем – тираном. В контексте трагедии Софокла понятие «тиран» еще не несет того отрицательного смысла, что сейчас. Современники приняли ее как актуальную политическую пьесу. Она была поставлена в Афинах в 429 г. до н. э. И, как считают некоторые историографы, направлена против Перикла. Софокл отличался двойственностью: он был близок и к афинской демократии в лице Перикла, но в то же время защищал консервативную идеологию («дельфийского оракула»). То же относится и к правителю города Эдипу. Он стремится быть справедливым и милостивым к подданным, однако становится неудержим во гневе: обвиняет Тиресия во лжи, подозревает Креонта в желании отобрать его власть. «Не глупо ли такое предприятие,/ как низверженье тирании, без друзей/ и денег, и огромных денег, затевать»? – обращается Эдип к Креонту. На что благородный Креонт отвечает: «Я никогда не выражал желания / тираном стать, правами всеми пользуясь, / как всякий, кто имеет разумение». Как предупреждение тирану звучит хор из второго действия (эписодия):

Гордыней рожден тиран – и гордостью
пресытясь безрассудною,
не подобающей и не сносимой,
взобравшийся на кручи горные
стремительно в пропасть летит с вершины.

Сравним этот фрагмент с переводом С. Шервинского:

Гордыней порожден тиран,
Она, безумно всем пресытясь,
Чужда и пользы, и добра,
Вершины счастия достигнув,
В бездну бедствия вдруг упадет.

Известно, что за 60 лет творчества Софокл написал 123 пьесы; его произведения пользовались исключительным успехом, на состязаниях драматургов он чаще всего занимал первое место. Но трагедия про Эдипа, быть может, лучшая из античных трагедий, получила лишь второй приз. Наверное, по причине ее политической направленности. Недаром один из первых ее критиков оставил нам определение человека как «зоон политикой», то есть «общественное животное»...

Третью историю А. Мещеряков определяет как детективную. Она могла бы называться «Дознание Эдипа о преступлениях, совершенных им самим». «Кашу он заварил еще до начала действия, а теперь ее только расхлебывает, пока не дойдет до истины и не узнает «откуда ноги растут», и не станет Человеком», – так неакадемично формулирует Мещеряков. Так рискованно, но вполне оправданно будущий режиссер выстраивает главную сюжетную линию. Содержанием трагедии является именно расследование и прозрение; само же преступление, роковая вина Эдипа остается за рамками сюжета. Эта роковая вина (сын убивает отца и женится на матери) имеет иные исторические корни, чем те, которые послужили Зигмунду Фрейду для пресловутого «эдипова комплекса» как составляющей его пансексуальной доктрины. Здесь речь идет о становлении патриархата, когда отцеубийство и кровосмешение стали преступлением, осуждаемым законом и обычаем.

Классика на то и классика, чтобы каждая эпоха прочитывала ее как бы заново. Александр Мещеряков переносит акцент с родовой вины героя на его индивидуальную вину. Его версия убедительна: человек должен отвечать за содеянное независимо от воли богов или идеологов. Обоснование актуальности обращения к трагедии Софокла читателю сегодняшнего дня может показаться конъюнктурой.

«Теперь, когда все человечество может подвергнуться смерти, перед угрозой ядерной катастрофы (и слово-то греческое) нельзя забывать об уроках прошлого», – пишет Мещеряков и даже апеллирует к высказыванию М. Горбачева на этот счет. Понятия «убить человека» и «убить человечество» сблизились. Так рассуждал актер, режиссер и переводчик в середине 80-х годов XX века. Но что изменилось с тех пор? Ядерная угроза как будто отодвинулась, но появилась новая угроза – терроризм.

Принципы перевода

Каким бы интересным ни был режиссерский проект Александра Мещерякова, перечитаем текст перевода. Что в нем удалось, что вызывает возражения? Оригинальности и своеволия в нем достаточно. Прежде всего, Мещеряков присягает принципу эквиметризма, то есть воспроизведения размеров подлинника, благо текст древнегреческой трагедии снабжен «Ключом к лирическим размерам» и стал прекрасным путеводителем для Мещерякова. Однако среди разных переводческих установок эквиметризм остается спорным. Кстати, знал ли Мещеряков, что в этом отношении он был последователем консервативного Вячеслава Иванова, переводчика Эсхила? С. Шервинский и другие придерживаются иных принципов: они считают, что буквальное следование размерам подлинника сковывает переводчика, делает его косноязычным, то есть перевод теряет в эстетике.

Очень многое решает в переводе лексический выбор, архаизация или, напротив, модернизация языка. Так, В. Иванов насыщал свои тексты большим количеством славянских архаизмов («Античное предание насущно нужно России и славянству, ибо стихийно им родственно», – писал он). С. Шервинский и В.О. Нилендер, соавторы по переводу «Царя Эдипа», писали, что степень архаизации языка была для них проблемой. Они довели процент славянизмов до минимума, поставив за правило большую архаизацию хоров, чем триметров. «Но и в триметрах мы не сводили языка до уровня современной разговорной речи. Ведь Софокл писал не на обиходном языке» (из комментария В.О. Нидлендера). Понятно, что Александр Мещеряков ушел еще дальше от торжественного и пышного стиля В. Иванова, едва ли не-

сколько славянизмов отыщутся в его тексте (пример: «...лишь бы быть вдалеке от града стольного» стих. 716). Сравним некоторые реплики Эдипа. У Шервинского: «Ты говоришь искусно, но тебя / Не стану слушать: ты мне злейший враг.» У Мещерякова: «Красиво говоришь, да плохо понял я, / тебя я ненавижу, ты мой злейший враг». Еще пример для сравнения. У Шервинского: «С таким пятном как мог бы я теперь / Смотреть спокойным взором на сограждан?» У Мещерякова: «На мне пятно, и с этим обвинением / какими бы глазами я на мир смотрел?» Признаем, переложения Мещерякова звучат более прозаично, но по смыслу рельефнее. У Шервинского: «Пусть же бог не убавит в нас / Рвенья, граду потребного./ Да пребудет вовеки бог / Покровителем нашим!» У Мещерякова: «Прекрасно быть полезным / городу, не прекратим / у бога требовать – всегда / бог правителя должен сдерживать...» В целом стилистическое решение Мещерякова можно принять, ведь он проводит его последовательно. Однако есть моменты, вызывающие решительный протест. Я имею в виду речения сегодняшнего дня с бюрократическим или жаргонным оттенком, вроде таких: «Спаси страну, порадуй безопасностью», «Я говорю с позиций постороннего», «Собрание открыто», «В здравом уме и трезвой памяти», «Дурак не может властвовать», «Проткнутые конечности». А выражение «Красиво говоришь» в устах Эдипа сродни режиссерскому предложению одеть его в белый плащ с кровавым подбоем», то есть вызвать зрительскую ассоциацию с Понтием Пилатом из романа Михаила Булгакова. Что позволено режиссеру, то не позволено переводчику, ведь степень свободы у них разная. Но, как уже говорилось, у Александра Мещерякова своеобразно сочетаются верность подлиннику и желание его оживить.

С удивлением обнаруживаем в его тексте рифмовку, которой в античной драматургии и поэзии не было. Так в ударных по смыслу хоровых фрагментах достигается большая выразительность, создается ритмическое напряжение. В 1-й строфе III действия (эписодия): неожиданная концовка:

Перед нами пример простой,
твоя участь и рок твой злой,
кто из смертных, Эдип, живой
был к счастью причастен?

Сравним те же стихи в переводе Шервинского:

Рок твой учит меня, Эдип,
О злосчастный Эдип! Твой рок
Ныне уразумев, скажу:
Нет на свете счастливых,

Надо сказать, рифмуются и фрагменты монологов, но это сделано с большим чувством меры и мастерски. Последний монолог Эдипа заканчивается такими строками:

Вам, дети, если б были вы разумными,
я б много дал советов, – обещаю вам:
коль будет время жить, жизнь станет, наконец,
счастливей той, которой жил родной отец.

Надо сказать, что новации в переводе Софокла не являются чем-то исключительным. Известную модернизацию текста отмечали критики И. Анненского в начале прошлого века, только он переводил Еврипида: во-первых, он широко вводил в свои переводы ремарку, не существовавшую в античной драматургии; во-вторых, давал экспозицию каждой сцены, раскрывая таким образом психологию персонажей и зрелищную сторону спектакля; в-третьих, не только в партиях хоров, но и в речах действующих лиц использовал рифмы. В целом переводы И.Анненского, как и его оригинальные драмы на античные сюжеты, приближают мифологических героев к современному читателю. Их речам приданы чисто разговорные оттенки, задушевная простота, им чужды высокие тона, восклицания. В переводе Мещерякова тоже фигурируют ремарки и экспозиции к сценам, которых в античных текстах нет. Но источник их очевиден: они взяты из комментариев Ф.Ф.Зелинского к тому самому изданию «Царя Эдипа» 1892 года, которым пользовался Александр Мещеряков. Комментарии сами по себе замечательные. Сохранился отклик В.Иванова: «Ведь у Зелинского Софокл тонет в его комментариях и статьях, хотя и то сказать, статьи-то и наиболее здесь ценны. При всем уважении моем к эрудиции и таланту Фаддея Францевича, нужно сознаться, что его перевод далеко не классический...»[3]. Как видно, оценки переводов весьма разноречивы, даже у классиков XX века, не зря художественный перевод считается высоким искусством. Я думаю, что смелая попытка Александра Мещерякова заслуживает уважения, издания, режиссерского интереса.

Александр Мещеряков был человек трагического мироощущения, большого таланта. К сожалению, он рано ушел из жизни. По радио еще звучит его последняя актерская работа в сериале «Амурская экспедиция, или Исчезновение Стаса Орлова». А нам, его слушателям и читателям, предстоит осваивать его литературное наследие.

Постскриптумом к статье пусть будет одно из последних стихотворений Мещерякова «Трагедия»:

Каясь и снова бессчетно греша,
прячется часто в потемках душа,
помнит о духе и мечется в теле,
вдруг оказавшись в церковном приделе,
лечит недуги – живот на живот,
встретив подругу, – авось заживет.

Что же с душою порой происходит?
Места, как видно, себе не находит,
таинство духа ищет в вине,
как потаскуха, по сходной цене.

«Что ты тоскуешь, что с тобой стало,
может, немножко от тела устала?»
«Я не со скуки, я не со зла,
просто наслушалась песен козла».

«Плюнь ты на эту драматургию, –
и сообща совершим литургию, –
дело твое и твой высший удел –
к духу стремиться в звездный предел».
И отвечает телу душа,
дух испуская: «Жизнь хороша».

2002 г.

[3] См.: Эсхил. Трагедия в переводе Вячеслава Иванова. Москва, «Наука», 1989, стр. 503.

Счастливый человек Николай Усенко

Людмила Николаевна Усенко – дочь писателя

19 февраля 2015 года исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Васильевича Усенко – заслуженного лесовода России, ученого, писателя-краеведа, почетного гражданина города Вяземского Хабаровского края. Его имя носят Вяземский лесхозтехникум, где он долгое время преподавал, районный краеведческий музей, в создание которого он внес большую лепту. Николай Васильевич всю свою жизнь посвятил служению природе, лесу, написав на эту тему девять замечательных книг – «Тропинка в лес, «Дары уссурийской тайги», «Картинки из русской природы», «Медоносы Дальнего Востока» и другие. Каждая становилась дорогим подарком для читателей, библиографической редкостью.

Николай Васильевич Усенко

Еще в 1975 году Всеволод Сысоев написал Усенко такие строки: «Лежит у меня на столе Ваша книга, словно роскошная коробка конфет, и я время от времени открываю ее, чтобы полакомиться то актинидией, то смородиной, то орехами! Ах, как великолепно, как любовно и правдиво Вы описываете кедровый исполин и малоприметную травку! Вашему перу свойственна та добропорядочная и величественная простота, которая была присуща нашим классикам». Подобная оценка неудивительна, ведь кумиром Николая Васильевича был Владимир Клавдиевич Арсеньев, и подобно ему Усенко сформировался как писатель наедине с уссурийской тайгой.

Проходило время, произведения автора издавались или переиздавались, оставаясь такими же значимыми и востребованными, пополняя фонд лучшей литературы о Дальнем Востоке.

Предлагаем вашему вниманию воспоминания дочери Николая Васильевича Людмилы Николаевны Усенко.

Людмила УСЕНКО

Мой отец Николай Васильевич Усенко был счастливым человеком. Любил жизнь, любил людей от мала до велика. В этом году 17 декабря исполнится 25 лет с той черной минуты, как остановилось его сердце. Сколько вмещалось в этом сердце нежности, доброты и теплоты человеческой! В глазах людей, знавших папу, при воспоминании о нем словно огонек загорается. Свет его личности, озарив некогда их души, как будто излучается теперь ими. Нам, его детям, это не просто приятно. Это и гордость, и вместе с тем загадка. Не зря ведь говорят: большое видится на расстоянии. Все присущие папе качества, о которых говорят и пишут его современники: честность, интеллигентность, неравнодушие, мудрость, тонкое чувство юмора – мы, его дети, не то чтобы не осознавали, просто воспринимали как само собой разумеющееся. Таким ведь и должен быть каждый из нас, человеков.

Время, собственный немалый уже возраст и люди наводят на размышления о судьбах человеческих, о предыдущих поколениях, о потомках. И по-новому открываешь для себя азбучные на самом деле истины. Спасибо вам, люди, за то, что принуждаете меня разгадывать загадку личности родного любимого человека.

Ведь на самом деле каждая судьба полна тайн: по какой причине пошел этой дорогой, а не той; поступил так, а не иначе; почему из сотен тысяч выбрал суженую или суженого… Это как закрытый сундук – вот ты его видишь весь, большой, резной, красивый. И очень хочется узнать, что там внутри, да только без ключа не откроешь.

Сдается мне, что отец сам помогает найти «ключик» к заветному «ларчику». В его воспоминаниях «Слово о родной школе» есть две формулы: «Семья – центр трудового воспитания детей» и «Труд – основа жизни и счастья человека». Хочется добавить к ней третью, которой отец был верен всегда: «Любовь к жизни и людям».

Родители отца с двумя малолетними сыновьями перебрались из Полтавской губернии на дальневосточный «зэлэный клин» в 1903 году. Вначале обозом, на лошадях и волах, вместе с семьями земляков приехали в Одессу. Оттуда, погрузившись с домашним скарбом и животиной на пароход, отправились морским путем до Владивостока. И, наконец, по железной дороге – до станции Вяземская. Выбрав место по вкусу, срубили дом с флигелем и хозяйственные постройки. Разбили сад с прудом, беседкой и пчелиными ульями…

Дед наш работал на ремонте железнодорожных путей. Затем, будучи довольно грамотным человеком, освоил аппарат Морзе и стал телеграфистом на станции Вяземская. Здесь, на дальневосточной земле, 19 февраля 1905 года у бабушки с дедушкой родился третий сын – мой будущий отец. После него появились на свет младшие дети – Владимир, Надежда и Константин.

Семья была грамотная, читающая. Домашнюю библиотеку с собранием сочинений Гоголя, со стихами Шевченко и с баснями Крылова везли с Украины. Было много детских книг: сказки, рассказы для детей А.Н. Толстого, лесковский «Левша», «Том Сойер» и «Гулливер». Выписывались российские газеты. Дети росли любознательными, смышлеными. Старшие, помогая родителям, обучали младших чтению, письму, счету. После успешного окончания школы дети продолжали учебу: первенец Василий – в Хабаровском железнодорожном училище, ставшем затем техникумом железнодорожного транспорта; Владимир – в Приморском сельскохозяйственном техникуме.

Николай в 1924 году был принят на предпоследний, четвертый курс Хабаровского педагогического техникума. Он стал членом первой в Хабаровском крае Трудовой коммуны. Вплотную занявшись в соответствии с учебной программой воспитанниками дома для беспризорных, сумел вывести четверых из них на верный путь. Вместе с аттестатом об окончании техникума ему вручили единственную на весь курс путевку-направление в первый на Дальнем Востоке университет, где он, получив на то специальное разрешение, поступил вместо педагогического на лесной факультет. Лес с детства был его стихией. В студенчестве отцу посчастливилось слушать лекции по этнографии народов Дальнего Востока и советы о том, как вести себя в тайге, знаменитого исследователя и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева.

На протяжении всей своей трудовой жизни отец успешно сочетал работу в лесном хозяйстве и преподавательскую деятельность. Приобретенными знаниями и опытом он щедро делился в своих статьях и книгах, рассказывая о богатствах и красотах родной природы, к которой он относился не просто с любовью – с бесконечной нежностью. Его заметки об уникальных дальневосточных дикоросах в газетах, в том числе в центральных – «Лесная промышленность», «Советская Россия», «Правда» вызывали поток писем читателей с просьбами выслать посадочный материал. И отец рассылал по СССР собственноручно склеенные пакетики с семенами и бандероли с бережно закутанными в мягкую бумагу и ткань черенками лимонника, актинидии, багульника…

Наши родители без суеты и спешки справлялись с любой работой. И нам привили ответственное отношение к труду, умение радоваться хорошо сделанной работе. После смерти своей матери и женитьбы младшего брата, оставшегося в родительском доме, отец практически в одиночку построил собственный дом. Возле него разбил сад, в котором преобладали деревья плодовых сортов, выведенных дальневосточными селекционерами. Отец был знаком с известными учеными-садоводами А.В. Болоняевым, С.И. Тимошиным, Г.Т. Казьминым. Участвуя в краевых сельскохозяйственных выставках, он неизменно получал дипломы. Среди вяземских садоводов первым сделал по меже с соседним участком живую изгородь из кустов дикой жимолости.

Отец очень любил детей, легко находил общий язык с каждым маленьким человечком и разговаривал на равных. Дети его обожали. Дом наш стоял на пересечении улиц им. Чехова и Калинина. Кто-нибудь из детей, игравших у перекрестка, заметив в конце улицы высокую фигуру отца, кричал: «Ваш папа идет!» И вся босоногая ватага неслась ему навстречу. Возвращаясь из тайги, нас, девочек, он непременно одаривал цветами. Небольшой букетик делил между мною, моей подругой и ее сестренкой. Уставший, с рюкзаком за плечом, он все же не изменял своей традиции – сгибал руку в локте, за которую

Семья Николая Усенко

Николай Васильевич с женой Александрой Ивановной

Новогодний праздник. 1949 год

Дом родной

кто-нибудь из нас тут же цеплялся, поджав ноги. И таким образом отец катал всех по очереди. Потом, присев на скамейку у калитки своего двора, доставал из рюкзака «подарки от зайчика»: корочки хлеба, нарезанную на мелкие кусочки шкурку от сала, горстку обжаренной сои и обязательно что-нибудь из даров леса…

Угощать в нашей семье было принято. Часто прямо в саду. Друзья, дабы мы, дети, поскорее управились со сбором подоспевших плодов или ягод и вышли играть на поляну, дружно помогали нам. Весь сентябрь я ходила в школу с портфелем, набитым отменными ароматными грушами. А когда нас отправляли на уборку колхозного урожая, моя сумка была набита доморощенными фруктами и в придачу к ним банкой с пропитанными сливовым вареньем оладушками, чтобы хватило на весь класс.

На период цветения липы и других дикоросов ульи с пчелами из сада вывозились в лес. А потом после каждой откачки меда окрестные ребятишки приглашались в наш двор на сладкую «работу». В тени дома устанавливался детский круглый стол, в его центр помещалась большая эмалированная миска с «обрезками». Так назывался тонкий слой вощины с медом, срезаемый перед откачкой с запечатанных пчелами сот. Мы с большим удовольствием работали челюстями, запивая лакомство лучшей в моей жизни водой из нашего колодца, самого «вкусного» на Вяземской. Освобожденные от меда кусочки воска со следами наших зубов складывались в отдельную посудину. Затем они вытапливались на водяной бане в несколько приемов. В итоге получались чистые восковые слитки, которые обменивались на «стопки» тонких листов вощины с шестиугольными отштампованными донцами будущих сот. Зимой, готовясь к очередному сезону медосбора, отец «припаивал» вощину к новым рамкам.

Каждый год 1 января в нашем доме царила детвора. Стол сдвигался в угол, елка устанавливалась в центре гостиной. Приглашали моих двоюродных братьев и сестру, наших подружек и друзей. Водили с мамой хороводы, читали детские стихи, любили слушать Корнея Чуковского, особенно страшного «Бармалея». Испуганные малыши начинали жаться к взрослым. И тут!.. Дед Мороз, с белой бородой, в тулупе, валенках, с мешком за плечами, опираясь на посох, всегда появлялся в нужный момент. Он всем вручал сладкие новогодние подарки. Пакеты для них накануне Нового года клеил из плотной почтовой бумаги (полиэтилена тогда еще не было) хозяин дома, а печенье для подарков стряпала хозяйка. Дед Мороз, попрощавшись с детьми, уходил «в лес», елка, стоящая на коврике, уезжала в угол, стол возвращался в центр комнаты. Дети приступали к чаепитию с пирогом, вареньем и медом, а в кухне бабушек и мам, сопровождавших малышей, хозяйка угощала своей фирменной сливянкой. Папа, уже разгримированный, без бороды и усов, входил в гостиную к детям, устанавливал на штатив свой «Фотокор» и приглашал всех сфотографироваться у елки. Позднее каждому гостю дарили фотографию на память.

Спустя годы произошла одна памятная для меня случайная встреча. Когда первым секретарем Хабаровского крайкома КПСС был А.К. Черный, продовольственные проблемы решались бурным возведением птицеводческих и животноводческих комплексов. Их строителям помогало все население. В качестве куратора со студенческой группой оказалась в Некрасовке и я. В молодом мужчине, обратившемся ко мне, я не сразу узнала младшего брата своих подружек детства. Он напомнил мне о наших домашних елках и еще о многом другом. Тронули до глубины души его слова: «Для нас связь Вяземска с Николаем Васильевичем Усенко значима так же, как Ясная Поляна с Толстым и станица Вешенская с Шолоховым». Поистине, лишь чтя предков, получишь достоинство потомков.

Родители были одаренными, творческими натурами. Еще в детстве папа, по воспоминаниям его одноклассницы Елены Федотовны Коваль (Ладневой), был лучшим чтецом школы и мастерски умел в лицах обыграть любую ситуацию. В студенческие годы он активный участник драмкружка. Хорошо знал поэзию, любил щегольнуть цитатой из басни или афоризмом. Университетский преподаватель латыни наряду с обучением профессиональной биологической терминологии привил студентам вкус к философским латинским изречениям.

Коллеги папы любили повеселиться в нашем доме. Продемонстрировав солидарность трудящихся 1 мая и 7 ноября, дружно шли к нам. Градус веселья повышали не столько домашними фруктовыми винами и наливками, сколько песнями и танцами под патефон. Пластинок в доме было много: оркестровая музыка, популярные песни и арии. И, конечно, дружно заводили застольные песни. Над хором парило великолепное сопрано хозяйки – Александры Ивановны, моей мамы. Дар божий – голос принес ей известность еще в школьные годы.

Отец, несмотря на то, что вышел из рабоче-крестьянской семьи, был человеком настолько интеллигентным и воспитанным, что вывести его из себя не удавалось ни при каких обстоятельствах. Будучи преподавателем техникума, он всех своих учеников звал по имени-отчеству. Как с благодарностью вспоминают они, для каждого такое уважительное отношение было лестно и, если хотите, ответственно.

Всю жизнь я помню первую учительницу Екатерину Андреевну Макарову, других своих учителей и вузовских педагогов. Мой собственный преподавательский стаж более 40 лет. Но никто, за исключением отца, не называл своих учеников по имени-отчеству.

В нашей семье царила легкая, дружественная обстановка. Мы, трое детей, никогда не были свидетелями домашних ссор. Если и случались между родителями размолвки, заметить это можно было лишь по сдержанности и немногословности в их общении друг с другом. По всем вопросам отец советовался с мамой. Чувство юмора, стремление к прекрасному было присуще им обоим. Дружно и весело могли посмеяться над чем-то курьезным или глупым. Любили одеваться стильно и со вкусом. Не пропускали концерты и новые фильмы. Когда жили на станции Вяземской, умудрялись посмотреть выдающиеся спектакли московских театров, гастролировавших в Хабаровске.

Все в нашей семье много читали, была своя домашняя библиотека. Сейчас я понимаю, как мудро и ненавязчиво нас приучали к пользованию справочной литературой. Отец, ссылаясь на свои якобы орфографиче-

ские сомнения, отсылал к «Малой советской энциклопедии», тома которой стояли в книжном шкафу. Книга для нас являлась поистине лучшим подарком, в том числе и на день рождения. В Гродековский музей была подарена наша семейная библиотечка русской советской классики, изданной «Дальгизом» в послевоенные годы. А когда мы, дети, уже став взрослыми, попадали в Третьяковку, Русский музей, Эрмитаж, то встречали там полотна великих художников как своих старых знакомых. Мы помнили их с детства, когда вытаскивали из книжного шкафа и много раз пересматривали наборы открыток с репродукциями картин.

В доме, во дворе, в саду и огороде, на заимках (не в теперешнем значении слова, а на грядках с картошкой, обсаженных кукурузой, далеко от дома), на пасеке – работы было очень много. Надо было помогать родителям. У каждого из детей существовали свои обязанности, и было стыдно их не выполнить или исполнить плохо. Наказание? Укоризненный взгляд, а еще хуже, когда с тобой не хотят разговаривать. И как же сладко было покаянно склониться к родительскому плечу или уткнуться в колени и ощутить поглаживание родной руки по волосам.

Наши родители были хорошими педагогами. Теплоты их сердец хватало на всех. Папа с мамой были красивой парой, мудрыми людьми и великими тружениками. Прожили они вместе 58 с половиной лет. И неизвестно, смог бы столько успеть за свою жизнь Николай Васильевич Усенко, не будь рядом с ним его верного друга, жены и помощницы – так отец назвал маму в посвящении к одной из своих книг.

Встреча с Арсеньевым

Фрагмент книги Н.В. Усенко «Тропинка в лес» (Хабаровское книжное издательство, 1971 г.)

…В поисках самой красивой новогодней елки, заказанной нашими подшефными – пионерами, мы набрели в заснеженном лесу на куртину крупных бархатов. Взглянув на них, идущий впереди паренек возмутился:

– Это же хищничество! Заготавливая пробковую кору, содрали ее вместе с лубом до самой древесины. Такие деревья загубили!

– Да, безобразие… Сдирали, будто для газет, – вслух подумал я.

– Каких газет? – с любопытством спросили мои спутники. Пришлось поведать им всплывшую в памяти историю из своего далекого студенческого прошлого.

…Задумали студенты лесного факультета организовать в университете лесной музей. Собрали немало экспонатов. Тут были и сушеные плоды различных растений, и лианы исполинского кишмиша – аргуты, и лозы винограда. В рамке на атласном лоскутке красовался чудодейственный женьшень. Но на самом видном месте было выставлено несколько «бархатных» газет. Они были гордостью музея лесников. Ещё бы! Ведь это так оригинально: живя летом в тайге, выпускать стенную газету и писать не на бумаге, а на ярко-желтом лубе бархатной коры! Как четко и красиво ложатся на нем лиловые строчки химического карандаша! А добывать такую «бумагу» летом совсем нетрудно: кора бархата в период сокодвижения легко снимается до самой древесины. Вот такие газеты и были доставлены из тайги во Владивосток студентами.

И вот настал черед открытия музея. В числе приглашенных пришел знаменитый исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. Он любовно перелистал гербарий, задержался у потертой карты, похвалил искусно набитые чучела пернатых, с улыбкой посмотрел на видавший виды таежный костюм студента и на закопченную консервную банку, честно послужившую кому-то походным котелком. Но вот он увидел исписанные пласты бархатной коры и сразу как-то помрачнел, нахмурил брови, в серо-голубых его глазах сверкнуло раздражение. Резко шагнув к газетам и не глядя на студентов, Арсеньев с жаром произнес:

– Да как же вам не стыдно? Ведь вы же ободрали кору вместе с лубом! Сколько же теперь погибших бархатов маячат в лесу памятниками вашего невежества?!

– Но, Владимир Клавдиевич, – пытался оправдываться кто-то, – в тайге ведь с бумагой скуповато… Да и очень уж оригинально…

– Оригинально?.. Не надо оправдываться! И не стройте из себя дикарей: с бумагой скуповато! Поймите – это настоящее варварство, особенно непростительное для вас, студентов. Ведь чтобы вырасти таким деревьям, нужны десятки и сотни лет, а вы погубили их в один миг…

Смущенные, сгорая от стыда за свою оплошность, стояли изобретатели «бархатной» газеты. Крепко досталось им тогда от этого знаменитого исследователя… Вот если бы все относились так к дарам родной природы, как Арсеньев, то не встречали бы мы в тайге варварски загубленных бархатных деревьев…

ПОБЕДА! 70 ЛЕТ

Посвящается Великой Победе

О Великой Отечественной написано немало, и сколько еще напишется. Ведь как бы ни отдаляли нас десятилетия от главного дня в 1945-м, вряд ли уйдет острота той невероятной радости, когда наступил долгожданный мир. Сегодня уже почти не осталось воинов, защищавших нашу страну от фашизма. Время идет, и люди эти тоже уходят. Но еще остаются дети войны, которым пришлось пережить страх, голод, потери. Они сохраняют и поддерживают память о павших, но не сломленных. И нам не позволяют забыть о них.

Дальневосточные поэты Евгений Кохан и Константин Бельды во время войны были мальчишками. Евгений Кириллович родился в 1936 году на Брянщине, Константин Мактович – в 1934-м на Амуре. У них разные судьбы, но у каждого остались отметины.

Когда немцы захватили город Сураж, многих жителей отправили в фашистский концлагерь в Польше. В этом потоке оказались шестилетний Евгений Кохан, его мама и сестра. В 1944 году в Польшу пришли советские войска, и немцы, отступая, расстреливали пленных, но Жене и его сестре удалось спастись – он спрятался под шинель убитого немца, девочка зарылась в солому. Евгений Кириллович вспоминал потом, как увидел из-под шинели танк со звездочкой, как бежал к ограждению из колючей проволоки и рыл землю руками, чтобы спастись из этого страшного места.

К счастью, дальше все сложилось хорошо. Евгений Кохан вырос, окончил Московский литературный институт имени Горького, написал повесть «Детство, опаленное войной» и еще много других произведений, среди которых стихи для детей – звонкие и образные.

Константин Мактович Бельды во время войны жил на Нижнем Амуре, в родной Даде. Враг был далеко, и взрывы здесь не слышались, но ощущение беды не покидало. Многие мужчины ушли на фронт, а в сорок пятом вернулись далеко не все. Как и повсюду в тылу, женщинам и детям нанайского села приходилось много трудиться в рыболовецком колхозе, чтобы обеспечивать фонт рыбой. Это трудное и голодное время Константин Мактович много лет спустя отразил в коротком, но необычайно сильном по воздействию стихотворении «Лепешка из гнилой картошки».

Член Союза писателей России Константин Бельды пишет стихи на родном нанайском языке и на русском. Его исследование по топонимике амурских сел и роман «Бесстопый шаман», получившие высокие оценки не только в литературных, но и научных кругах, стали данью памяти предков. И так же, как Евгений Кохан, Константин Мактович посвятил свои стихи Великой Победе.

Елена ГЛЕБОВА

Евгений КОХАН

Горькие яблоки

Годы яблоками падают,
На душе оставив след.
Но они совсем не радуют,
Как судьба, где счастья нет:
Ни изба в селе заброшенном,
Ни лучины треск в печи,
Ни в окошке запорошенном
Трепет тающей свечи.
И ни слезы мамы милой
В том далеком-далеке,
Где я рос рабом и быдлом
На концлагерном пайке.
И завод уже не радует,
Что стал пуст,
как зимний куст.
Годы яблоками падают
Горькими, как дым, на вкус.

В неволе

Там мучили детей и взрослых
Пытали, в ход пустив штыки,
И свежий воздух, даже воздух
Нам выдавали, как пайки.
Ах, как хотелось из барака,
Где крысы рыскали в углах,
На фрицев кинуться в атаку
В своих проклятых кандалах.

Константин БЕЛЬДЫ

Лепешка из гнилой картошки

Лепешка из гнилой картошки
Так сладко таяла во рту.
Картошка с фаршем из лампешки
Приобретала остроту.

Съедался до последней крошки
Тот немудреный бутерброд –
Картошка с привкусом лампешки.
Осетр с икрою шел на фронт.
1999
Перевод А. Лозикова

Незыблемая стойкость

Есть у войны особая жестокость,
И цель ее – дотла уничтожать.
У нас в душе – незыблемая стойкость,
И с нею нам все тяжбы побеждать.

Враг в натиск шел… Не проявляя робость,
Стоял солдат за честь родной земли.
И так от смерти жизни перекресток
Он отстоял, чтоб немцы не прошли.

Ну а теперь о тех годинах грозных
Все воют ветры, стонет океан…
И нас, до наших воинов отважных,
В суть той войны ведет телеэкран.
2015

Бескрайность цветов

На полях отгремевших сражений
От войны не осталось следов.
Только буйство, как море,
растений
Да бескрайности разных цветов.

Здесь земля от погибших согрета
И пропитана кровью бойцов.
И поэтому в каждое лето
Нам от павших – бескрайность
цветов.
2015

Николай Анатольевич Рюмкин

Петр Анатольевич Рюмкин

Василий Анатольевич Рюмкин

ТРИ СЫНА

Быль

Александра ЗАГОРУЛЬКО

Было у богатыря три сына: старший Никола, средний Петро и младший Васька. Богатырь на мельнице работал. Крутятся мельничные жернова – не только зерно в муку превращают, но и часы, сутки – в годы.

Подрастают сыновья – такие все разные…

Николай в учебе первый, добрый, покладистый. Ребятишек малых любил. Случилось, сестренка чернила перевернула на исписанную убористым почерком тетрадь. Другой бы поддал непоседе, а этот только вздохнул да переписывать принялся.

В ту пору детвора не знала, что такое конфеты… По праздникам большой радостью и кусочек колотого сахара был. Однажды старший брат взял из укромного места сахар и говорит сестренке: «Смотри, Нинка, сахар на дороге!» «И правда!» – несет счастливая. Разделил всем поровну, а наказанье от матери ему одному досталось.

Средний сын, Петро, в учебе не усердствовал. Норов у него был особый, никому приструнить не удавалось. Больше всего на свете коней любил. Начистит их, бывало, уздечки украсит и сам сияет от счастья. А то и песню затянет.

А уж в ночное – хлебом не корми! Казалось, страха вовсе не ведал. Бывало, сам подальше от костра отойдет да волком завоет. Потом появится из темноты довольный. «Не бойсь, всех волков разогнал!» – успокоит сгрудившихся у костра мальчишек. Узнает отец о его проказах, только крякнет: «Экий ошаульник!» Бывало, и доставалось.

А Ваське, малому, за братьями не угнаться. Тихим, спокойным рос. Внимания к себе не требовал. Раз мать с работы вернулась – к дочерям с вопросом:

– Ваську-то кормили?

– А он не просил, – услышала в ответ. Осколочек сахара дольше всех берег – растягивал удовольствие.

А жернова все крутятся – часы, сутки в годы превращают. Приблизился и страшный сорок первый год. Помутилась вода в Мельничном ключе, то ли от солнца закатного, то ли от крови солдатской (беда-то ведь на всю страну одна).

Вещмешок за плечами да ускоренные лейтенантские курсы – пошел старший сын на войну. Пулям не кланялся, за чужие спины не прятался… Погиб в сорок втором году под Сталинградом.

Средний сын выучился на каменщика в Комсомольске -на -Амуре. До сих пор хабаровские дома помнят песни, что он насвистывал, укладывая кирпич к кирпичу.

Гибель брата тенью пробежала по лицу. Зубы стиснул, матери с отцом письмо: «Иду мстить за брата» – и на фронт. Погиб в сорок третьем году под Киевом.

Собрался было младший брат на войну, да куда там – больно мал.

Одолели всем миром супостата – посветлела вода в Мельничном ключе.

А жернова все крутятся – часы да сутки в годы превращают. Вырос и младший брат. Институт окончил. Вернулся в родное село хозяйствовать – работать теперь надо было за троих..

Взметнулись обелиски и под Киевом, и в Волгограде, и в Хабаровске, и в амурском селе. На них имена Николая и Петра. Благодарны им люди, что землю родную спасли.

Крутятся мельничные жернова...

Александра Загорулько у Стены памяти (площадь Славы, Хабаровск) с именами погибших хабаровчан. В их числе Николай и Петр Рюмкины

Никола – Николай Анатольевич Рюмкин, лейтенант, командир взвода стрелкового полка, погиб 20 сентября 1942 года, хутор Вертячий Волгоградской области.

Петро – Петр Анатольевич Рюмкин, старший сержант, погиб 6 ноября 1943 года, ст. Беличи Киевской области (теперь пригород Киева).

Васька – Василий Анатольевич Рюмкин, проживает в с. Екатерино-Никольском.

Сила печатного слова

Елена ГЛЕБОВА

Виктор Квашин и актеры спектакля «Лососевый мальчик»

Тамара Кузьмина

Три года назад во Владивостоке, при поддержке музея Института биологии моря А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения РАН в рамках образовательного проекта «Море открытий» вышла книга Виктора Квашина «Хозяин моря» (координатор образовательных программ и редактор книги Лилия Кондрашова). Автор – сотрудник музея, путешественник, член Русского географического общества, написал по мотивам мифов и сказаний первобытных народов замечательные сказки, в которых попытался изменить точку зрения современного человека на окружающий мир, где он не хозяин, а равный среди многих других живых существ.

Прежде чем «Хозяин моря» увидел свет, несколько сказок из этого сборника вместе с замечательными рисунками Тамары Кузьминой были опубликованы в журнале «Словесница Искусств» (№ 1 (29) 2012), и радостно, что наше издание стало одной из первых ступенек на пути к вершине. Потому что на 17-й Дальневосточной книжной выставке-ярмарке «Печатный двор» сборник экологических сказок Виктора Квашина «Хозяин моря» получил золотую медаль в номинации «Детская книга», а часть тиража издатель передал для распространения в краевые библиотеки. Потом в Приморье появились интерактивные и кукольные спектакли по мотивам одной из сказок Виктора Квашина «Лососевый мальчик», которые показывают в детских домах, школах и больницах. А сказка «Хозяин моря» вышла на подмостки кукольного театра художницы Тамары Кузьминой. Потом эти экологические сказки приобрели форму анимации: учащиеся школы-интерната им. Н.Н. Дубинина для одаренных детей, которая существует при Владивостокском государственном университете экономики и сервиса, создали на их основе мультфильмы.

Еще «Хозяин моря» помог Приморскому благотворительному фонду помощи хосписам провести акцию по сбору средств на создание хосписа на острове Русском. Приморская краевая библиотека для слепых сделала комплекты для слабовидящих детей по сказкам «Хозяин моря» и «Как море заселилось». Тамара Кузьмина изготовила две тактильные книжки, сотрудники библиотеки напечатали их по Брайлю, и после того как были подготовлены специальные рекомендации для родителей и педагогов, они поселились в школе – детском саду для детей с нарушением зрения и очень радуют детвору. Вот так проявляется сила печатного слова – литературные произведения идут к людям и творят порой настоящие чудеса. Потому что дети, прочитав эти сказки, уже иначе смотрят на живую природу, а значит, мир становится лучше.

Пока книга Виктора Квашина «Хозяин моря» продолжает свой путь по Приморью, автор сочиняет новые сказки. Теперь уже об уссурийской тайге.

Хозяин тайги

Виктор КВАШИН
Рисунки Тамары КУЗЬМИНОЙ

Давным-давно на одной лесной поляне в глухой уссурийской тайге жили-были муж с женой, и было у них двое деток – дочечка да сынок. Всякие времена переживали, и трудно было, и голодно, и сытно-радостно, а только в любых обстоятельствах старались родители детям опыт передать и всему нужному для жизни обучить.

А и детки старались. Дочь у матери все премудрости женских ремесел перенимала: как дом в порядке содержать, огонь в очаге поддерживать, одежду шить, посуду делать, грибы-ягоды собирать, пищу готовить. Сын больше на отца глядел: как дом строить, лук, стрелы да копье сделать, как капканы хитроумные ставить, как рыбы наловить и домой доставить ко всеобщему семейному благополучию. Еще родители детей обучали, как с Тайгой ладить, чтобы доброй была, пищу давала да не сердилась на людей. Говорили: «Встанешь ранним утречком, первым делом с Солнышком поздоровайся, добра ему пожелай, глядишь, и твой день добрым будет. Пойдешь в лес на промысел, попроси Хозяина Тайги не сердиться, а добудешь что, так много не бери, а Тайге спасибо скажи и подарок оставь, чтобы в другой раз без добычи не остаться».

Дети прилежно это слушали, головами кивали. Только дочь запоминать родительские наказы старалась, а сын гордым рос и считал все это выдумками, думал себе: «Чего это мне кого-то благодарить, если я и так взять могу все, что захочу? Стреляю метко, рыбу ловлю лучше, чем отец, что угодно делать умею, ноги мои быстрые, руки ловкие, глаза зоркие – никто мне не указ!»

Так жили-поживали, да случилась вдруг беда – заболел отец. И оно бы ничего, заболел, так поправится, не в первый раз, ан нет – все хуже и хуже отцу, уж и вставать перестал. Делать нечего, пригласили знакомого шамана, благо жил неподалеку, за перелеском. Пришел шаман, в бубен постучал, собрал своих духов-помощников, разослал во все концы света искать лекарство. Долго камлал шаман, целых три дня искали духи лекарство от неведомой болезни старого охотника, все пустыми вернулись к шаману, ничего не нашли, только один с рецептом прибыл из неведомых мест. Сказал тогда шаман:

– Необычная болезнь напала на вашего отца, и есть от нее только одно лекарство. Но трудность трудная достать это лекарство и опасность опасная до него добраться, и никто не знает, где хранится-сохраняется в тайне это лекарство. А называется оно Корень Жизни. Найдете – будет ваш отец здоров, не найдете – никто не поможет!

Заплакала горько мать:

– Как без кормильца жить будем?

Тут сын говорит:

– Не плачь, мать. Не для того я всему у отца учился, чтобы он без помощи умирал. Найду я это лекарство!

Взял сын копье, острогу, лук да стрелы, нож да топор, кремень да кресало, чтобы огонь разводить. Мать ему пищу приготовила: хлеба да мяса сушеного, да крупы для каши. А еще мать дала сыну мешочек с разноцветными камнями.

– Это камни дорогие, я их для особого случая хранила. Повстречается водная преграда, подари ей синий камень, она и пропустит. Понадобится помощь от леса, зеленый камень для него предназначен. Огонь красный цвет любит. Остальное сам догадаешься, ты умный у меня сын вырос. Не скупись, одаривай каждого встречного, и едой делись, и теплом – и путь тебе легким будет.

Попрощался сын с родителями, с сестрой и пошел в путь неведомый.

Шел он, шел, быстро шел, только мышки из-под ног разбегались, да птички с кустов разлетались, до реки дошел. Есть захотел. Думает: «Поймаю рыбу». Снарядил острогу, высмотрел в темных водах рыбу покрупнее, прицелился, а тут из воды чудище человечьего обличья высунулось и говорит хриплым голосом:

– А разрешения кто спрашивать будет?!

– А кто ты таков, чтобы я разрешение у тебя спрашивал?

– Я-то Хозяин Вод речных и прочих озерных-болотных, все, что в воде находится, мое. Без моего дозволенья никто ничего поймать не может.

Вспомнил молодой охотник наставления матери, вытащил мешочек с камнями, хотел подарить Хозяину Реки, да пожалел: «Чего я буду такие дорогие вещи раздавать кому попало? Лучше я за них потом на ярмарке хороший нож себе выменяю. А рыбу я и без его позволения поймаю». Вынул самый крупный синий камень, вертит в пальцах и спрашивает:

– А скажи, Водяной, не знаешь ли ты, где сыскать волшебный-лечебный Корень Жизни?

Хозяин Реки видит синий камень необыкновенной красоты, аж глаза у него от желания разгорелись. Отвечает:

– Слышал я о таком лекарстве, но где искать не ведаю. Это тебе к Хозяину Тайги обращаться надо. Реку мою перейдешь, дальше в гору иди, там спросишь.

– Ну, если не знаешь толком, то и камень не получишь, – говорит молодой охотник. Завязал мешочек с камнями и принялся рыбу ловить. Обиделся Хозяин Реки, аж глаза у него посинели! Опустился под воду и пропал. Охотник меж тем крупную рыбу увидал под самым берегом, изготовился, прицелился, ударил острогой изо всей силы. Но что это?! Вместо рыбы камень оказался. Сломалась острога вдребезги, даже починить невозможно. «Ничего, проживу и без остроги, – подумал молодой охотник. – За тот синий камень я три остроги выменяю еще лучше этой».

Решил он на другой берег перебираться, чтобы в гору идти. Тут, там в воду сунулся, везде глубоко. А где в воду входит, там Водяной рядом выглядывает, ухмыляется. Замахнулся охотник на него копьем:

– Вот я тебя!

Исчез Водяной, испугался, видно. Отыскал охотник мелкий перекат, думает: «Вот тут и перейду, ног почти не замочив. А то мне каждый Водяной указывать будет!» Добрался уже почти до другого берега, вдруг камень под но-

гой повернулся, грохнулся молодец плашмя в реку, да с головой. Намок весь. Но выбрался на берег. Глядит, а Водяной посреди реки ухмыляется, кричит:

– Тебе еще обратно возвращаться!

Дрожит охотник, замерз. Решил костер разжечь. Коекак искру высек, затлелся огонек, а толком гореть не хочет. И так охотник с костром, и этак – ну не горит и все, дымит только. А холодно, сил нет терпеть. Озлился, плюнул в костер, обругал плохими словами. Вдруг пламя поднялось, а из него лицо красное, лохматое:

– Ты что же мне в душу плюешь?! Вместо того чтобы попросить да вкусных сухих щепочек подложить, сырыми поленьями тычешь, да еще и ругаешь! Кто тебе за это гореть будет?

Вспомнил молодой охотник наставления матери, вытащил красный-прекрасный камень. Огонь от радости вспыхнул аж до неба. А охотнику только того и надо было, убрал поскорее камень в мешочек, завязал покрепче.

– Да куда ты денешься, Огонь-огневище, что скажу, то и будешь делать!

Взял топор, нарубил молоденьких березок, накидал в костер. Запылало пламя, правда, с дымом пополам, но горит. Обогрелся малость охотник, стал ночлег готовить. Рубит с елей ветви-лапы и для постели себе у костра складывает. А самые пушистые лапы не достать – высоко растут. Взял охотник, да и срубил елки, обрубил с них ветви – добрая, мягкая постель получается!

Вдруг, лес зашумел, травы затрепетали, кусты зашуршали, вырос, будто из земли, пред охотником старик – маленький, лохматый, в зеленой бороде, руки, как ветки, пальцы, как сучки, уши, как грибы.

– Ты что ж это творишь? Зачем живые деревья рубишь почем зря? Не слышишь, как плачут-стонут, умирая, дети мои?!

– А ты кто такой, чтобы мне указывать? Я и без твоих советов тут управлюсь.

– Я – Хозяин этого Леса, а ты хулиган! Кто же так ведет себя в чужих владениях?

Вспомнил молодой охотник наставления матери, вытащил мешочек с камнями, отыскал самый крупный зеленый-презеленый камень, покрутил в пальцах у огня. У Лешего аж глаза позеленели от желания – так ему камушек нравится!

– А скажи-ка мне, Лешак, как мне Хозяина всей Тайги отыскать, мне у него Корень Жизни взять нужно.

– Это тебе в гору идти надо, во-он туда. Говорят, Хозяин Тайги на вершине обитает, но сам я не видел, утверждать не могу.

– Ну, не знаешь, так и ладно.

Положил охотник камушек зеленый обратно в мешок, завязал потуже. Думает: «Зачем этому лохматому чудищу дорогой камень отдавать? Да за такой камень на ярмарке я украшений выменяю – любая девица моей невестой станет!»

Обиделся Хозяин Леса, глаза темно-зеленым светом вспыхнули, и провалился сквозь мох, будто не было. Проголодался за день молодой охотник, решил добыть себе пропитания вкусного. Взял лук со стрелами да пошел охотиться. И недалеко отошел, глядь, олень-красавец просто в десяти шагах стоит и на него смотрит. «Вот и мясо!» – думает охотник. Стрелу вложил, лук натянул, выстрелил! Но что это? Пролетела стрела прямо между рогами оленя. А он стоит, не убегает, на охотника смотрит, только копытцами перебирает.

«Не бывало еще такого, чтобы я промазал!» – думает охотник. Вторую стрелу зарядил, выстрелил – снова мимо! А олень стоит, и кажется охотнику, что смеется этот копытный над ним, прямо видно, как морда у него улыбается! Разозлился молодой охотник, стал стрелять – стрелу за стрелой, пока все не выпустил. Улетели стрелы в лес густой, а с последней стрелой и олень исчез, только копыта застучали. Стал искать охотник стрелы – ни одной не нашел.

«Подумаешь, обидчивые все какие! Все равно по-моему будет», – усмехнулся молодой охотник. Вернулся на свою стоянку, поел немного, что мать в дорогу дала, навалил в костер побольше дров, улегся на мягкую подстилку, да и уснул. Крепко уснул усталый молодой охотник. А Огонь все ярче, все жарче разгорается. Охотник согрелся, разомлел от тепла, развалился на мягкой хвое, смотрит сладкие сны. Тут из костра мужичок-огневичок выскочил и ну топтаться по хвойной постели, и все кругами вокруг спящего молодого охотника, весело так, искусно пританцовывает. А за ним огоньки по хвое разбегаются и тоже веселятся. Вспыхнула подстилка хвойная высоким пламенем вокруг охотника. Очнулся он, видит, со всех сторон Огонь-огневище пляшет, и будто смех сквозь треск слышен. Выскочил молодой охотник сквозь пламя, бухнулся в реку. Выбрался на берег – глядь, одежда в дырах, сумка с едой сгорела, копье, лук да топор сгорели, только мешочек с камнями, что на шее висел, уцелел.

Делать нечего, дождался утра и побрел к горе, искать Хозяина всей Тайги. Нельзя ему домой без лекарства для отца возвращаться. Идет-бредет, а лес все гуще. Каждая березка норовит сучком одежду порвать, каждая елка иглами лицо колет да в глаз целит, под ногами валежник, кажется, со всего леса собрался, да все поперек пути лежит, сучьями топорщится. Но молодой охотник отважно вперед продвигается, и вот уже подъем начался ощутимый, ясно, что в гору пошел. Вдруг лес расступился и поперек пути Скала неприступная, как из-под земли выросла. И видится охотнику, будто на скале той лицо каменное проявляется. Надо молодому охотнику как-то скалу эту преодолеть, чтобы в гору идти.

– Кто ты, Скала-великан? И как тебя миновать, чтобы к вершине пробраться? Там, говорят, сам Хозяин всей Тайги обитает, – спрашивает охотник, а сам мешочек развязывает да горсть камешков драгоценных достает.

– Я – Хозяйка этой Горы, без моего дозволения никто в гору не поднимется. Но ты, вижу, добрый человек, тебя пропущу.

Раздвинулась скала, щель образовалась – хоть на коне поезжай. Прошел молодой охотник, завязал мешочек с камнями покрепче, да и пошел в гору не оглядываясь. Скала аж почернела от обиды! Захлопнулась с грохотом расщелина, будто ее и не было, только камни посыпались. А молодой охотник шагает весело дальше, думает: «Мне бы только до вершины добраться да у Хозяина Тайги Корень Жизни выманить, а назад я уж как-нибудь ворочусь. Никто мне не указ!»

Идет охотник бойко, идет час, другой, третий, уж и уставать стал, а никак до вершины не дойдет. Смотрит, вроде проходил уже это место. Не может быть! Пошел дальше. И вроде бы в гору поднимается, а получается, что вокруг нее идет и снова в то же место попадает. Разозлился молодой охотник: «Все против меня! Ничего, я сильный, я ловкий и смелый, я выносливый, все равно дойду до вершины и Корень Жизни для отца добуду!»

А дома мать с дочерью за отцом ухаживают да сынабрата с волшебным лекарством поджидают. День-другой

ждут – нет молодого охотника. Третий-четвертый день прошел – не вернулся дорогой сын. Семь дней миновало, расплакалась мать, обняла дочечку:

– Не вернется мой любимый сын. Видно, забрал его у нас Хозяин Тайги. Да и отец теперь умрет…

Встала тогда дочь, вытерла слезы, обняла мать, положила горячую ладонь на лоб отцу:

– Я пойду к Хозяину Тайги. Вы меня всему в жизни научили, я смогу. Отыщу я брата родного и волшебное лекарство отцу добуду.

Уговаривали мать с отцом дочку не ходить в опасное путешествие, да куда там: пойду и все!

Собрала тогда мать остатки еды, что в доме было, сняла с себя разноцветные бусы, на шею дочери надела.

– Ты у нас умница, все сама знаешь, во всем сама разберешься. Один тебе наказ в дорогу: не скупись, одаривай каждого встречного, и едой делись, и теплом – и путь тебе легким будет.

Попрощалась девушка с родными и пошла брата искать. Отошла недалеко от дома, глядь, мышка на тропинке сидит. Достала девушка горстку пшена, насыпала на тропу:

– Угощайся, лесной зверек! Не подскажешь ли, в какую сторону брат мой ушел?

– Это такой молодой, стройный, с луком и копьем? Так он к реке пошел, в ту сторону. Быстро так шел, чуть на хвост мне не наступил.

Поблагодарила девушка мышку, пошла в указанном направлении. Скоро и к реке вышла. Сняла с материнских бус синюю бусину, на средину реки бросила. Поздоровалась:

– Чистоты твоим водам, Большая Река, и здоровья твоим обитателям!

Краюху хлеба вынула, в воду покрошила.

– Кушайте, рыбки! Скажите, как мне с вашим Хозяином побеседовать?

Тут вода расступилась, появился сам Хозяин Реки и всех озерно-болотных вод в виде чудища человечьего обличья. Стоит, вода с него стекает, а в руке бусину синюю держит и улыбается синими губами.

– Я тут хозяин, девушка. Чего тебе нужно от меня?

– Скажи мне, пожалуйста, Хозяин Вод, не проходил ли тут мой брат? Он за Корнем Жизни пошел и пропал.

– Это такой молодой бесстыдник, недостойный приближаться к гнилому болоту? Был тут такой семь дней назад, обидел меня крепко. Назад пойдет, не пропущу!

– Пожалуйста, дорогой Хозяин Вод, скажи, в какую сторону он пошел? Он случайно тебя обидел, спешил очень, чтобы отцу нашему лекарство отыскать.

– Ладно, ты добрая девочка, тебя пожалею. Туда твой братец пошел, на другой берег. Садись-ка мне на плечо, я тебя отнесу, чтобы ножки не промочить.

Взял да и перенес девушку на другой берег. Поблагодарила она Хозяина Реки, отошла немного, смотрит, головня дымится в кострище. Поняла девушка, что брат тут ночевал. Насобирала сухих палочек, уложила аккуратно на головню, раздула угольки, загорелся огонь. А девушка все подкладывает сухонькие палочки да приговаривает:

– Кушай, Огонь, вкусненькие дровишки тебе даю. Разгоришься, еще принесу, всю ночь кормить буду, а ты меня согрей немного ночью.

Вдруг пламя поднялось, а из него лицо красное, лохматое:

– Кто же ты такая, добрая девица, откуда взялась в нашей Тайге?

– Здравствуй, Огонь-огневище! – говорит девушка, а сама бусину красную снимает и в огонь опускает. – Прими подарок мой скромный. Я тут по важному делу оказалась: беда у нас, отец заболел, брат пошел искать для него Корень Жизни, да и пропал. Не видал ли ты его?

– Не верю я, что у доброй девушки брат такой невоспитанный. Был он тут, ночевал, оскорблял меня всячески, еле ноги унес. Туда, в гору подался.

Поблагодарила девушка Огонь-огневище и стала к ночи готовиться. Собрала веток сухих да травы прошлогодней, да мохом чуть прикрыла – вот и постель у костра готова.

Достала припасы, что мать положила, а там и есть-то нечего, мало совсем. Вдруг, будто из-под земли, Олень рогатый появился, ну прямо в двух шагах, и смотрит на девушку и вроде как улыбается. Протянула девушка Оленю свою краюшку хлеба, солью присыпанную:

– Угощайся, зверь лесной, красивый, здоровья тебе!

Вдруг лес зашумел, травы затрепетали, кусты зашуршали, появился пред девушкой диковинный старичок – лохматый, в зеленой бороде, руки, как ветки, пальцы, как сучки, уши, как грибы.

– Кто же ты такая, девица-доброделица, откуда взялась, куда путь держишь?

Испугалась поначалу девушка, но виду не подала. Сняла с бус зеленую бусину, протягивает на ладони:

– Возьми мой малый подарок, уважаемый Лесовик. Пусть твои подопечные лесные меня не боятся, я зверей не убиваю, деревья-кусты не ломаю. А в твоих владениях я по необходимости, ищу брата, который за лекарством ушел, да вот не вернулся.

Аккуратно взял бусину Леший, рассмотрел на огонь, повертел, залюбовался.

– Хорошая ты девочка, не верится, что брат твой такой невоспитанный, недостойный наступать на гнилушки в моем лесу. Но тебе помогу. Пришлю с рассветом тебе своего ежа, он путь тебе укажет. Иди за ним и ничего не бойся, Лес тебя пропустит.

Исчез Леший, пропал Олень-рогач, а девушка улеглась у костра, да и уснула крепким сном. Хорошо спала. Костер грел ее всю ночь не жарко, не холодно, в самый раз. Чуть только рассвет – запыхтело, зашуршало в кустах, выбрался к костру Ежик, а на спине целая пригоршня ягод да пара грибов-сыроежек.

– Поднимайся, девушка, завтракай, да пора идти, путь неблизкий.

Съела девушка угощение, поблагодарила Огонь-огневище за добрый ночлег и пошла за Ежом. И чудо чудное: вроде бы по чаще идут, и тропы-то нет, а ни один сучок не цепляется, ни одна еловая лапа по лицу не заденет, под ногами мох мягкий, ни валежины, ни камня. Ежик впереди сопит-топает, девушка за ним путь держит, по сторонам смотрит, путь запомнить старается. Так незаметно, устать не успели, до Скалы добрались. Стоит поперек пути Скала неприступная, и видится девушке, будто на скале той лицо каменное проявляется.

– И ты, пигалица, мой покой тревожить осмелилась! – зарокотала Скала, будто гром загремел, аж камни с нее посыпались.

Сняла девушка с маминых бус большую черную блестящую бусину, на выступ Скалы с поклоном положила.

– Прости меня, Неприступная Скала, не хотела я тебя тревожить, да, видно, нет иного пути к Горе. А иду я туда, чтобы брата своего найти, который пошел к Хозяину Тайги за лекарством волшебным, да и пропал. Не подскажешь, как мне его разыскать?

Перестали камни со скалы сыпаться, тихо стало. Задумалось каменное чудовище.

– Не верится мне, что у такого недоброго брата такая хорошая сестра, но вижу, так и есть. Обманул меня твой брат, к Горе пошел, назад будет идти, не пущу! А тебе провожатого дам, Мишу-медведя гималайского, он тебя к горе проводит.

Расступились скалы, проход освободили, хоть на двух лошадях проезжай. Поблагодарила девушка Скалу, попрощалась с Ежиком, сухариком его угостила, а тут и Миша-медведь гималайский перед нею предстал: шерсть черная, мохнатая, на груди белый галстук.

– Пойдем, – говорит, – девушка, путь неблизкий, держись за мной, ничего не бойся.

Девушка вынула из сумки самую последнюю краюшку хлеба, солью посыпала, Мише-медведю гималайскому протянула. Прожевал медведь, покивал благодарно, и двинулись они в гору. Медведь дорогу расчищает, камни с пути отбрасывает, упавшие деревья в сторону отодвигает, сучья обламывает. Девушка за медведем идет, старается не отставать, по сторонам оглядывается, путь примечает. Шли они так, шли, вдруг видят: кто такой? Человек не человек, грязный, оборванный, бредет сам не знает куда. Узнала девушка брата, бросилась к нему, приласкала, накормила, платком своим плечи брату укрыла. Медведь раны-царапины охотнику зализал, они и прошли. Пришел в себя немного молодой охотник, говорит:

– Сестра, ты меня спасла! Неделю хожу я вокруг горы, а ни подняться, ни спуститься не могу, не ел, не пил, думал, умру скоро.

– Это оттого, что ты наказ матери позабыл, обидел Хозяина Реки, Хозяина Огня, Хозяина Леса, Хозяина Горы. Теперь вместе пойдем искать Хозяина Тайги, недалеко осталось. Только обещай, что слушать меня будешь и всех уважать.

Молодой охотник так рад был своему спасению, что позабыл свою гордость и высокомерие, поклялся сестре, что будет слушать ее во всем. Пошли они за Мишей-медведем гималайским дальше в гору. Довел их медведь до того места, где лес уже кончается, а под самой вершиной горная безлесная тундра начинается.

– Дальше мне нельзя, – говорит Миша-медведь гималайский. – Тут вы сами доберетесь. Только будьте уважительны к Хозяину Тайги. Рассердите его – и вам не жить, и всей Тайге несдобровать.

Поблагодарили брат с сестрой Мишу-медведя гималайского и двинулись к вершине. Идут, по сторонам смотрят, любуются: с горы во все стороны тайга зеленая видна, реки между гор текут, туманы в распадках стелятся, над головой облака плывут – рукой трогать можно. Красота!

Вдруг откуда ни возьмись, выскочил перед ними огромный зверь – вроде как кошка, но та-ка-а-я бо-ль-ша-а-я!!! И та-ка-а-я че-е-рная!!! И ка-ак зарычит! Облака с неба в долину свалились. А брат с сестрой на десять шагов отлетели и на землю упали, хорошо, живы остались. Поняли, что перед ними сам Хозяин Тайги. Тут брат сообразил, достал свои камни драгоценные и высыпал перед зверем невиданным. А сестра бусы свои сняла и на шею страшному зверю надела. Заурчал довольно зверь необыкновенный, замурлыкал, улегся, стал камни языком лизать. А они сверкают пуще прежнего. Доволен остался. Спрашивает:

– Ну, кто такие, зачем пожаловали? Путь неблизкий, опасный одолели, значит, причина веская?

– Спасибо тебе, добрый Хозяин Тайги, что хочешь нас выслушать. Горе тяжелое привело нас к тебе. Заболел наш отец болезнью неведомой, и помочь ему может только одно лекарство – Корень Жизни. И говорят, только ты владеешь этим сокровищем.

Улегся черный зверь, положил голову на передние лапы, глаза зажмурил, думает. Только хвостом подергивает. Потом поднялся, говорит:

– Вижу, добрые вы люди, к Тайге уважительно относитесь, да и пришли не ради себя, а чтобы отцу помочь. Дам вам Корень Жизни.

Повел Хозяин Тайги брата с сестрой вниз, в светлый кедровник. Пришли на место. Хозяин Тайги и говорит:

– Станьте на колени, глаза закройте, ждите. А теперь откройте!

Открыли брат с сестрой глаза, а перед ними растение необыкновенной красоты: на зеленом стебле листья, как ладони с пятью пальцами, а на вершине шар из красных ягод, как огонь горит.

– Вот вам Корень Жизни!

Стали брат с сестрой благодарить Хозяина Тайги, потом стали благодарить Корень Жизни, что согласился лекарством для их отца стать. Отыскал брат длинную острую щепку и взялся аккуратно выкапывать корень дивного растения. А девушка села рядом с черным-пречерным зверем – Хозяином Тайги и принялась его гладить. Зверь мурлычет, усами шевелит, кончиком хвоста от удовольствия подергивает. А девушка все гладит да гладит, и там, где она своей ладошкой проводит, шерсть красно-оранжевой становится от ее доброты.

Выкопал молодой охотник Корень Жизни со всеми предосторожностями, завернул в бересту. А красные ягоды посадил вокруг того места, где корень рос, чтобы еще такие корни росли в тайге. Поблагодарили брат с сестрой Хозяина Тайги за волшебное лекарство. Зверь рыкнул громко, прилетела птица с синими крыльями Сойка. Сказал ей Хозяин:

– Отведи брата с сестрой к их дому, да по пути пусть никто их не задерживает, а если кто в Тайге на них обижен, скажи, пусть простят, потому что они теперь Тайгу уважают.

Легко добрались домой брат с сестрой. Птица с синими крыльями Сойка провела их самым коротким путем. Простили высокомерного молодого охотника и Черная Скала, и Зеленый Лес, и Синяя Река. Пришли брат с сестрой домой, приготовили все вместе лекарство из Корня Жизни, и встал с постели отец – моложе прежнего! Собрали тогда мать с отцом всех людей из соседних лесных поселений и устроили большой праздник. И рассказали брат с сестрой всем людям о своих приключениях и о том, что удалось им добыть волшебное лекарство только благодаря уважению ко всей Тайге и ее обитателям. А пока праздник праздновали, нашлась невеста для молодого охотника, а для его сестры нашелся жених. И отпраздновали тогда еще и свадьбы.

И теперь живут все счастливо на той дальней лесной поляне в глухой уссурийской тайге, только домов прибавилось, и детишек стало больше. А Хозяин Тайги с тех пор полосатым ходит, гордится своей раскраской. А людям это напоминание: кто с добром в Тайгу идет, тому Тайга добром отплатит.

Камчатский вождь Борис Жирков.
Фото Анатолия Никитина

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Мафорий Богородицы. Сакральные смыслы

Богоматерь Казанская. XIX в. Дерево, темпера, масло

Наталия СТАРУН
Фото Валерия МАЙОРОВА

Поиски идеала красоты и душевной гармонии, присущие русскому человеку, нашли свое полное воплощение в иконе. Используя византийское наследие, русские иконописцы привнесли в ее написание некоторые отличительные особенности, связанные с историей развития русского государства. Особо был почитаем на Руси образ Богородицы.

Богородичные иконы отличались от икон с образами других святых разнообразием иконографических типов, их количеством и интенсивностью почитания, а также особой духовной наполненностью.

Написать Богородичную икону – очень сложное искусство, в котором все имеет символический смысл: позы, жесты, предметы, одежда. Даже, казалось бы, такая деталь, как роспись головного покрова Богородицы – мафория имеет значение. Чтобы это понять, стоит обратиться к собранию Богородичных икон Дальневосточного художественного музея. Они поступили сюда наряду с другими иконами в разное время из фондов Государственного Русского музея, Государственного Исторического музея, а также из частных коллекций любителей старины. Всего в коллекции 43 Богородичные иконы, с богородичным праздничным циклом включительно. Не на всех из них мафорий Богородицы расписан в соответствии с установленными правилами – византийским каноном. Канон диктует изображать Богоматерь в мафории темно-вишневого цвета с тремя золотыми звезда-

Казанская со святыми на полях. XIX в. Дерево, темпера

Богоматерь Грузинская. XVI в. Дерево, темпера

Коронование Богоматери. Автор: Минаевич (?). Конец XVIII в. Дерево, темпера

ми на челе и плечах. При этом темно-вишневый цвет символизирует царственную власть Богоматери – Царицы Небесной, а звезды – три Ее девства, чудесно сохранившихся «до рождества, в рождестве и по Рождестве».

Встречаются иконы, где роспись мафория Богоматери иная. Неканоничная может усилить сакральный смысл образа или подсказать место и время создания иконы. Если сравнить две музейные иконы с образом Казанской Богоматери, заметно, что одна из них – «Казанская Богоматерь» XIX века – выполнена целиком в соответствии с византийским каноном. А другая, «Богоматерь Казанская со святыми на полях» XIX века, судя по орнаменту каймы мафория, выполнена в стиле русских икон времен татаро-монгольского ига.

На иконе «Богоматерь Грузинская» у Богоматери темно-вишневый мафорий с цветной подкладкой и большими красными отворотами необычной формы, похожей на капли крови. Написание такой формы и цвета отворотов напоминает верующим о предстоящей жертвенной крови распятого Христа. Этим усиливается сакральная идея образа. Вместе с тем мафорий говорит нам о времени и месте создания иконы. В России «Богоматерь Грузинская» была списана с византийского канона Богоматери Одигитрии (Путеводительницы). Название «Грузинская» этому типу Богоматери присвоено в более позднее время – в XVIII–XIX веках.

Икона «Коронование Богоматери», как говорит надпись в левом углу: «Cow(т)ворена Ікона Сия[ ] во[ ]томъистарапиемъ Жителемъ деревпе бойковой Іваномъ Минаевымъ 1794 года мца марта ф.». На Богоматери темно-синий мафорий с желто-оранжевым исподом, горизонтальные складки которого вычурно драпируют ее фигуру. На голове прикрывающий затылок плат белого цвета – символа чистоты, праведности и простоты. Таким цветом усиливается сакральность образа. Контрастное цветовое сочетание мафория и вычурная форма его складок говорят о заметном влиянии в русской иконописи в конце XVII века западных гравюр.

Изображение Богоматери с простертыми руками и Богомладенцем на лоне такое, как на музейной иконе «Знамение» Воплощение, происходит от древнего константинопольского типа, восходящего, в свою очередь, к римским изображениям, датируемым IV веком. В Древней

Знамение (Воплощение). XIX в. Дерево, темпера, масло, цировка

Федоровская. XIX в. Дерево, темпера

Руси поясное изображение Богоматери с Богомладенцем, но уже в гирлянде облаков, где мафорий Богоматери красного цвета с зеленым исподом, называлось «Знамение» Воплощение. Здесь красный символизирует тепло любви, животворной энергии, а также цвет крови и мучений Христа. Причем испод мафория такого же зеленого цвета, как гиматий (накидка) Богомладенца. Этот цвет подчеркивает богословскую идею юности, цветения, надежды верующих на вечное обновление. Он присутствовал на иконах там, где начиналась жизнь – в сценах Рождества.

На иконе «Богоматерь Федоровская» мафорий Богородицы, как и поля иконы, неканоничного ярко-оранжевого цвета. Края мафория Богородицы и часть фона имеют ярко-желтые полосы. Поверх мафория Богородицы посеребренный наголовник (убрус), украшенный растительным и точечным орнаментом. Икона благодаря таким свежим локальным красочным сочетаниям и травному узору убруса относится к так называемым народным иконам – «краснушкам».

Пожалуй, самый необычный мафорий у Богоматери, написанной на иконе «Богоматерь с младенцем» второй половины XVIII века. Он имеет надписи-пиктограммы, которые усиливают сакральный смысл иконы. Надписи тактично входят в декоративный строй мафория Богоматери. Кайма мафория у головы Богоматери имеет текст снизу вверх: «ЕЕ СЛОВО НЫН(…) ЕШНЕЕ ПРИНОШЕНІЕ W(что означает от) ВСЯКІЯ NАПАСТИ ИЗБАВИ […]ВСЕХЪ И ГРЯДУЩІЯ ИЗМИ МУВО ВОПИЮЩА […] (далее изображен цветочный узор) ТИ (далее изображен цветочный узор)». Надпись на кайме мафория по левой руке: «АЛЛИЛУ ИЯ», по правой руке: «ВСЕХЪ СТЫХЪ СТЕВ». Надпись на кайме мафория по левому плечу Богородицы слева направо: «ХЛИМОПШІЕ Гь (далее изображен цветочный узор)». Ниже надпись: «[…]ЕТАЯ МАТИ РОЖД[…]МКО[…]», еще ниже: «БЦ». Под каймой в складках имеется геометрический орнамент. Надпись на бахроме мафория греческими буквами может быть прочтена как «Бахромой украшенная». Как известно, бахрома, украшающая мафорий Богородицы, является символом ее царственности. В данном случае надпись представля-

Богоматерь с младенцем. Вторая половина XVIII в. Доска липовая, темпера

ет собой не что иное, как украшающий эпитет, обращенный к «царице небесной». Вместо звезд приснодевства на плечах и на челе мафория изображены ангельские лики, повернутые к Богородице.

Источником письма музейной иконы «Скорбящая Богородица» послужил текст канона молитвы Богоматери, в котором она названа «скорбящих радостью». В центре иконы изображена сильно увеличенная ростовая фигура Богоматери с группирующимися фигурами ангелов и страждущих. На Марии наголовник интенсивного желтого цвета, декорированный спиралевидными завитками, и темно-вишневый мафорий с белой графической прорисовкой складок. Мафорий драпируется круглой складкой на локтях. По краям мафория имеются надписи в белых рамках дробниц: «НАГИМЪ», «ОДЕЯNIE», «АЛЧУЩИМЪ», «ПИТАNIE». Надписи над молящимися, ярко выраженными в образе «Скорбящей Богородицы»,

Скорбящая Богородица. XIX в. Дерево, темпера

вполне отвечают сакральной идее заступничества.

Икона по ряду признаков, в том числе по росписи мафория и наголовника, напоминает так называемые народные «полосатые» иконы XVIII–XIX веков. Фон иконы имеет широкие полосы: красную, желтую, серо-голубую и охристую. К середине XVIII века увеличилось количество иконографических вариантов образа «Всех скорбящих Радость». Это объясняется как конкретными историческими обстоятельствами, так и большой популярностью самой иконы. По всей стране существовало множество местночтимых чудотворных икон с таким названием. Каждый новый извод полагал начало собственной иконографической традиции, при этом списки могли отличаться оригинальными деталями.

К подобному изводу (разновидности) относится и музейная икона конца XIX века «Богоматерь Всех Скорбящих Радость», так называемая «Богородица с грошиками». Богородица представлена не в царственном облике, а в образе Пресвятой Девы без Младенца в окружении людей, ожидающих ее помощи. На ней новая деталь – белый наголовник поверх синего мафория с нанесенны-

Богоматерь Всех Скорбящих Радость. С грошиками. Неизвестный мастер. Конец XIX в. Дерево, темпера, масло, цировка

ми золотыми грошиками. Появляются новые детали: белый плат на главе Богородицы поверх мафория с грошиками. Этот извод был широко распространен, в том числе в старообрядческой среде (Урал, Ветка). Такая роспись мафория помогает понять сакральный смысл образа – его чудесного спасения от пожара. Событие пожара произошло, как написано на нижнем поле иконы: «… после грозы разразившейся 23 июля 1888 года надъ часовнею находящейся в С. Петербурге въ те от прил. КъСтекл. Завод()». Молния с силой ударила в часовню, обожгла стены внутри нее, но не коснулась образа Богоматери, а двенадцать медных монет из разбитой кружки подаяний оказались прикрепленными в разных местах к образу. Слух о святой иконе распространился по всей России.

Иконографические особенности рассмотренных музейных икон показывают, что русские иконописцы не механически повторяли образец, но серьезно перерабатывали композицию, обдумывали содержание и характер каждой используемой в иконе детали. Обращаясь к русской иконе, не стоит забывать, что каждая деталь в ней важна.

ПОДЗЕМЬЕ: страна древности

Андрей МАЛЯВИН

За долгое время существования музейных экспозиций у многих людей сложилось устойчивое представление, что археология – это нечто малопривлекательное, замшелое, выраженное в сериях однообразных обломков и черепков, подкрепленных пояснительными текстами с непонятной научной терминологией, это – сугубо *мертвые* вещи, за которыми крайне сложно различить образ древнего человека – *живого*, действующего, созидающего, чувствующего. Существует несколько причин, которые привели к этому, но результат в любом случае один – отсутствие эмоционального и, как следствие, познавательного контакта между современным человеком и миром древности, отсутствие «узнавания» незримых связей сознания, опыта, мировоззрения на дистанциях тысячелетий в рамках единой сути – Человека. В отличие от красочных природных или, скажем, этнографических экспозиций археологический материал нуждается в особой расшифровке.

Понимание этого заставляло научных сотрудников Гродековского музея на протяжении уже нескольких лет искать иные творческие пути. В итоге, в октябре 2014 года в стенах Хабаровского музея археологии, а точнее на месте бывшего подвала старинного здания, появился крупный экспозиционный комплекс с интригующим названием «Лабиринты Подземья». Давно зревшая идея воплотилась в проект стремительно, как вспышка, да и само создание экспозиции такого уровня происходило в рекордно короткие сроки, на одной волне вдохновения.

Название комплекса «Лабиринты Подземья» складывается из нескольких эмоциональных компонентов. Линия экспозиционного маршрута, с ее непредсказуемыми поворотами и узкими переходами, действительно имеет сходство с лабиринтом. Вторая часть названия – «Подземье» связана с археологической тематикой комплекса. Это мир, который когда-то существовал, но теперь его остатки погребены под землей (археологические находки). Символично расположение комплекса в подвалах (подземельях) исторического здания. Но если подземелье – это нечто ограниченное в пространстве и времени, то Подзе-

мье – это целый мир, обширная страна древности, с лесными полянами, пещерами, сменой времен года, наполненная живым сюжетным содержанием. Вместо статичной музейной экспозиции мы стремились создать для посетителя эмоциональную иллюзию погружения в «настоящий» мир. В основе экспозиции не вещи, как это обычно принято в музеях, а среда, окружавшая человека в далеком прошлом, – последовательное чередование простых и узнаваемых образов, среди которых стойбище на лесной поляне, пещера с наскальными рисунками, курган, освещенное костром жилище…

Ключевой идеей явился поворот к настоящим гуманитарным аспектам археологического знания, поворот к Человеку как создателю и двигателю материальной и духовной культуры, средоточию идей и концепций мировосприятия. Мы стремились опровергнуть оценки первобытного мира как «примитивного», вся суть которого сводилась к «борьбе за выживание», и обратиться к положительным установкам – к Человеку, не сражавшемуся с природой, а сотрудничавшему с ней, обращавшему свои знания не на эксплуатацию, а на достижение гармонии с окружающим миром. К Человеку, обладавшему глубоким экологическим мышлением и имевшему опыт, представляющий значительную ценность для современного техногенного общества. Достижение такого результата возможно при понимании среды, в которой люди жили, творили, чувствовали… На мой взгляд, наших далеких предшественников вообще нельзя понять человеку, ни разу в жизни не лепившему глиняную посуду на берегу реки, не обтесывавшему камень, не испытавшему радость промысловой удачи, не ночевавшему у костра… И вот такие сюжеты становятся доступными в «Лабиринтах». Приведу четыре главных аспекта, благодаря которым экспозиция по праву может быть названа уникальной.

Аспект первый – яркий зрительный образ. Реалистичность экспозиционных элементов (лес с

вековыми деревьями, утесы, водопад, чучела лесных обитателей, «настоящее» небо над головой и многое другое) создает определенный эмоциональный настрой, переносит человека из мира современности в первобытность. В соответствующих местах расставлена древняя утварь – глиняные и берестяные емкости, предметы вооружения, быта, производства, восстановленные по технологиям каменного века. Пол выполнен с имитацией «под землю». Предметы и предметные комплексы не имеют музейной упорядоченности, сопутствующих этикеток – здесь все представлено в том облике, в каком пребывало тысячи лет назад.

Аспект второй – доступность. Наверное, мало кто хотя бы раз не испытывал потребности дотронуться до музейного экспоната, чтобы ощутить прямую связь со стариной. В нашем «Подземье» нет витрин и ограждений, нет табличек с надписью «Руками не трогать!». Любой предмет доступен не только для обозрения, каждый можно взять в руки и даже… использовать для соответствующих целей. Например, галечным отбойником обтесать каменную заготовку, разрезать каменным ножом кусок кожи, проделать в нем отверстия костяным шилом, попробовать добыть огонь трением с помощью деревянного сверла, посидеть на застеленных шкурами лежанках и т. д.

Аспект третий – анимация. Поскольку целью было достижение максимального эффекта присутствия в первобытности, то и созданная нами реконструкция не должна была создавать впечатления безжизненных пространств, своего рода «застывшего для потомков образа». Способ достижения этого оказался неожиданно прост: у каждой «локации» (стойбища, пещеры, дома и т. п.) должен быть хозяин. Не смотритель или экскурсовод, а именно хозяин. Роль хозяев, то есть древних людей, поручается профессиональным ведущим, которые, в зависимости от ситуации, могут преображаться в главного охотника либо в колдуна, либо в военного вождя. Посетитель, таким образом, не только оказывается в окружении древних вещей, но и становится ведомым согласно неким первобытным правилам. Ведущий-аниматор целиком берет на себя инициативу организации осмо-

тра интерактивной экспозиции – рассказывает о природном окружении, деталях жилища, о быте, промыслах, мировоззрении древних племен, помогает в ознакомлении с производственными навыками первобытных людей, проводит тот или иной загадочный обряд. На этом театрализованном уровне снимается эффект тишины музейного зала, посетитель раскован, ощущает непосредственную сопричастность первобытному миру.

Аспект четвертый – театрализованная игра. Учитывая реалии современного общества, для музея не должно быть чуждо направление деятельности по организации досуга с элементами шоу, даже аттракциона. Познание в этом случае все равно происходит, но уже через эмоции, настроение, встряску, и в итоге имеет более глубокий и долговременный эффект. Мы разработали и апробировали на практике цикл театрализованных игр, занятий, просто театральных постановок на базе интерактивной экспозиции. Круг тем довольно широк и продолжает расширяться, согласно пожеланиям посетителей. «Зелье шамана», «Охотники древности», «Жизнь с огнем», «Ожерелье амурской Нефертити», «Грибная сказка» – это лишь малая часть практикуемых нами тем. В основе подхода лежит вовлечение участников игры-представления в активный сюжет из жизни первобытного человека, который они переживают под руководством ведущего-аниматора.

Создавая интерактивный комплекс, мы ориентировались на посетителей разных возрастов и различных интересов. На первый взгляд, наибольший успех «Лабиринты Подземья» должны вызывать у детей. И действительно, такие «настоящие» игры с возможностью ролевых перевоплощений мало кто сможет им предложить. Но есть и другая точка зрения. На самом деле ребенка, воспринимающего мир со всей своей чистотой и неизбывным любопытством, удивить не столь трудно. Гораздо сложнее со взрослым, с его критичным, оценочным, опытным взглядом на окружающее. Уже создавая реконструкцию, мы рассчитывали и на такую аудиторию, хотя не предполагали, насколько это станет удачным шагом. Результаты превзошли все ожидания – оказалось, что взрослые люди в наше время очень нуждаются во внутреннем раскрепощении и уходе хоть на какое-то время от повседневной, будничной жизни с помощью ярких эмоций и прикосновения к нестереотипной среде, с помощью редкой для них возможности – ***поиграть***.

Одна из главных задач «Лабиринтов Подземья» – перевод восприятия археологической информации в плоскость деятельности. Мы видим в этом не только сугубо музейную практику, но и один из рубежей археологической науки, которая в итоге непременно должна быть ориентирована на человека. Каким бы способом это ни было достигнуто, но умение разглядеть человеческое начало за паутиной мертвых вещей и является гуманитарной составляющей археологии.

Фото Андрея МАЛЯВИНА, Светланы ЗУБАРЕВОЙ и Галины ПЕРШИНОЙ

Переселенцы. Переснято с фотографии, находящейся в частной коллекции

Люди Амура в современном мире

Марина ИЗМАЙЛОВА

«Люди Амура» – пятый по счету фотопроект, организованный Краевым музеем им. Н.И. Гродекова совместно с Максимом Шаргородским и творческим объединением «Мастерская фотографии». Предыдущая выставка была посвящена материалам экспедиций на остров Сахалин и на маяки, расположенные на мысах Анива и Крильон. В этом году участники проекта представили репортажные фотографии из населенных пунктов Хабаровского края.

До начала экспедиции для большинства фотографов объединения «Мастерская фотографии» села Нижнетамбовское, Лидога, Джари, Гвасюги, поселки Джонка, Черный Мыс и другие были не более чем названиями на карте. Как и в любой экспедиции, призванной изучить какую-то проблему, ее участникам предстояло ответить на главный вопрос: как живут люди Амура в современном мире? Для Хабаровского края с населением более 1 миллиона 300 тысяч человек, около 20 процентов которого живут в сельской местности, тема актуальная. Поэтому в

Фото Сергея Третьякова

Фото Сергея Шилова

Фото Светланы Тюриной

Фото Светланы Тюриной

середине июня прошлого года из Хабаровска отправились три машины, и у каждой был свой маршрут. Те же, кто не мог надолго покинуть город, выезжали в свободное время по селам и деревням, расположенным неподалеку.

Документальная съемка – возможность объективно зафиксировать историю в лицах. Для многих участников экспедиция оказалась «школой личностного роста», потому что они учились понимать тех, кто живет другой, непривычной, на первый взгляд, жизнью. «История пишется людьми, а история сел в их жителях, и она бесконечна и фотографировать ее можно много лет, – считает руководитель группы М. Шаргородский. За время поездки коллектив закалился, для кого-то исчезла граница – горожане и деревенские».

Итогом экспедиции стала выставка «Люди Амура», представившая более 50 фотографий, из них большая часть – жанровые портреты людей разных возрастов и профессий. Кто-то пережил страшное наводнение 2013 года и многое потерял. Кто-то недавно вернулся в деревню после окончания университета с желанием работать именно здесь. В объектив фотографов попали и совсем молодые люди, которые еще только задумываются о своем будущем, и взрослые жители Амура, для кого деревня стала судьбой. Для каждой работы автор снимка написал и несколько строк с самыми главными впечатлениями. Так, портреты и пейзажи стали своеобразными путевыми фотозаметками.

Но не только современную историю отразил проект «Люди Амура». Максим Шаргородский и его экипаж познакомились с удивительным человеком, рассказавшим об основателях села Циммермановка. На выставке можно было познакомиться и с репродукциями старых фотографий из частных коллекций, сделанных во время поездок по амурским селам. Так открываются забытые страницы в амурской летописи. А в планах «Мастерской фотографии» новая экспедиция. Ее участникам предстоит путь в места поселения староверов и негидальцев, а зримым результатом станет выставка в Гродековском музее.

Фото Анастасии Лазорко

Фото Сергея Шилова

Фото Анастасии Лазорко

Торжествуя победу жизни

Янина КУЗИНА

Около четырех лет назад, когда в Музее истории Хабаровска готовилась выставка, посвященная участию хабаровчан в локальных войнах и вооруженных конфликтах, председатель правления Краевого отделения Всероссийской общественной организации «Боевое братство» Евгений Владимирович Смышников попросил народного художника России Виталия Петровича Дроздова написать портрет десантника Вячеслава Сулина, погибшего в Афганистане. На открытие пригласили не только родителей Вячеслава Сулина, но и другие семьи погибших воинов. Именно тогда, увидев глаза этих людей, художник понял: нужно увековечить в живописных работах всех земляков, погибших в горячих точках. Дроздов поделился своими мыслями со Смышниковым и услышал: «Знаете, я тоже об этом подумал…»

Так родился проект «Галерея мужества», который в 2013 году получил субсидию от правительства Хабаровского края в рамках государственной программы «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества». К участию в нем В.П. Дроздов пригласил своего ученика, портретиста Алексея Авдеева. Алексей Геннадьевич, вспомнив свою двухгодичную службу в погранотряде, согласился. Тогда он еще не представлял себе, насколько сложным окажется это дело.

– Первые два портрета почти дописал. А дальше не могу – не получается, – вспоминает Авдеев. – И страшно даже как-то в мастерской, где эти портреты стоят. Они вроде бы готовы, но я понимаю, что все это не то, не могу закончить. Пошел к отцу Ефрему (сейчас он владыка Бикинский), он меня благословил. И – пошло… Нужно ведь не просто написать человека, чтобы было похоже. Нужно оживить портрет. Тогда и о парне будут помнить…

Работа для художника непривычная – создать образ человека, которого ни разу не видел, основываясь только на сохранившихся фотографиях и воспоминаниях о нем родных и друзей. Первым А.Г. Авдеев написал портрет 22-летнего лейтенанта Игоря Анатольевича Гончарова, погибшего в Грозном в августе 1996 года. Анатолий Михайлович Гончаров, полковник-пограничник, полтора месяца искал тело сына, чтобы перевезти в Хабаровск и похоронить. На одной из фотографий, которой художник пользовался при создании портрета, Игорь за несколько дней до командировки в Чечню купает в тазике новорожденного сынишку…

Еще одно фото из многих – парень, чем-то неуловимо похожий

ГАЛЕРЕЯ МУЖЕСТВА

Сылко Игорь Витальевич

Щербаков Антон Геннадиевич

Репитей Виталий Михайлович

Барыкин Иван Андреевич

Кузьмин Алексей Алексеевич

Гладченко Александр

Жалимов Борис Хасанович

Ляшенко Сергей Викторович

Богданов Евгений Владимирович

Гончаров Игорь Анатольевич

Желудков Дмитрий Владимирович

Харитонов Сергей Павлович

Колесников Владимир Григорьевич

Синцев Владимир Анатольевич

Зархин Михаил Валерьевич

Винтерголер Павел Викторович

Передача портрета Владимира Тамгина школе № 47

Слева направо: вдова Владимира Тамгина, художник В.П. Дроздов, родители

на Сергея Есенина, обнимает березку. Может быть, в последний раз в жизни. Борис Жалимов навсегда остался в памяти родных, друзей по школе и лесотехникуму, боевых товарищей двадцатилетним. Он сочинял стихи, которые становились песнями, а накануне своего последнего боя в Афганистане записал в дневнике: «Забыть бы людям все войны во все века. Засадить планету цветами. Жить и радоваться. В Новый год нарядили мы кипарис вместо елки и назвали его деревом мира. Маленькое деревце кипариса, вечнозеленое, сильное и хрупкое одновременно…»

Сложилась традиция: после того как серия портретов написана, они выставляются в Хабаровской духовной семинарии. Первая такая выставка «Чаю воскресения мертвых» проходила весной 2014 года. Проректор семинарии владыка Ефрем так отозвался о портретах: «Сам дух изображения… торжествует победу жизни над смертью». Вторая выставка состоялась через год. Потом, уже освященные, портреты воинов передают в школы и другие учебные заведения, которые они оканчивали. К этим событиям нынешние ученики и студенты готовятся особо: исполняют стихи, песни, снимают видеоролики. А когда слушают рассказы родителей и школьных друзей героев, многие из них не в силах сдержать слезы.

30 апреля 2014 года портрет Героя России Владимира Александровича Тамгина торжественно вручили хабаровской школе № 47, которая сейчас носит его имя. В начале 2000 года молодой сержант транспортной милиции Владимир Тамгин погиб в Чечне. Спустя время взятый в плен боевик сообщил на допросе детали того драматического боя. По его словам, чеченцы подбили и окружили машину с российскими милиционерами. Ожесточенная схватка длилась недолго, патроны кончились, и тогда Владимир Тангин бросился на врагов со штык-ножом...

Портрет Владимира Тамгина написал В.П. Дроздов.

– Для меня запечатлеть, представить людям образ героя, полноценного человека, нашего современника – это как военное задание, хотя я человек сугубо штатский. И то, что я принят в члены «Боевого братства», воспринимаю как честь. Наша задача – заронить в души детей исконно русские качества – соборность, солидарность, самоотверженность. Их нельзя утратить, и в этом сила наша…

На церемонии передачи портрета Владимира Тамгина 47-й школе его вдова Татьяна Михайловна обратилась к школьникам:

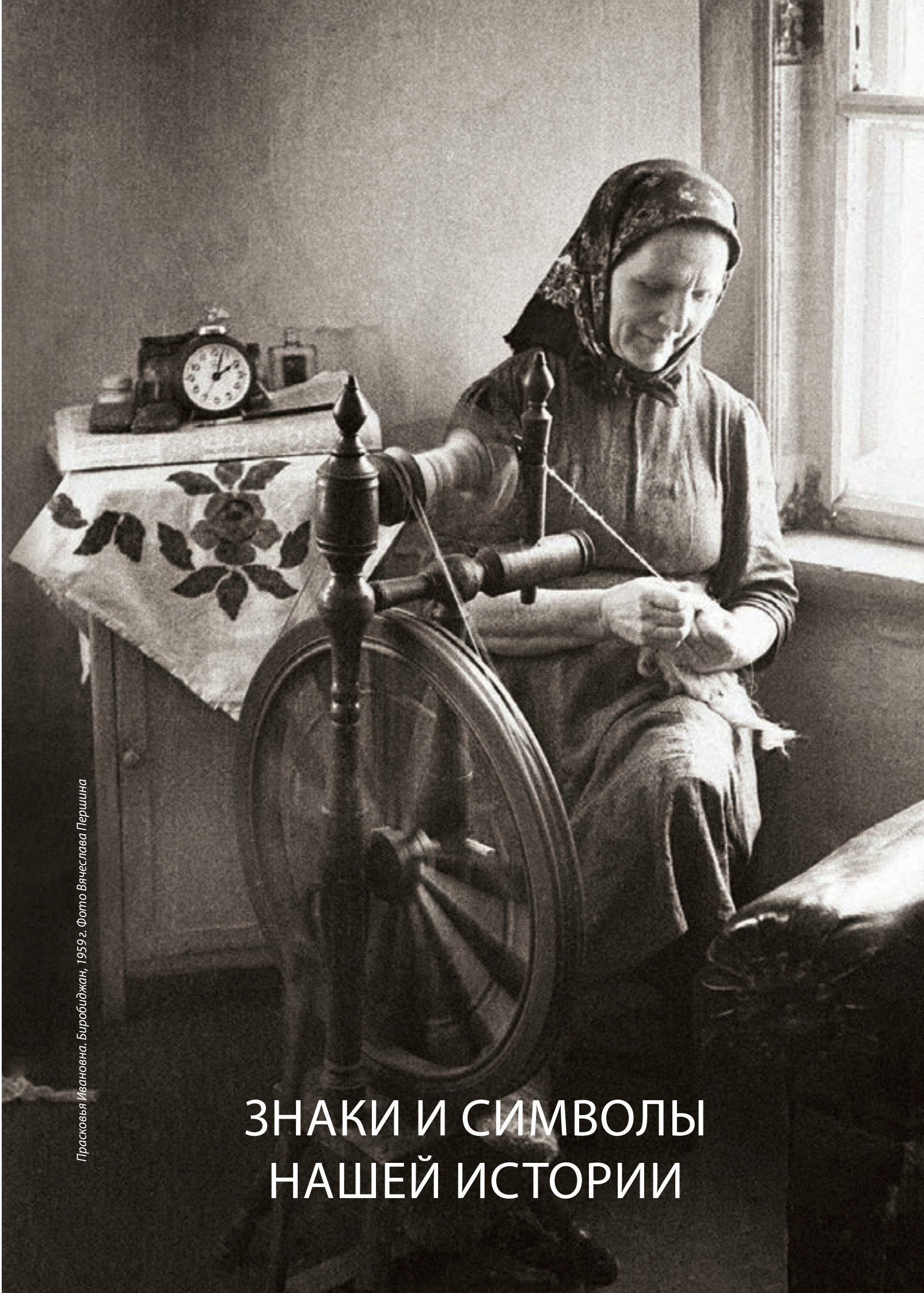
– Вам, детки, которым предстоит идти по жизни много светлых и счастливых лет, я желаю, чтобы взгляд Володи вас оберегал, чтобы он помогал вам и сейчас, на школьных экзаменах, и потом, в любых сложных жизненных ситуациях…

– На портрете Владимир Тамгин будто живой, – поделилась своими впечатлениями ученица 7Б класса София Коноплева. – Я надеюсь, что каждый ученик моей школы будет ставить себе в пример его героизм и мужество. Очень хочется верить, что на Земле исчезнут войны, и наша страна не будет терять таких прекрасных людей...

В 2014 году «Боевое братство» выиграло еще один грант, на сей раз уже президентский, который позволил продолжить работу по созданию портретной галереи погибших воинов-хабаровчан. По словам Е.В. Смышникова, это очень кропотливая, серьезная работа, и живописцы трепетно относятся к ней.

– От каждого из этих изображений исходят добрая энергетика и свет, – сказал председатель «Боевого братства».

Жизнь продолжается, и память остается с нами. Создано около 30 портретов, более 160 художникам предстоит написать.



Прасковья Ивановна. Биробиджан, 1959 г. Фото Вячеслава Першина

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Графу Муравьеву-Амурскому – от сына декабриста Волконского

Нина ДУБИНИНА

На Дальнем Востоке России есть памятник, который служит символом истории осуществления русскими людьми многовековой мечты – выхода на Тихоокеанское побережье. Этот памятник, возведенный в 1891 году, знают многие россияне, поскольку его изображение имеется на купюре достоинством в пять тысяч рублей. На высоком берегу амурского утеса в Хабаровске возвышается величественная бронзовая скульптура выдающегося российского государственного деятеля XIX века – графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского.

Михаил Сергеевич Волконский

К созданию памятника Муравьеву-Амурскому прямое отношение имел князь М.С. Волконский. В изданной в 1996 году в Хабаровске публикации «Муравьев-Амурский: Возвращение на пьедестал» кратко рассказана история создания памятника графу в конце XIX века, но о роли в этом М.С. Волконского сказано вскользь [1]. О том, что Волконский являлся членом Комитета по сооружению памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске, впервые упоминается в биобиблиографическом справочнике издания 2007 года [2]. Вопрос о роли М.С. Волконского в увековечивании памяти графа Муравьева-Амурского в конце XIX века нуждается в дальнейшем изучении.

Сначала следует напомнить краткие биографические сведения о Михаиле Сергеевиче Волконском (1832–1909). Он происходил из древнего русского дворянского рода, имевшего немалые заслуги в служении трону и Отечеству. Вместе с тем его отец Сергей Григорьевич Волконский, князь, российский военный деятель, генерал-майор, стал одним из руководителей Южного общества будущих декабристов. После восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года он был арестован и приговорен к смерти. Указом императора Николая I казнь была заменена двадцатью годами каторги, которую он отбывал на Благодатном руднике в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1835 году переведен на вечное поселение в Сибири [3]. Мать Михаила Сергеевича – княгиня Мария Николаевна, урожденная Раевская, дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.А. Раевского. Мария Николаевна была одной из муз А.С. Пушкина и в числе первых жен осужденных декабристов отправилась к мужу в Сибирь. Здесь в Петровском заводе в 1832 году и родился М.С. Волконский. Детские годы его прошли в деревне, получил домашнее образование. И только в 1847 году, когда Мария Николаевна получила разрешение жить с детьми в Иркутске, он смог поступить в старший класс гимназии. Эти перемены в семейной жизни Волконских совпали с назначением в Восточную Сибирь нового генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьева (1809–1881), происходившего из старинного русского дворянского рода, боевого генерала Кавказской войны. В числе первых, кому генерал-губернатор и его супруга Екатерина Николаевна сделали визит, была княгиня М.Н. Волконская. Именно генерал-губернатор вручил золотую медаль выпускнику иркутской гимназии Михаилу Волконскому. Лишенный возможности учиться в университете, он был определен генерал-губернатором на службу в Главное управление Восточно-Сибирского края коллежским асессором.

Позже княгиня М.Н. Волконская напишет: «Последние восемь лет никогда не изгладятся из моего благо-

дарного сердца, за это время генерал-губернатором был… Николай Николаевич Муравьев. Честнейший и одареннейший человек. Это он открыл для России Тихий океан в то время, когда французы и англичане лишили ее Черного моря. К нам он относился так же безупречно, как и его достойная и добрая жена» [4].

В юношеские годы М.С. Волконский испытал сильное влияние Н.Н. Муравьева, одержимого идеей вернуть России Амур и утвердить ее государственность на Тихоокеанском побережье. Волконскому, как и другим молодым чиновникам, которых в начале управленческой деятельности Муравьева было немало, генерал-губернатор поручал важные задания, не делая никаких поблажек и скидок. За семь лет службы в Сибири Волконский исполнял весьма разнообразные и подчас чрезвычайно важные поручения. В 1851 году в качестве губернского секретаря Волконский находился в походной канцелярии Муравьева при осмотре им Забайкальского края, а затем как член следственной комиссии участвовал в следствии по делу правонарушений Нерчинского горного правления. В конце года он был командирован на маньчжурскую границу к правителям Урги с листом из Министерства иностранных дел на имя Пекинского трибунала внешних сношений. Когда в Тюменской области среди южнорусских переселенцев, направлявшихся на поселение в Енисейскую губернию, началась эпидемия холеры, Волконский был послан для принятия мер против эпидемии и организации помощи людям. Командированный в 1854 году на Якутско-Аянский тракт для обозрения его в хозяйственном отношении, в особенности на предмет расположения вдоль него новых крестьянских поселений, он осмотрел дороги от Якутска до Аяна и составил соображения об их устройстве. Под надзором Волконского организовано первое почтовое сообщение между Якутском и Аяном [5]. После того как успешно справился с важным делом снабжения провиантом Амурской экспедиции 1855 года, он получил ответственное задание на Амуре. На пространстве трехсот верст между Николаевским и Мариинским постами М.С. Волконский расселил около шестисот крестьян, вывезенных им из разных мест Сибири. Позднее, в 1903 году, в память о его созидательной деятельности основывается близ Хабаровска поселение Князе-Волконское, которое существует и поныне.

В начале января 1856 года М.С. Волконский вновь был командирован в Ургу с секретным поручением по дипломатической части и для доставки пограничным правителям листа Сената на имя Пекинского трибунала внешних сношений. По возвращении отправился курьером в Петербург, где находился генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, для доставки ему отчета о командировке и всех собранных сведений. В том же году М.С. Волконскому выпал счастливый жребий явиться в Сибирь вестником великой радости. В день коронации императора Александра II 26 августа 1856 года Н.Н. Муравьев отправил его из Москвы с высочайшим манифестом, которым всем декабристам даровалось помилование. Тогда же М.С. Волконскому, как и его отцу – С.Г. Волконскому, возвращен княжеский титул. За отличные усердные труды свои по службе в Сибири М.С. Волконский был награжден орденом Святого Владимира IV степени. Он навсегда покинул Сибирь и был назначен служить на Кавказ.

Несмотря на «тычки и подножки» в Петербурге, генерал-губернатор Н.Н. Муравьев с необыкновенной настойчивостью, мужественно боролся за реализацию своей главной идеи – возвращение Амура России. С началом Амурской эпопеи генерал вел кочевую жизнь. За 8 лет (с 1853-го по 1869-й) в Иркутске, в своей резиденции он находился около двух с половиной лет, остальное время в дорогах, останавливаясь в местах разной степени цивилизованности [6].

Вопреки пессимистическим прогнозам в Петербурге 16 мая 1858 года в Айгуне Н.Н. Муравьев заключил с маньчжурскими представителями, уполномоченными императором, международный договор России с Дайцинской империей. Айгунский договор стал его звездным часом, венцом десятилетней борьбы за возвращение Приамурья России, за надежный амурский путь из Сибири к Тихому океану. Император Александр II возвел Муравьева в графское Российской империи достоинство с присоединением к имени его – Амурский. Посчитав, что главное дело своей жизни он сделал, генерал-губернатор Муравьев-Амурский подал в отставку, которая императором была принята без предложения дальнейшей службы. В феврале 1861 года сподвижники Муравьева-Амурского – военные, чиновники, которые с гордостью называли себя «амурцами» и «сибиряками», в одном из столичных ресторанов попрощались с графом. Он вынужден был уехать во Францию, на родину жены Екатерины Николаевны.

В 1870-е годы едва ли не единственным российским корреспондентом жившего в Париже графа являлся князь М.С. Волконский. В эти годы Волконский служил в Петербурге и успешно продвигался по чиновничьей лестнице. Он был свидетелем того, как память о совершенном Муравьевым-Амурским для России в официальных правительственных кругах с каждым годом меркла. Единственным в столице оазисом памяти о Муравьеве-Амурском оставался амурский обед, на который ежегодно собирались соратники и почитатели графа. Уважение, дружба, симпатии, возникшие в совместной борьбе за высокую цель, часто требовавшей максимального напряжения моральных и физических сил, породили сильное искреннее чувство, которое связало их на всю жизнь.

Побывавший в Приамурье, в Благовещенске летом 1881 года восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин (1880–1884) был поражен, что казаки и крестьяне бережно хранили добрую память о бывшем генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском, высоко ценили его государственные заслуги. Путешествуя по Амуру, Д.Г. Анучин воочию убедился, что «на всем его пространстве живет светлая память о Муравьеве и о его подвиге. Мысль о постановке ему памятника у всех амурцев созрела вполне сознательно, и осуществление ее было только вопросом времени» [7].

Известие о смерти графа Н.Н. Муравьева-Амурского, последовавшей 18 ноября 1881 года, отозвалось скорбью в сердцах его сподвижников. Выражая волю казаков, крестьян, священнослужителей, ремесленников, торгов-

цев Приамурья, генерал-губернатор Анучин уже 2 декабря 1881 года письмом просил министра внутренних дел Н.П. Игнатьева «исходатайствовать высочайшее соизволение об открытии подписки на сооружение памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому». Императорское разрешение на сбор добровольных пожертвований для сооружения памятника Муравьеву-Амурскому вскоре было получено. Вслед за тем министр внутренних дел разослал генерал-губернаторам и губернаторам страны циркуляр о подписке и направлении жертвуемых денег в Иркутск на имя генерал-губернатора Д.Г. Анучина. Сбор пожертвований в Петербурге взял на себя М.С. Волконский.

Одновременно Волконский обратился к императору за разрешением собирать в архивах материалы о Муравьеве-Амурском для посвященной ему книги. Получив такое разрешение, М.С. Волконский и Ф.А. Анненков начали сбор документов и материалов. Родственники и знакомые Муравьева-Амурского поспешили сообщить различные данные о нем. Графиня Екатерина Николаевна Муравьева-Амурская передала Волконскому все бумаги, оставшиеся после смерти мужа, также документы передали младший брат графа Александр Николаевич, его сестра Екатерина Николаевна Моллер и его племянник граф В.В. Муравьев-Амурский. Великий князь Константин Николаевич, как только узнал о предполагаемой книге биографии графа, прислал князю М.С. Волконскому свою подлинную с ним переписку, предоставив право предать ее гласности. Вдова М.С. Корсакова, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, почитателя и последователя Муравьева-Амурского, передала собрание всей переписки Корсакова с Муравьевым за 1853–1858 годы. Содействие в сборе материалов оказали многие, в том числе приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, П.В. Шумахер, Е.М. Буссе, И.В. Ефимов, Я.П. Шишмарев и др. Графиня Екатерина Николаевна покрыла значительные издержки, связанные с обработкой материалов [8]. Формирование базы первоисточников для книги осложнялось тем, что в 1879 году сильнейший пожар в Иркутске, истребивший город, уничтожил все тамошние архивы, в том числе и большой архив Восточно-Сибирского генерал-губернаторства эпохи Н.Н. Муравьева-Амурского. Тем не менее за несколько лет был собран целый массив документов и писем Муравьева-Амурского, свидетельств и воспоминаний о нем.

М.С. Волконский тщательно искал автора, которому можно было доверить ценный архив, способного создать книгу, достойную памяти графа Муравьева-Амурского. Его выбор пал на Ивана Платоновича Барсукова, действительного члена Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, автора жизнеописания Московского митрополита Иннокентия (Вениаминова), личности по духу очень близкой графу.

Тем временем успешный сбор пожертвований на сооружение памятника – было собрано 62 000 руб. [9] – породил идею о направлении большей части их на благотворительные цели: создание пансионов для казачьих детей в гимназиях, богадельни для престарелых казаков и т. д. Памятник же предлагалось поставить скромный, в виде колонны. Этой идеи придерживался и генерал-губернатор Анучин, который обратился к М.С. Волконскому с просьбой выяснить стоимость «скромного монумента в виде колонны». С такой постановкой дела Волконский был категорически не согласен. В своем письме восточно-сибирскому генерал-губернатору он это выразил такими словами: «Памятник должен непременно представлять выразительную фигуру графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Он должен иметь грандиозный характер» [10]. Как товарищ (заместитель) министра народного просвещения, которым Волконский стал в 1882 году, он полагал, что на учебные заведения деньги впоследствии найдутся, а памятник, раз сделанный и не вполне отвечающий замыслу, таким навсегда и останется. В конечном счете мнение Волконского возобладало. Несколько позднее он внес предложение о необходимости разместить на специальных планшетах пьедестала имена наиболее активных сподвижников Н.Н. Муравьева.

Широко обсуждался вопрос о месте памятника. Кроме Благовещенска назывались Иркутск и Владивосток. Решение этого вопроса отложили в связи с предположением о реорганизации Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Учреждение в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, центром которого стала Хабаровка, внесло коррективы в эти обсуждения. Главный начальник нового генерал-губернаторства барон А.Н. Корф становится активным участником сооружения памятника. Ему были переданы Анучиным вся переписка и собранные деньги.

На 26-м амурском обеде (3 марта 1886 года) бывшие подчиненные и почитатели графа Муравьева-Амурского решили избрать из своей среды Комитет для обсуждения вопросов, связанных с сооружением памятника. В его состав предварительно вошли адмирал и генерал-адъютант П.В. Казакевич, товарищ министра народного просвещения князь М.С. Волконский, тайный советник М.Н. Галкин-Врасский и отставной статский советник Ф.А. Анненков. Через год председателем Комитета был избран барон А.Н. Корф, а вице-председателем – князь М.С. Волконский.

На первом своем заседании (27 октября 1886 года), заслушав сообщение А.Н. Корфа и обсудив его, Комитет решил поставить памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в городе Хабаровке, в городском саду, на утесе, господствующем над местностью и упирающемся в реку Амур. При этом подчеркивалось, что Благовещенск по своему низменному положению, затопляемый Амуром, и по пограничным условиям местности менее всего подходит для постановки памятника. Мотивом памятника взят портрет Н.Н. Муравьева-Амурского художника К.Н. Маковского, на котором граф изображен в генеральском мундире на палубе военного судна. К участию в разработке проекта пригласили известных художников, скульпторов – Антокольского, Микешина, Опекушина и др. Комитет счел возможным остаток средств от памятника израсходовать на постройку дома для двух-трех инвалидов из местных казаков, которые бы осуществляли охрану памятника, а также на образование детей казаков [11].

На поданное Комитетом прошение император Александр III высочайше дал разрешение на постановку па-

Граф Николай Николаевич и графиня Екатерина Николаевна Муравьевы-Амурские

мятника графу Муравьеву-Амурскому в городе Хабаровке на утесе, в городском саду (27 ноября 1886 года). После этого Комитет опубликовал специальное объявление о конкурсе проектов моделей памятника. Между прочим в объявлении говорилось, что описание местности постановки памятника, копию портрета Муравьева-Амурского и его биографию можно получить у князя Волконского.

Проекты памятника, а их оказалось восемнадцать, выставили на обозрение в зале дома М.С. Волконского. Их рассмотрели члены Комитета вместе с приглашенными, в числе которых были племянник графа В.В. Муравьев-Амурский, А.Н. Майков, А.И. Резанов, И.Е. Репин, М.Н. Боткин и др. Заседание проходило под председательством единогласно избранного М.С. Волконского. Собрание предоставило Комитету право изменять премированный проект. М.Н. Боткин предложил высоту статуи увеличить с предполагаемых 5 до 8 аршин [12]. Только при такой высоте она могла бы хорошо просматриваться с реки Амур. Оценка и премирование производились голосованием посредством подачи записок. Единогласно первая премия была присуждена академику А.М. Опекушину. Считалось, что «работа А.М. Опекушина в художественно целом была олицетворением энергии и силы и имела те самые качества, которыми должен был отличаться памятник, назначенный стоять на берегу возвращенного в наше время Амура» [13]. Затем опекушинский макет памятника Муравьеву-Амурскому был представлен в Аничковом дворце на обозрение императора Александра III и царского двора. Одобрив проект, Александр III указал на необходимость замены мундира, в котором был изображен граф, казачьим чекментом. Для лепки скульптуры таких громадных размеров Опекушину пришлось строить новую мастерскую. По этой и другим причинам изготовление скульптуры значительно отстало от первоначально намеченных сроков. Теперь организация исполнения памятника целиком зависела от М.С. Волконского, который к этому времени стал председателем Комитета по сооружению памятника. Ему пришлось вести многочисленные переговоры со скульпторами, литейщиками, решать множество повседневных практических вопросов.

В то время, когда в Петербурге изготавливалась статуя, в Хабаровке под личным наблюдением генерал-губернатора А.Н. Корфа полным ходом шли работы по возведению пьедестала памятника. Для этого использовались найденные в тайге, в необитаемой местности, залежи светло-серого камня сиенита, отшлифованными плитами которого облицовывался пьедестал. В создании пьедестала деятельное участие принимали начальник инженеров Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергер, военные инженеры Н.Ф. Александров и В.Г. Мооро. В октябре 1888 года в Хабаровке состоялась торжественная закладка памятника – был установлен пьедестал, который вместе с земляным подножием имел около 11,5 м высоты [14].

Считая своим долгом сообщать графине Амурской Екатерине Николаевне, жившей во Франции, о ходе создания памятника, князь Волконский послал ей фотографию эскиза бюста Муравьева-Амурского. В ответном письме она написала: «Я только что получила фотографию. Сходство приятное и необычное» [15]. Екатерина Николаевна получила фотографию и всей скульптуры. «Статуя замечательная, налицо явное сходство с оригиналом» [16], – ответила она князю. Екатерина Николаевна сожалела, что по старости лет не может отправиться в путешествие в Хабаровку на торжественное открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Но она была счастлива узнать, что благодаря М.С. Волконскому в нем примет участие тот, кто носит его имя – их племянник Валериан Валерианович.

В начале 1891 года в свет вышла книга И.П. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Биографические материалы по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. В 2-х частях». В первой книге, представляющей собой биографию графа, автор свел свою роль к минимуму: разработал архитектонику сочинения, сформулировал перечень вопросов каждой из 77 глав, построенных в строго хронологическом порядке, дал краткое пояснение отдельным фактам и т. п. Основное же содержание книги составили выдержки и цитаты из писем, записок, отчетов Н.Н. Муравьева-Амурского, а также разнообразные свидетельства его современников. В книге был воссоздан замечательный образ графа в историческом интерьере XIX века, его неутомимая деятельность, направленная на решение Амурского вопроса и утверждение государственности России на Тихоокеанском побережье.

Многочисленные письма графа разнообразным адресатам, приведенные в книге, во многом являются образцом эпистолярного творчества, которым так славился XIX век и культуру которого в XXI веке мобильной и глобальной связи человечество, по существу, утратило. Любимым корреспондентом Муравьева был его брат Валериан Николаевич, сенатор, псковский губернатор. В книге приведено более 50 муравьевских писем, адресованных ему на протяжении почти 30 лет. Многолетним муравьевским адресатом был М.С. Корсаков, двоюродный брат, сменивший графа на посту восточно-сибирского губернатора. Большую информацию содержат приведенные письма Муравьева министру внутренних дел Л.А. Перовскому, который относился к нему с доверием. В числе адресатов Муравьева-Амурского были императоры Николай I и Александр II, великий князь Константин Николаевич.

Вторая книга являлась по существу ценным дополнением биографии Муравьева-Амурского, достоверным документальным подтверждением его масштабной преобразовательной деятельности на крайнем Востоке. Она содержала 160 подлинных документов, относившихся к деятельности графа в период с 1844 по 1861 годы, извлеченных из архива Министерства иностранных дел, из дел Комитета министров, департамента внешней торговли и др. Муравьевская записка «Опыт возможности приблизительного уравнения состояний и уничтожение крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве», которая приведена во 2-й книге, ныне является важным документом отечественной историографии об отмене крепостного права в России. Около трети опу-

бликованных документов посвящено урегулированию пограничного вопроса с Дайцинской империей. Об интенсивной работе Н.Н. Муравьева над решением Амурского вопроса свидетельствуют отчеты, рапорты и записки на имя императора (около 10), переписка с министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым (20 документов), с директором Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским (24 документа).

Помещенные в книге документы раскрывают личность графа Н.Н. Муравьева-Амурского как крупного российского реформатора. Современники назвали 13-летнее управление графом Восточной Сибирью «муравьевским веком» на Амуре, подчеркивая тем самым масштабность личности графа и его дела.

Книга И.П. Барсукова, изданная на средства М.С. Волконского, была встречена в российском обществе с интересом и одобрением. Правда, высказывались и критические суждения, которые сводились к обвинению в «панегирическом» тоне и «комплиментарности», хотя в книге воссоздавался сложный, противоречивый и взрывной характер генерал-губернатора. Заботу о распространении книги И.П. Барсукова взяло на себя Императорское Русское Географическое общество. Имея более чем столетний возраст, сочинение И.П. Барсукова и в XXI веке сохраняет свою познавательную и научную ценность как наиболее полная и достоверная биография выдающегося государственного деятеля России XIX века. Ныне книга имеет и большое источниковедческое значение.

По сравнению с созданием книги возведение памятника на территории, отстоявшей от столицы на тысячи верст, оказалось делом исключительно трудоемким, сложным и хлопотным. Очевидно, М.С. Волконский и его единомышленники планировали приурочить открытие памятника в Хабаровке к 80-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского, которое исполнялось в августе 1889 года. Но сооружение памятника задержалось из-за ряда технических причин. На первых порах организаторы огорчались. Но когда стало известно, что летом 1891 года в Хабаровку прибудет цесаревич наследник Николай Александрович, завершавший путешествие по странам Востока, возникла счастливая идея совместить эти неординарные замечательные события.

Изготовленная из бронзы статуя графа Муравьева-Амурского на несколько дней января 1891 года была выставлена в Михайловском манеже на обозрение жителей столицы. После этого разобранную на части ее упаковали в четыре ящика и по железной дороге отправили в Одессу, откуда на пароходе Доброфлота – во Владивосток. Поскольку ценный груз пришел на Дальний Восток, когда реки еще скованы льдом, его доставляли в Хабаровку гужевым способом.

В солнечный день 30 мая 1891 года с участием наследника государя Николая Александровича, на высоком берегу Амура в Хабаровке торжественно был открыт великолепный памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому [17]. Как и замышлял князь М.С. Волконский, памятник получился грандиозным и выразительным. В церемонии открытия участвовали прибывший по этому случаю любимый племянник графа В.В. Муравьев-Амурский, а также депутации городов Благовещенска и Николаевска и казачьих войск Амурского, Забайкальского и Уссурийского. Кстати, Валериан Валерианович заранее вручил книгу-биографию Муравьева-Амурского цесаревичу Николаю Александровичу, главному начальнику края А.Н. Корфу и др.

Перед многочисленными присутствовавшими бронзовый генерал Муравьев-Амурский предстал твердо, уверенно стоящим над разорванной цепью, держа в одной руке подзорную трубу, в другой – свиток текста Айгунского договора. На бронзовых досках по четырем сторонам цоколя пьедестала тематически размещались несколько десятков имен активных сподвижников генерала, прославившихся своими делами в Амурско-Тихоокеанской эпопее. С южной стороны, обращенной к Амуру, перечислялись те, кто участвовал в двух экспедициях на Амуре в 1854–1855 годах, в том числе Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков, П.В. Казакевич, М.С. Волконский, участники ученых экспедиций Л.И. фон Шренк, К.И. Максимович, Р.К. Маак, а также супруга генерал-губернатора Екатерина Николаевна Муравьева-Амурская. Здесь же находилось и имя топографа В.В. Ваганова, убитого в Монголии.

На доске с западной стороны перечислялись имена участников занятия устья реки Амур в 1849–53 годах в экспедициях под командованием капитана 2-го ранга Геннадия Ивановича Невельского: лейтенанта Н.К. Бошняка, лейтенанта П.Ф. Гаврилова, майора Н.Б. Бусселя, супруги начальника экспедиций Екатерины Ивановны Невельской и др. С северной стороны цоколя пьедестала на доске размещались имена участников заключения Айгунского трактата (16 мая 1858 года): Н.Н. Муравьева, архиепископа Иннокентия, Е.К. Бюцева, П.Н. Перовского, М.И. Венюкова, Я.П. Шишмарева, о. Александра (Сизых) и др. На доске с восточной стороны пьедестала перечислялись участвовавшие в Амурских экспедициях военные соединения, части Забайкальского казачьего войска, артиллерийские бригады, суда и их командиры. Особой строкой стояло «600 первых крестьян-переселенцев под началом М.С. Волконского». Благодаря этим заполненным именами доскам памятник приобрел новый характер: он стал памятником и для сотен участников амурской эпопеи генерала Муравьева, своеобразной историей возвращения Приамурья России. В этом заключалась особенность возведенного на Дальнем Востоке памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, в значительной степени отражавшей характер действий генерал-губернатора Восточной Сибири.

Генерал-губернатор Приамурского края А.Н. Корф и председатель Комитета М.С. Волконский, столь много потрудившиеся ради увековечивания памяти графа, обменялись телеграммами. Из Хабаровки А.Н. Корф писал Волконскому: «Вчера в присутствии Его Императорского Высочества наследника цесаревича достойно почтена память графа Муравьева-Амурского освящением воздвигнутого ему памятника. Фигура, пьедестал и место постановки памятника чрезвычайно удачны. Не откажите сообщить членам Комитета. Барон Корф» (31 мая 1891 года). В ответной телеграмме из Петербурга М.С. Волконский подчеркнул, что устройство памятника графу Муравьеву-Амурскому имеет историческое значение, выразил горячую признательность наследнику цесаревичу

за милостивое его присутствие при открытии памятника. Комитет по устройству памятника и все сочувствующие этому делу «...молят Бога о благополучном его проследовании по пути, Муравьевым проложенным» [18].

Несомненно, участие в церемонии открытия памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровке наследника Николая Александровича (через три года он стал императором Николаем II) придало ей особую торжественность и государственную значимость.

Высшей наградой для князя М.С. Волконского – председателя Комитета по сооружению памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому – стала благодарность графини Екатерины Николаевны Муравьевой-Амурской. В одном из писем князю она написала: «Как же выразить Вам, дорогой Мишель, мою признательность за все то, что Вы делаете и сделали в память о моем дорогом покойном. Только такое сердце, как у Вас, было способно заняться этим делом и довести его до конца. Любой другой отказался бы от этого и не вынес бы всех трудностей, которые Вы испытали» [19].

А В.В. Муравьев-Амурский с корабля, следовавшего во Владивосток на торжества в Хабаровку, в письме князю Волконскому признался: «Как Муравьев, я вечно буду помнить и ценить то, что Вы сделали для моего имени. Но и как русский, я, может быть, первый понял еще большое и глубокое значение Ваших десятилетних трудов, которые готовы увенчаться полным успехом» [20].

Ведущая роль М.С. Волконского в сооружении памятника графу Муравьеву-Амурскому состояла в том, что он предложил его концепцию, организовал открытый конкурс моделей памятника, хлопотал об изготовлении скульптуры, поддерживал связь с лицами из правительства и родственниками, а также с соратниками графа. Следует признать заслугой Волконского публичный и открытый характер процесса создания памятника, длившегося почти десять лет. Представляющий собой выдающееся произведение русского монументального искусства, являясь первым художественным памятником на дальневосточной окраине, памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому создавался по народному велению и на народные пожертвования. Его исключительность состояла в том, что он возведен на земле, которая отстояла от столицы на семь тысяч верст и вошла в состав Российской империи всего как четыре десятка лет.

Сооружение выразительного памятника и издание солидной книги-биографии явились крепким основанием в увековечивании памяти графа Н.Н. Муравьева-Амурского – выдающегося государственника России. Однако в XX веке скульптуру и книгу ожидала чудовищная судьба. Посчитав памятник графу Муравьеву-Амурскому символом самодержавной власти, Дальревком в 1925 году постановил снять скульптуру с пьедестала и передать ее музею, что равносильно было уничтожению. Правда, позже пьедестал был признан памятником культуры, охраняемым государством. Свыше 60 лет он являлся для хабаровчан укором и скорбным напоминанием. Книга же И.П. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский», помещенная в редкий фонд библиотек с ограниченным доступом для читателей, со временем превратилась в библиографическую редкость.

В конце XX века, когда начались трансформации в российском обществе, в Хабаровске возникло движение общественности за восстановление памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Был организован сбор пожертвований, установлена связь со скульпторами Петербурга, которые обнаружили важные материалы о скульптуре Муравьева-Амурского. При поддержке властей Хабаровского края состоялась договоренность о восстановлении скульптуры. К удовольствию хабаровчан, всех дальневосточников, в 1992 году бронзовая скульптура графа вновь и теперь навсегда взошла на свой пьедестал. А годом ранее осуществилось давняя мечта амурцев о переносе праха Н.Н. Муравьева-Амурского из Парижа в Россию. В торжественной обстановке он был предан дальневосточной земле во Владивостоке.

С участием Центра Национальной Славы России на российском Дальнем Востоке торжественно и широко отмечались 150 лет заключения восточно-сибирским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским Айгунского договора о границе с Дайцинской империей (2008) и 200-летие со дня рождения графа (2009). Полуторавековая историческая дистанция показала политическую прозорливость Муравьева-Амурского, убедительно доказала геополитическую значимость прочного утверждения России на Тихоокеанском побережье. Центром празднования являлся возрожденный памятник графу Муравьеву-Амурскому в Хабаровске. А главным подарком стало изданное репринтным способом сочинение И.П. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» в двух книгах. Созданный М.С. Волконским и его соратниками в конце XIX века твердый фундамент увековечивания памяти графа Н.Н. Муравьева-Амурского продолжает укрепляться и в XXI веке.

Источники и примечания

1. Муравьев-Амурский. Возвращение на пьедестал. Авторы-составители – М.Ф. Бурилова, А.К. Дмитриева. – Хабаровск. – 1996.

2. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи 1801–1906. Биобиблиографический справочник. – СПб.– 2007. – С.145.

3. См.: Большая Российская энциклопедия. Т.5. С.638–639.

4. Записки княгини М.Н. Волконской. – Чита. – 1960. – С. 112.

5. Князь Волконский // Всемирная иллюстрация . -№ 1238. 1892. С. 290.

6. Дубинина Н.И. Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские. – Хабаровск. – 2014. С. 146.

7. Анучин Д.Г. Памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровке. // Русская старина. Март 1892. С. 720.

8. Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Репр. изд. Кн.1. Хабаровск. 2008. С. 4–5

9. Анучин Д. С. 737.

10. Там же. С. 724.

11. Там же. С.728.

12. Аршин равен 0,71 метра.

13. Анучин Д. Г. … С. 729.

14. Там же. С. 735.

15. ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 686. Л. 1.

16. Там же. Л. 3.

17. Высота постамента памятника вместе со скульптурой составляет 16 м 38 см. Высота скульптуры – 5 м – Муравьев-Амурский. Возвращение на пьедестал… С.11

18. Анучин Д.Г. С. 39.

19. ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 686. Л. 1.

20. Там же. Д. 625. Л. 3.

Летопись

«Ты далеко...»

Письма с фронта

Любовь КРИВЧЕНКО

Для многих людей преклонного возраста война осталась незабываемым временем юности, молодости, о котором хочется вспоминать. И хотя о Великой Отечественной войне написаны книги, сняты фильмы, опубликованы исторические исследования, тема ее неисчерпаема. Государственный архив Хабаровского края в течение многих лет собирает документы участников Великой Отечественной войны. Архивисты благодарны тем бывшим воинам и их родным, которые согласились передать дорогие для них документы в наследство не только своим внукам, но и будущим поколениям. Таких документов набралась целая коллекция, и самые интересные среди них, пожалуй, фронтовые письма.

Каждое письмо с фронта волнует, потому что в нем атмосфера военного времени, отражение эпохи. Порой очень незначительные мелочи военного периода сообщают о войне гораздо больше, чем подробное описание сражений. Война, разлука с домом, семьей, любимой до предела обостряют чувства человека, пробуждают необычайную нежность, о существовании которой он, возможно, и не подозревал. А уж радость от полученного письма или подарка, присланного на фронт, даже выразить трудно! Вот письмо красноармейца-артиллериста Громова хабаровчанке В.И. Горешиной, напечатанное в газете «Тихоокеанская звезда» 7 июня 1942 года.

*Добрый день, глубокоуважаемая В.И. Горешина! С приветом к Вам боец действующей армии Громов Тарас Григорьевич. Воюю, начиная с 24 июня 1941 года. Ранее жил в Ленинграде. Тов. Горешина, я душевно благодарю Вас за посылку. Дело не в том, что нам чего-нибудь не хватает. Нет, в нашей армии хватает всего. Но нам интересно и трогательно, что Вы помните о свих братьях, сражающихся с немецкой нечистью. Когда нашим бойцам вручили ваши подарки, я был занят. Варил обед. Но мне принесли и вручили Ваш пакет. Вы не можете представить себе мою радость! В Вашем пакете были такие вещи: кисет, два носовых платка, два зеркальца, четыре карандаша, мундштук, кусок мыла, рыба, конфеты, пряники, кусок сыра, книга с названием «Китобои». За все спасибо Вам. Ведь подарок везли сюда Ваши товарищи целый месяц. Как приятно, я не нахожу слов выразить это чувство. Знать, что о нас так заботится трудовой тыл. Клянусь, что не дрогнет моя рука в борьбе с врагом! Приветствую Вас и заверяю: подарок будет оправдан. Внимание Ваше не посрамлю. Иду в бой с подъемом. Отомщу врагу. До свидания. Пишите мне. Адрес на конверте. **

* В письмах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Несколько задушевных слов и скромные подарки способны стереть следы усталости с измученного лица, вселить бодрость и отвагу в сердце бойца. Вот подборка писем от красноармейцев действующей армии из рубрики «Фронт и тыл едины», опубликованных в газете «Тихоокеанская звезда» 3 апреля 1942 года. Они присланы на Дальний Восток из действующей армии. На каждом из них рисунок: боец с автоматом и гранатой в руках идет в наступление. Под рисунком подпись: «Боевой привет, друзья! Мы храбро боремся на боевом фронте. А вы не покладая рук работайте на фронте труда. Общими усилиями ускорим нашу победу над проклятыми фашистами».

Хабаровск, городской комитет ВКП(б). Дорогие товарищи! Мы, красноармейцы, командиры и политработники подразделения, очень благодарим вас за заботу и чуткое отношение к нам. Ваши подарки на фронт радуют и воодушевляют нас. Нет словвыразить вам свою признательность. Скажем одно: мы гоним сейчас фашистов на запад, и будем гнать и уничтожать до тех пор, пока ни одного фашистского головореза не останется на нашей священной земле.

Привет вам, дорогие друзья!

По поручению нашего боевого коллектива: младший политрук Кудря, младшие командиры: Наумов, Перстятько, красноармейцы: Егоров, Гуськов».

«Хабаровск, коллективу сотрудников треста «Хабаровсклес».

Примите наш красноармейский чистосердечный привет!

Сообщаем вам, наши родные воины тыла, что мы, командиры, бойцы и политработники, получили вашу драгоценную посылку. В ней было очень много всяких хороших предметов. И мы были тронуты вашей материнской заботой.

Разрешите еще раз поблагодарить ваш коллектив за заботу о бойцах и командирах, за ваши скромные подарки, и пожелать вам успехов в плодотворной работе на благо нашего социалистического Отечества.

По поручению бойцов – младший лейтенант Кранчаников.

А как приятно получить ответные письма от друзей сына с фронта, знать, что он пример для подражания. Вот одно из таких писем, напечатанных в газете «Красный маяк» 23 апреля 1944 года.

Родителям с фронта.

Многоуважаемый Василий Парфирьевич и Марфа Андреевна!

Мы – гвардейцы-артиллеристы подразделения гвардии старшего лейтенанта Балбородина, восхищены подвигами на полях боя, которые совершает ваш сын Яков Васильевич Хоменко.

За период Отечественной войны, в тяжелых боях, Яков вырос в настоящего русского советского воина, воспитал в себе неукротимое чувство любви к родине, ненависти к врагу и презрения к смерти.

Работая наводчиком, под ураганным огнем пушек, минометов и пулеметов противника, Яков Хоменко мужественно и неустрашимо стоит на своем боевом посту. Он со своими товарищами уничтожил два дзота, два станковых пулемета, до 20 солдат и офицеров противника. Но жажда мести за разоренные советские города и села не угасает. Только вчера Яков уничтожил два станковых пулемета и несколько солдат и офицеров врага.

Для нас, гвардейцев-артиллеристов, пример вашего сына является показательным. Мы все стремимся воевать так, как он.

Гордитесь, законно гордитесь своим сыном. Родина высоко оценила его боевые заслуги и наградила медалью «За отвагу».

Передайте колхозникам вашей артели, что советские войны точно выполнят приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина об очищении всей советской земли от немецко-фашистских захватчиков. Желаем Вам успехов в вашем самоотверженном труде на помощь фронту!

По поручению личного состава части: Луцевич, Мороз, Борисов.

Фронтовые письма написаны на листочках бумаги, свернутых треугольничками, на открытках и на типовых прямоугольниках, запечатанных в конвертах. На каждом из них стоит печать с надписью «Проверено военной цензурой» и штамп полевой почты.

Слово привета было дорого на фронте, помогало преодолеть трудности военной жизни. Бойцу важно знать, что его ждут дома, любят. Общие чувства воинов хорошо выразил Николай Шалый в стихотворении, напечатанном в газете «Сталинский Комсомольск» за 22 августа 1943 года:

…Хоть я не каждый день тоскую,
Но без тебя, как без огня:
Как в дальнем рейде без махорки,
Без спичек в яростной пурге,
В тылу врага без хлебной корки,
Без компаса в глухой тайге…

Лучше всего понять фронтовиков помогают их письма порой скупые на эмоции, но за каждым словом чувствуется боль переживаний за оставленных близких и родных, поэтому нельзя обойти вниманием фронтовые письма Героя Советского Союза **Владимира Георгиевича Кочнева**, написанные им зимой 1942 года. Владимир Георгиевич Кочнев родился в 1915 году в Иркутской области, в семье железнодорожника. Окончил школу гражданского воздушного флота. Во время войны служил в авиации дальнего действия. Совершил 197 боевых вылетов с целью бомбардировки стратегических объектов врага.

30 января 1942 года

Дорогая Леля!

Пишу тебе письмо через три дня, а ты все на меня обижаешься. Сегодня получил два письма: одно от тебя и одно

КОРМИЧ Алексей Михайлович

В 1940 году со второго курса Харьковского авиационного института призван в армию. Служил в г. Севастополе, где и застала его война. Прошел всю войну. День Победы встретил в Чехословакии. Участвовал в Параде Победы в Москве. Награжден двумя орденами Красной Звезды и пятнадцатью медалями

Бойцы 160-го отдельного гвардейского батальона связи 117-й гвардейской стрелковой дивизии на отдыхе. 1945 год. Фото А.М. Кормича

Давай закурим. Фото А.М. Кормича

от Вали. И вот сразу вам обеим пишу ответ. Тебя, Леля, через три месяца ожидаю в Москве, поэтому работайте хорошо, чтобы завоевать первое место. Сейчас, Леля, ты уже в Хабаровске, то есть дома, а как хорошо, верно.

Твой гвардеец Вовка.

21 декабря 1942 года:

Здравствуй, родная Леля!

В эти дни, когда приближается Новый 1943 год, ощутимее чувствуешь тоску по дому, по родным, знакомым и друзьям… Давай припомним сегодня, родная, наше хорошее, веселое, жизнерадостное прожитое время и наши годовщины Нового года. Мне особенно памятен Новый год… Прошу, припомни? Бесконечные звуки телефона Иван Ивановича и прочих наших друзей, с которыми мы по телефону поднимали бокалы, чокались и выпивали за Новый 1941 год. А помнишь Первомай, нашу свадьбу, наших веселых гостей, нашу хорошую и умную собаку овчарку, которую некоторые, чересчур опьяневшие гости, целовали, и из-за которой произошел небольшой шум…

Потом началась война, жизнь сразу изменилась. Люди приобрели серьезный вид, разъехались, кто на фронт, кто на наши дальневосточные границы, кто на оборонные заводы, в общем, все нашли свое деловое применение.

Я вот попал на фронт и громлю врага со всей русской яростью. Вчера меня перед боевым полетом приняли в партию, и я в ответ на это, за ту ночь сделал три вылета. Результаты нашей работы за эту ночь - целые сутки горит логово врага, мало что горит, но горит и рвется, следовательно, пакости поднаделали…

Окончится война, мы встретимся, соберемся за домашним столом. Все также нам будет весело и приятно.

–Ты где был зимой 1942–1943 гг.? – спросят одного из нас.

– Я громил врага с воздуха.

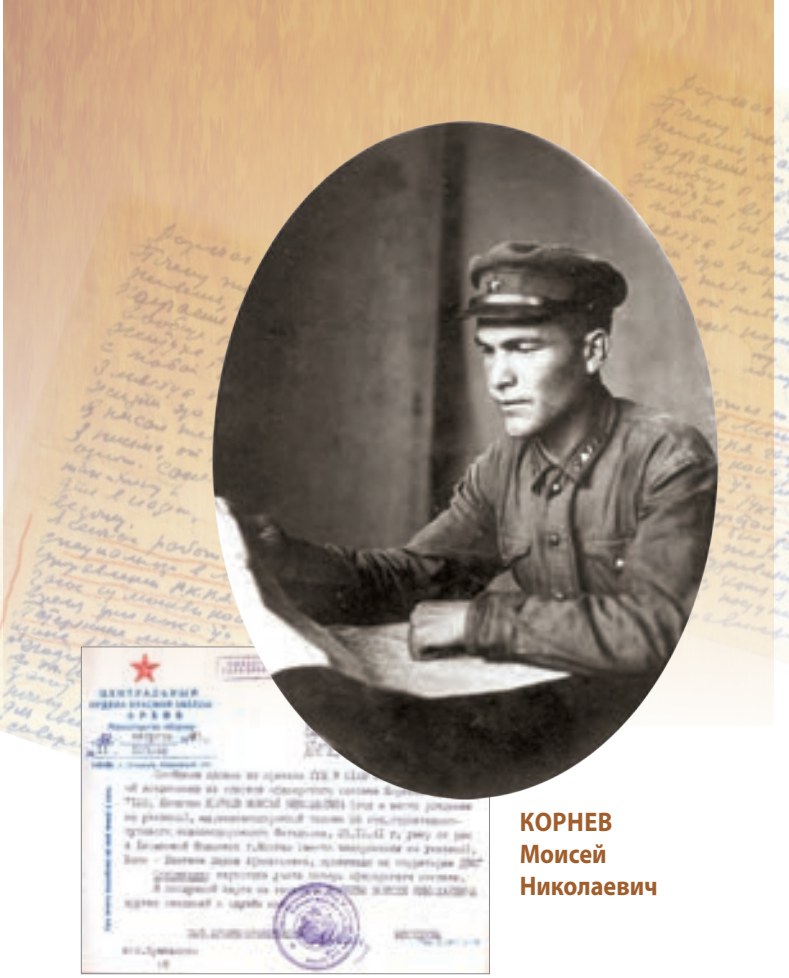
–Я громил на земле.

– Я готовил продукцию фронту в глубоком тылу…

Так чокнемся же по-братски – молодо и весело. Будет время!

За Родину! За светлую и счастливую нашу жизнь, летим мы сегодня в бой. Будь же здорова, родная! Крепко жму твою руку, обнимаю, целую.

Твой Владимир.



КОРНЕВ Моисей Николаевич

7 сентября 1941 года

Здравствуй, уважаемая Лида!

Дети Валя и Люда!

Я как только приехал в Калугу, пишу уже Вам четвертое письмо, а от тебя, Лида, так не получил ни одного. Если ты, Лида, стараешься знать о моем здоровье, то это хорошо и мне весьма приятно. Но знай, что меня не в меньшей степени интересуют твоя жизнь, твое здоровье и здоровье детей.

Лида, я не знаю, как долго будем жить в Калуге, но ты с получением пиши мне, теперь адрес у нас установлен: где бы я ни был, по этому адресу я всегда получу.

Лида, в предыдущем письме я тебе описал все, что можно описать. У меня, Лида, одна к тебе будет просьба: береги детей. Ну, о баталии написать нечего. Целуй детей за меня Валю и Люду. Привет всем родным и знакомым. Остаюсь здоров. Целую нежно тебя. Жди меня. Адрес мой: полевая почта 246. Корнев. До скорого свидания.

11 сентября 1941 года

Здравствуй друг-жена Лида!

Здравствуйте дорогие мои дети, Валя и Люда!

Лида, благодарю тебя за то, что регулярно даешь

После 21 декабря 1942 года

Ты, Леля, не представляешь, как я зол на этих головорезов, особенно на их прожектора. Когда лечу, и появляются эти прожектора, то у меня кровь в груди кипит, как в хорошем паровом котле, поэтому ты можешь определить мою ненависть к этим разбойникам. Ты не думай, что у меня кровь кипит от страха, нет, страшного ничего нет. Стреляют они много, но стреляют нечетко, только патроны зря расходуют. Сегодня к несчастью плохая погода, сидим дома…

Опять вспомнилась мне наша уютная, приятная комната. Да что вспоминать… Вот после всего этого хорошего, разве не будешь зол на этих разбойников, которые сами не хотят жить хорошо и нарушили нашу цветущую, хорошую жизнь, а потому мы, цветущая молодежь, должны отомстить за все, и ничего нас не остановит: ни прожектора, ни интенсивный зенитный обстрел, ничто. Всех мы их покалечим, сумеем остаться живыми - заставим их строить то, что они разрушили.

Весной 1944 года Владимир Георгиевич Кочнев погиб при выполнении боевого задания. В Хабаровске его именем названа одна из улиц.

Немногословны и очень сдержанны письма **Моисея Николаевича Корнева**, но в каждой строке ощущается тоска по родным и любимым людям. Моисей Николаевич родился в 1911 году в селе Михайловском Амурской области в семье крестьянина. Окончил военную школу связистов-железнодорожников и служил в Приморье. Начало войны встретил в звании капитана на Украине.

ПОЗЕВАЛКИН Николай Михайлович

Родился в 1905 году в с. Оренбургском Бикинского района Хабаровского края. В августе 1942 года ушел на фронт. Воевал под Сталинградом, форсировал реки Днепр и Дунай. Погиб в декабре 1944 года при освобождении венгерского с. Барачка. 24 марта 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза

Почтовые открытки А.П. Дорохова семье. 1943 г.

ДОРОХОВ Александр Петрович

Родился в 1915 году. в казачьем пос. Бикин Бикинского станичного округа. После окончания авиационного военного училища служил на западной границе в г. Дубно. Там и встретил войну. Воевал на Ленинградском фронте. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и орденом Красной Звезды

Флегонтов Алексей Канидьевич

Родился в 1888 году в Нерчинско-Заводском районе Забайкальской области. Был активным участником Гражданской войны на Дальнем Востоке. В годы Великой Отечественной войны возглавил диверсионно-истребительный отряд, действовавший в Белоруссии. Погиб 11 марта 1943 года в неравном бою с фашистами, командуя партизанской бригадой «За Родину». Награжден орденом Красного Знамени, орденом Ленина, именным оружием и медалями

знать о себе, здоровье ребят. Лида, живем мы пока еще в Калуге. Живем на казарменном положении, но очевидно скоро уже тронемся. Жизнь в основном проходит нормально, правда я уже настолько соскучился по тебе, что в письме очень трудно передать. Ну, безусловно, и по своим малым дочерям: Вале и Людмиле.

Что ж можно поделать, этот изверг Гитлер, навязав войну родине, но многие семьи на время разлучил. Придет, Лида, тот час, когда фашизм будет разбит, и мы с тобой встретимся, и заживем своей мирной семьей.

Я, Лида, нисколько не сомневаюсь в том, что ты обо мне и моем здоровье сильно беспокоишься. Я хочу тебя просить, чтобы ты уделяла больше внимания ребятам. Валя, старайся, чтобы лучше занималась. Лида, береги свое и здоровье Вали и Людмилы, как зеницу ока.

Я себе, Лида, не представляю, как бы сейчас вы меня встретили, если бы представилась возможность. Пока это фантазия моя, но, тем не менее, горячая и любимая была бы наша встреча.

А Людмила, очевидно, уже стала папу забывать. Ты, Лида, вспомни, как она любила своего папу…

Дорогая дочь Валя, слушай свою родную маму. Учи хорошо уроки, будь послушна к матери. Этим ты будешь помогать оберегать здоровье мамы.

Ну, дорогая Лида, до свидания. До свидания дети, Валя и Людмила. Целую, Лида тебя, мой любимый друг жизни. Целую детей Валю и Люду. Не теряй надежд на встречу. Встретимся, будет время, расцелуемся и снова вместе заживем. Твой муж, Корнев Моисей.

Последнее письмо Моисея Николаевича жене и детям было отправлено в конце сентября 1941 года. В ноябре Моисей Николаевич был тяжело ранен в бою под Москвой у Наро-Фоминска. Умер от ран в московском госпитале…

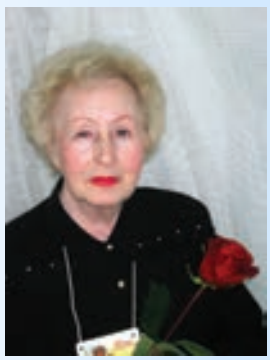
А жизнь идет своим чередом – одно поколение сменяет другое. Строки на пожелтевших бумажных листочках, написанные во время передышки между боями, стираются, но в памяти остаются навечно, и над ними время не властно.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

75 лет КНОТОК

Жизнь и творчество



Лидия Константиновна Хабарова

Матвей Павлович Журавлев

Геннадий Григорьевич Орлов

Варвара ДАНИЛОВА

Когда я в ноябре 1986 года пришла работать в Хабаровский краевой научно-методический центр (КНМЦ) народного творчества и культурно-просветительной работы, я плохо представляла себе, что это за учреждение. Но от одной из выпускниц нашего владивостокского института слышала, что это что-то интересное. Поэтому узнав, что есть возможность попасть в КНМЦ, обрадовалась. Меня приняли на работу в отдел народного творчества.

«Боевым крещением» стало участие в торжественном открытии только что построенного тогда в Хабаровске крытого Центрального рынка. Праздничную программу по этому поводу готовил наш научно-методический центр. Я должна была рано утром собрать по городу самодеятельных артистов, посадить в автобус, привезти на место выступления. Помню, была очень горда сопричастностью к важному для нашего города событию.

Специалисты краевого научно-методического центра занимались развитием народного творчества, художественной самодеятельности, организацией праздников и торжественных мероприятий. Кроме того, была еще масса статистической работы, сбор и анализ материалов, написание справок и т. д. В структуре КНМЦ существовал методический кабинет с собственным книжным и журнальным фондом, нотным материалом и грампластинками. Сотрудники методкабинета осуществляли комплектование домов культуры и клубов края специальной литературой и материалами собственного издания, а также вели

Ансамбль народной музыки и песни «Рождество»

обмен ими с коллегами из других регионов страны. Каждый год, в январе, все заведующие отделами культуры из районов приезжали на отчет в управление культуры Хабаровского крайисполкома. Сдав отчеты, они обязательно приходили в КНМЦ – к специалистам по тому или иному направлению. В отделе культпросветработы были сотрудники, которые ведали организацией дискотек и агитбригад, занимались патриотическим воспитанием и даже какое-то время антирелигиозной пропагандой и борьбой с пьянством. Тогда все учреждения культуры обязаны были работать в соответствии с идеологической линией КПСС.

Меня поражало, как люди, приехавшие из районов, общались с сотрудниками нашего отдела народного творчества, какие у них теплые отношения и насколько специалисты КНМЦ проникались тем, что происходило в крае. Культработники рассказывали им о своих творческих удачах или проблемах. И чувствовалось, как они заряжаются друг от друга мощной энергией. Я поняла, что мы работаем с очень интересными людьми – такие горящие глаза у всех были, так они любили свое дело. К примеру, организовал человек небольшой ансамбль народных инструментов, где чуть ли не на ложках и кастрюлях играют, но уверен, что делает великое дело. И наши специалисты этого энтузиаста поддерживали. Ведь часто великие дела начинаются с малых.

Самодеятельное творчество развивалось по нескольким направлениям – народное и академическое хоровое пение, танцевальное, театральное, декоративно-прикладное. Начальником отдела народного творчества была Лидия Константиновна Хабарова. Очень помогал мне, особенно на первых порах, один из специалистов отдела Геннадий Григорьевич Орлов. Я считаю его своим наставником. Он спокойно и ненавязчиво ввел меня в круг моих обязанностей, познакомил с потрясающими творческими личностями. Начались поездки по краю, знакомства с людьми. Геннадий Григорьевич сотрудничал с музыкальной редакцией Хабаровского краевого радио, из многочисленных командировок привозил магнитофонные записи своих бесед с самодеятельными музыкантами, их выступлений. И меня к этому делу приобщил. Я тоже стала внештатным корреспондентом радиокомитета. Это была хорошая форма пропаганды народного творчества.

Одно из самых сильных впечатлений первого года моей работы в КНМЦ – краевой этап Всесоюзного фестиваля народного творчества. На него собрались очень интересные творческие коллективы. Из Комсомольска-на-Амуре приехали сразу три духовых оркестра. И в Хабаровске тогда были замечательные оркестры – авиаторов, общества слепых, детские. А сколько певческих коллективов! Каждый завод имел Дом культуры, и везде яркие, мощные хоры. Правда, КНМЦ не курировал заводские и другие ведомственные ДК и клубы, это была епархия межсоюзного Дома самодеятельного творчества профсоюзов. А мы в основном занимались развитием творческих коллективов сел и небольших городов типа Вяземского или Николаевска-на-Амуре.

Краевой фестиваль им. А. Заверюхина

Хочется вспомнить настоящих подвижников культуры – талантливых и энергичных руководителей творческих коллективов. Александр Матвеевич Мершиев руководил хором в селе Березовка, был замеча-

Ансамбль «Барыня» на концерте в п. Переяславка. 1994

Фольклорный ансамбль «Горница» Городского дома культуры. Праздник «Рождество Солнца». 1995

тельным гармонистом, писал песни. И сейчас многие хоровые коллективы поют его песни. До сих пор работает в Вяземском районе Константин Федорович Якомаскин. У него был хор в Дормидонтовке. Небольшой, но очень активный, интересный. Потом по семейным обстоятельствам Константин Федорович перебрался в село Забайкальское, создал там казачий хор. Он тоже пишет песни. На весь Дальний Восток, и не только, гремела слава существовавшего на базе КНМЦ ансамбля бального танца «Амурские ритмы» под руководством Марины Матвеевны Деминой. Талантливый хореограф и деятельный человек, она ездила по краю, собирала материалы о танцевальном искусстве коренных народов и создавала на этой основе современные бальные танцы. Ансамбль часто выезжал на всесоюзные конкурсы, одним из первых поехал за границу, как только приподнялся железный занавес. Любимцем хабаровчан, особенно молодых, был Матвей Павлович Журавлев. Он сам и ансамбль народных инструментов, которым он руководил, часто выступали на различных сценических площадках края, да и просто в парках и других местах отдыха хабаровчан. Еще одна яркая личность – Владимир Тимофеевич Солохин, создатель и руководитель ансамбля гармонистов «Лингва». Он был большим пропагандистом этого инструмента, как и Геннадий Григорьевич Орлов, который выискивал, порой в настоящих медвежьих углах, талантливых гармонистов, рассказывал о них в радиопередачах, вытаскивал их на смотры художественной самодеятельности. Геннадий Григорьевич был просто влюблен в этих людей. И во многом благодаря его подвижнической работе на базе Дворца культуры Хабаровского судостроительного завода Анатолий Александрович Заверюхин решил организовать клуб «Играй, гармонь хабаровская». Это содружество гармонистов Хабаровского края существует до сих пор и носит имя Анатолия Заверюхина. Но вклад Геннадия Григорьевича Орлова в создание этого сообщества тоже очень большой.

Ансамбль «Вьюнок» гимназии № 3. Краевая творческая смена «Славянский дом». 1996

Когда я пришла на работу в КНМЦ, в стране началась перестройка. Если до этого на государственно-партийном уровне все делалось для повышения массовости самодеятельного творчества – людей на производстве за это всячески поощряли, а детей так просто загоняли в школьные хоры, то в конце 1980-х специальным постановлением запретили отпускать людей с работы для участия в мероприятиях, связанных с художественной самодеятельностью. Концерты, смотры и фестивали можно было проводить только в выходные дни. И все же наши творческие коллективы как-то ухитрялись даже выезжать за пределы края. При КНМЦ существовал ансамбль «Ладушки», которым руководил Владимир Сиденко. В его составе были Николай Анатольевич Малышкин, который сейчас является музыкальным руководителем ансамбля «Рождество», братья Евгений и Роман Лупатовы, Сергей Нестеров. Они и на Грушинский фестиваль ездили, и в Днях славянской культуры на ВДНХ, и в программе всероссийского телевидения «Шире круг» участвовали. Показали себя там очень хорошо и тем снискали славу Хабаровскому краю.

В 1990 году я сопровождала в поездке на всероссийский конкурс, который проходил в Омске, ансамбль народной песни «Камышинка» из села Камышовка Смидовичского района и хор из Комсомольска-на-Амуре под руководством А. Дрейлинга. Александр Дрейлинг – легендарный человек, настоящий мастер. Члены жюри в Омске были в полном вос-

Оркестр народных инструментов детской музыкальной школы № 1. Краевая творческая смена «Славянский дом». 1996

торге от наших коллективов, наградив их дипломами первой степени. А Дрейлинга признали лучшим хормейстером России.

В 1990-е годы, когда все в стране стало рушиться, и то, что прежде представлялось незыблемым, оказалось шатким и ненадежным, нужно было найти что-то устойчивое, на что можно опереться и двигаться дальше. Мы выбрали одним из главных направлений возрождение и сохранение народных традиций. Уже тогда в КНМЦ имелись большие наработки по традиционной культуре коренных народов края, в Хабаровске организовывались дальневосточные фестивали творчества коренных народов с участием Камчатки, Чукотки, Сахалина, из Приморского края, ЕАО. Большая группа представителей национальных песенных и танцевальных коллективов нашего края объехала пять европейских стран, с успехом представив самобытное искусство коренных народов Приамурья.

«Рождество». Фестиваль «Живая Русь». 1996

Но, к сожалению, традиционное русское творческое наследие оставалось как бы на втором плане. Поэтому было решено создать в КНМЦ Славянский центр, у истоков которого стояли Ирина Арсеньевна Тарасова, Татьяна Ивановна Епанчинцева и Людмила Ивановна Ошуркова. Они много сделали для изучения и возрождения русских традиций. А точнее, внедряли их в жизнь, поскольку мало кто из обживавших наши края переселенцев из западных и центральных регионов страны сохранял древние народные обычаи, впрочем, и культурная политика советского государства это не поощряла. Нам приходилось, по сути, воскрешать из небытия и возвращать людям замечательные славянские традиции. И это было актуально, поскольку организовывать грандиозные конкурсы и фестивали в начале 1990-х годов мы уже не могли – не было средств, люди месяцами зарплату не получали. Поэтому решили проводить народные праздники в селах.

Как у члена Славянского центра у меня была задача – создать группу детей, которые бы внедряли русские народные традиции в среду своих сверстников. Мы с Николаем Анатольевичем Малышкиным пришли в обыкновенный класс хабаровской школы № 11 и вместе с учителем-подвижником Галиной Федоровной Павлющенко начали эту работу с первоклассниками. Первоначально не ставили цель создать ансамбль, просто хотели познакомить маленьких детей с народными традициями. Но в итоге родился ансамбль «Рождество». А немногим раньше в Хабаровске появились замечательные народные ансамбли «Веселка» и «Млада», на которые мы равнялись. Наверное, появлением этих коллективов мы были обязаны, прежде всего, времени.

И что еще интересно: на эти тяжелейшие годы приходится создание двух специализированных творческих смен в загородных оздоровительных лагерях: «Дети Амура. Жизнь и творчество» и «Славянский дом». Они до сих пор существуют. Через них прошло множество детских коллективов, и становление многих из них состоялось именно в «Славянском доме». Там они друг с другом общаются, соревнуются, обмениваются опытом, становятся участниками мастер-классов.

В 1992 году произошла реорганизация – ликвидируется КНМЦ и создается краевое творческое объединение «Культура». В его состав вошли дирекция по организации праздников и фестивалей и отдел по разработке и реализации программ, из которого

«Рождество». Краевая творческая смена «Славянский дом». Переяславка. 1999

позднее вырос мощный научно-аналитический центр. Кстати, первую большую программу по развитию культуры в Хабаровском крае тоже разрабатывал наш отдел. Наши специалисты начали создавать новые программы. К примеру, у меня были такие – «Школа народной культуры» и «Творческая смена «Славянский дом». А потом еще и особая смена «Юный дальневосточник». Право участия в ней получали победители творческих смен «Славянский дом» и «Дети Амура». Тогда ведь в обществе началось резкое расслоение на богатых и бедных. Мы подумали: почему наши ребятишки из обыкновенных, малоимущих семей должны только слушать рассказы своих сверстников о заграничных путешествиях с состоятельными родителями? Почему не дать возможность этим талантливым детям съездить в Китай, показать там свое искусство, соприкоснуться с культурой соседнего народа, отдохнуть, покупаться в море? Да плюс еще лучше узнать историю собственного государства – в программу «Юный дальневосточник» включено посещение бывшей русской крепости Порт-Артур и памятника советским воинам-освободителям северного Китая от японских захватчиков.

Группа участников творческой смены «Славянский дом». Коллективы из Хабаровска и села Богородского. На пограничной заставе района Лазо. 1996

Еще была замечательная программа «Андана». Летом 1995 года детские творческие коллективы коренных народов отправились на теплоходе по Амуру до Николаевска и обратно – с заходом в села, с концертами, выставками декоративно-прикладного творчества, мастер-классами. К сожалению, эта программа, как и некоторые другие, сегодня не существует. Главная причина в том, что не нашлось финансовой поддержки.

В 1999 году КТО «Культура» преобразуется в Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры (КНОТОК), и в нем появился уже не отдел, а центр народного творчества, досуговой деятельности и общественно-культурных связей, который я возглавила. Началось возрождение жанров народного творчества. В это время уже не было межсоюзного Дома самодеятельного творчества профсоюзов и музыкального общества, с которыми мы раньше работали в тесном взаимодействии. Мы стали заниматься сохранением и развитием творческих коллективов, без учета ведомственной принадлежности учреждений культуры, на базе которых они работали. КНОТОК становится мощным средоточием всей культурной жизни Хабаровского края.

Главные задачи Дома народного творчества, преемника Центра народного творчества, остаются прежними – сохранение и развитие народной культуры. В поле зрения наших специалистов песенное, театральное, танцевальное, декоративно-прикладное самодеятельное искусство. Одно из важнейших направлений – работа с народами, населяющими Хабаровский край, сохранение и развитие их традиций. Этому посвящены дни национальных культур, традиционные народные праздники и фестивали, где показывают свою культуру евреи, немцы, украинцы, татары, многие другие диаспоры. Взаимодействие с национально-культурными объединениями началось еще с 1990-х годов, когда к нам пришла Елена Карасева, руководитель хора общества украинской культуры «Зеленый клин». Потом наши специалисты Валерий Яковлевич Лебединский и

Всероссийский фольклорный конкурс «Казачий круг»

Город мастеров краевой творческой смены «Славянский дом». 2014

Раиса Георгиевна Байкова смогли объединить вокруг КТО «Культура» создававшиеся в Хабаровске один за другим национальные центры. Тогда родились дни национальной кухни, потом праздники национальной моды и кухни, потом большой фестиваль «Лики наследия». Стали организовываться советы, которые со временем переросли в Международную ассоциацию национальных культур Хабаровского края.

Иногда приходится слышать мнение, что самодеятельное творчество в нашей стране угасает, база подорвана, закрываются многие дома и дворцы культуры вслед за предприятиями, которым они принадлежали. Да и особой потребности в творческом самовыражении люди уже не испытывают, предпочитая самовыражаться виртуально – в социальных сетях. Но мне представляется, «время разбрасывать камни» закончилось, и мы видим, как возрождается материальная база, на которой зиждется народное творчество. А когда получаем заявки со всего края на наши фестивали или приходим на детский конкурс «Тру-ля-ля» и смотрим 130 концертных номеров, у меня не создается впечатление, что потребность в творческом самовыражении исчезает.

Казалось бы, какое-то время не было академических хоров. Но начали проводить фестиваль, и оказалось, что они есть. А сколько за последние годы в крае появилось новых и интересных танцевальных коллективов! Хореография на подъеме – как классика, так и современное направление. Мы проводим Международный фестиваль хореографического искусства стран АТР «Ритмы планеты», конкурс балетмейстеров-постановщиков, фестиваль классического танца «Блестящие дивертисменты». И в Комсомольске-на-Амуре тоже проходят прекрасные хореографические фестивали. Немного отстает народный танец, но я верю, что с приходом молодых талантливых специалистов, таких, например, как руководитель ансамбля «Родничок» Алексей Климов, и народный танец у нас поднимется. Вообще в КНОТОК работают молодые специалисты – хорошая смена.

А к самодеятельному творчеству люди всегда будут душой тянуться. К примеру, селах веками праздновалась Масленица – песни пели, хороводы устраивали, игры… Не было клубов, но находились заводилы. Потом этим стали заниматься профессионалы – работники культуры. Как будет дальше, трудно сказать, но творчество останется непременно. Потому что это заложено в человеке с рождения.

Фото из архива КНОТОК

75 лет КНОТОК

Ирина Тарасова. Первый краевой фольклорный фестиваль «Хозяйка русской гостиной» в парке «Динамо»

Амурский славянский дух

Ирина ТАРАСОВА

Моя мама Евдокия Федоровна Тарасова, уроженка села Семиозерки Ивановского района Амурской области, была настоящим носителем народной культуры, которую переняла от бабушки. Мама любила трудиться на земле, рукодельничала: вышивала, вязала, сама шила одежду, была певуньей, умела играть на гитаре и балалайке. От нее я узнала множество народных пословиц и поговорок, записала в тетрадку частушки, которые она распевала с молодости на праздниках и прогулках по деревне. Ведь там царит народная песня.

Закончив режиссерское отделение ХГИИК в 1973 году, я тоже занялась фольклорным искусством, чтобы вернуться к истокам и воссоздать атмосферу национального духа во всем славянском богатстве. К моей радости, в КНМЦ пришла однокурсница по ХГИИК Татьяна Епанчинцева и воплотила наши общие стремления в целевой комплексной программе «Возрождение – Славянский центр». Она на Всесоюзном конкурсе программ заняла в 1989 году второе место. В ней было и то, что мы уже активно реализовывали, и то, что еще предстояло сделать. А главное, мы глубоко осознали правоту Максима Горького, который назвал народ «единственным и неиссякаемым источником ценностей духовных, первым во времени, красоте и гениальности творчества философом и поэтом».

Основных направлений деятельности было пять. Это работа по координации государственных и общественных организаций, творческих союзов, фольклористов в области развития традиционной культуры, связи с центрами славянской культуры, создание экспериментальных групп и творческих коллективов, социально-культурные мероприятия, подготовка и публикация научно-методической литературы. Мы быстро нашли единомышленников, помогавших впоследствии реализовать программу «Возрождение – Славянский центр». Учитель начальных классов 11-й школы Хабаровска Галина Федоровна Павлюченко пошла на эксперимент по созданию на базе ее первого класса «Школы народной культуры». Дети, занимавшиеся у нее, впоследствии участвовали в ансамбле «Рождество», поступили в ХГИИК по специальности «Режиссер обрядового театра», стали нашими коллегами. Художники В.П. Дроздов, П. Трач, В.И. Фомин организовали тематиче-

Эскиз оформления русской горницы в «Русском доме». Художник В.П. Дроздов.
Эскизы костюмов героев театрализованного представления «Прощеное воскресенье». Художник С. Литвищенко

Театрализованное шествие на празднике «Купальские игрища». 1991

Ансамбль «Ладушки». 1980-е

ские выставки на социально-культурных событиях, поддерживали и вдохновляли во всех начинаниях. Преподаватели отделения НХИ ХГИИК, профессор Хабаровского педагогического института С.И. Красноштанов, хореографы и специалисты КНМЦ наладили активный учебно-педагогический процесс в «Школе народной культуры» и на семинарах-практикумах.

Главными мероприятиями в реализации программы оставались народные праздники. В их организацию и проведение включились руководители Амурского, Бикинского, Хабаровского, Николаевского, Советско-Гаванского районов Хабаровского края. Не остались в стороне их коллеги из Еврейской автономной области – Смидовичского и Ленинского районов, села Октябрьского. Конечно, основные мероприятия Славянского центра проходили в Хабаровске и Биробиджане. С нами дружно и слаженно работали сотрудники, образовавшие творческое объединение «Молодежный досуг». Его директором был А. Вербицкий, а участвовали М. Меркурьев, С. Ярошенко и М. Ференцев.

Многое происходило впервые. Дни славянской культуры и письменности, краевой открытый фестиваль традиционного казачьего творчества, дни городов Амурска, Хабаровска, Биробиджана, Советской Гавани и других, а также народные календарные праздники Рождества, Масленицы, Троицы, Ивана Купала, Рождественские и Покровские посиделки, Большой Рождественский бал в Хабаровске. В этих событиях участвовали студенты института культуры, учащиеся школ, центров внешкольной работы, артисты профессиональных театров, фольклорные ансамбли и ансамбли народных песен, музыки и танца. Двери Славянского центра всегда открыты для людей, жаждущих поделиться знаниями и уникальными предметами старины. К нам несли уцелевшую в семьях утварь, костюмы, хранимые в память о прадедах, и все эти ценные предметы мы передали в Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова.

Из практической деятельности по возрождению народной культуры славян и вживлению ее в современность удалось создать Хабаровский региональный культурно-просветительный центр «Играй, гармонь дальневосточная!», директором которого выбрали Анатолия Завирюхина. Мастерскую народного декоративно-прикладного искусства и творческую лабораторию «Народный костюм» выпестовали в трудные девяностые Татьяна Анатольевна Григорьева и Олег Владимирович Плетнев. Мастера изготавливали реквизит и костюмы для праздников и театрализованных представлений. Теперь это отдел традиционной культуры Дома народного творчества КНОТОК. Творческая группа по созданию интерьера «Русского дома» работала интенсивно. Эскизы, созданные народным художником В.П. Дроздовым, шторы для оформления окон сегодня служат реквизитом, так как в этом доме размещается диагностический центр «Вивея». Экспериментальную лабораторию пиротехники (ныне пиротехническая студия «Эффект»), основанную Анатолием Светоносовым, продолжают совершенствовать А.И. Богатырев и В. Катанаев. Без них не обходится ни одно праздничное событие в крае.

Не могу не сказать о своем любимом детище – народном фольклорно-обрядовом театре Краевого научно-методического центра народного творчества и культпросветработы, созданного в 1991 году. Его основная цель заключалась в том, чтобы формировать и удовлетворять потребности населения и зарубежных гостей Хабаровского края в приобщении к народной культуре славян, зна-

комить с обрядами и праздниками, сохранять традиции предков. Утвержденное начальником управления культуры А.Н. Бочарниковым положение и устав позволили мне стать художественным руководителем и режиссером театра. Хормейстером была замечательный педагог кафедры НХИ Елена Красненькая (Алешко), сейчас живущая на Сахалине и не прерывающая с нами контактов, аккомпаниатором – Н.А. Малышкин. В репертуар театра вошли постановки «Покровские посиделки», «Рождественские посиделки», «Обрядовые гадания на Троицу», «Троицын день», «Русская гостиная на Святках», представление «Святочные чудеса», «Круглый год», «Сундук со сказками» и другие. На их основе совместно со старшим редактором редакции музыкальных программ Натальей Семеновной Пошиной создавались телевизионные передачи о народной обрядовой культуре. Вокруг Славянского центра стали собираться инициативные группы по созданию национальных центров – белорусского, украинского, еврейского, немецкого, нанайского. Сейчас создана Ассоциация национальных центров, насчитывающая 34 объединения.

Дело традиционной народной культуры продолжают сотрудники Дома народного творчества КНОТОК, извлекая из недр золотые крупицы культурных ценностей. Наша работа в Славянском центре оказалась бы напрасной, если бы сокровища народной культуры не сохранялись по сей день.

Праздник «Широкая Масленица – мы тобою хвалимся!»

Фольклорный ансамбль «Небывальщина». 1994

Фестиваль «Традиции живая нить». Впервые у космомольчан. 2004

В книге поэта и прозаика Юрия Кашука «Месяцеслов» есть созвучные этому строки:

Наш язык, он не всякому мил.
Но известно тысячу лет,
Что по-русски
Вселенная – мир
И по-русски
Вселенная – свет.
Так решила природа сама,
Чтоб и слово совпало, и суть.
Мир и свет –
Не война и не тьма –
Это русский для мира путь!

Фото из архива КНОТОК

Пока жива традиция

Надежда КИМОНКО

Для развития и сохранения традиционной культуры коренных народов Хабаровского края очень многое сделали Андрей Александрович Пассар, Марина Матвеевна Демина, Клавдия Павловна Белобородова, которые работали в краевом Доме народного творчества в 1950–1960-е годы. Эстафету их дел продолжили Тамара Ивановна Попова, Наталья Викторовна Примакова, Лидия Константиновна Хабарова, Валентина Григорьевна Сохатова и другие сотрудники Краевого научно-методического центра (КНМЦ) народного творчества и культурно-просветительской работы, созданного в 1980 году на основе слияния краевого Дома народного творчества и Краевого методического кабинета. Эта преемственность сохранилась до наших дней.

Е.А. Киле, Р.Г. Баранова, Н.Е. Кимонко на районном фестивале нанайской культуры «Ачамбори», село Троицкое. 1997

Римма Ивановна Зверева (справа)– автор программы «Дети Севера: жизнь и творчество». 1990

Народный фольклорный песенно-танцевальный аансамбль «Гива», село Булава Ульчского района, на краевом фестивале. 1982

Образцовый фольклорный ансамбль «Тасима», поселок Ачан Амурского района, на зональном фестивале народного творчества Дальнего Востока. 1987

Народный фольклорный ансамбль «Эри» Николаевского района и народный фольклорный ансамбль «Сиун», село Ачан Амурского района, на Всесоюзном фестивале народного творчества. Москва. 1988

Клавдия Павловна Белобородова

Мастерицы из села Джари Н.П. Пассар и ее дочь Анна 1950. Фото из фонда ДВГНБ

Урус Кириллович Гейкер, село Джари Нанайского района, на Втором краевом фольклорном фестивале в Хабаровске. 1972

Я пришла в КНМЦ на должность младшего научного сотрудника отдела народного творчества в 1990 году. Самым первым и ответственным моим поручением стало сопровождение большой делегации Хабаровского края во Владивосток для участия во Всероссийской творческой смене «Дети Севера: жизнь и творчество», проходившей под эгидой Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск) и Государственного Дома народного творчества СССР (Москва). Это была настоящая школа традиционной культуры и народной дипломатии. Мы знакомились с традициями и обрядами других народов России, участвовали в мастер-классах по национальной хореографии, декоративно-прикладному искусству. Тогда завязались творческие контакты, мы обменивались опытом с руководителями творческих коллективов из Алтая, Тувы, Бурятии, Читинской области, Камчатской области.

Особо запомнился фольклорный праздник «Встреча сородичей», который мы провели в национальном селе Гвасюги, пригласив к участию творческие коллективы из Приморского края. Режиссером этого уникального действа стала Л.К. Хабарова. Тогда еще были живы непосредственные носители фольклора, они исполняли старинные удэгейские песни, показали ритуальный танец гонгой, обряд «Посвящение в охотники» и многое другое. У таких фольклорных праздников помимо эстетической есть и этическая функция: они закрепляют в сознании участников и гостей интерес к истории народа, уважительное отношение к природе, к людям старшего поколения.

В 1992 году мы с Т.И. Поповой и Л.К. Хабаровой по примеру идейного вдохновителя смены «Дети Севера: жизнь и творчество» профессора Международной Славянской академии Риммы Петровны Зверевой из Новосибирска организовали и провели на базе детского загородного оздоровительного лагеря «Океан» первую краевую творческую смену «Дети Амура: жизнь и творчество». Эта специализированная смена – первая ступенька для ребят в постижении своей культуры. Жизнь в смене насыщенная: национальные игрища, конкурсы мэргенов и амурской Пудин, фестивали, праздники, творческие лаборатории и даже детские научно-практические конференции по национальному фольклору. Детвора учится работать с берестой, резать по дереву, постигает премудрости национальной кухни, изучает традиции и обряды. Но, к сожалению, пришлось им это по душе не сразу. Поначалу нам было нелегко уговорить детей даже просто надеть национальные халаты, взять в руки бубен… Они стеснялись, боялись, что их засмеют сверстники.

Наряду с развитием в детях творческого начала мы не забывали об их оздоровлении, для чего вышли с соответствующим предложением к руководству Хабаровского медицинского института. В тяжелые 1990-е ребятишки в своих семьях явно недоедали, и мы старались обеспечить им усиленное, богатое витаминами питание. Многие сельские дети впервые в лагере попробовали апельсины, киви.

К счастью, трудные времена остались позади. Смена «Дети Амура: жизнь и творчество» существует уже 22 года. За это время в ней побывало около 5 000 участников фольклорных, песенно-танцевальных, хореографических коллективов, студий декоративно-прикладного и изобразительного искусства, секций по национальным видам спорта из Хабаровского края, Амурской области, Республики Саха (Якутия). Многие дети, которые были участниками этих смен, получили и получают профессиональное образование в Хабаровском государственном институте искусств и культуры и Биробиджанском областном колледже культуры, а некоторые уже работают в качестве руководителей творческих коллективов. Будучи депутатом Государственной думы, этнограф-фольклорист Евдокия Александровна Гаер в одном из своих выступлений сказала: «То, что вы делаете для детей Хабаровского края – это самое гуманное. Кружки творчества по искусству наших народов Амура – дорогие семена, которые взойдут обязательно».

Одним из основных направлений деятельности отдела народного творчества при КМНЦ стало сохранение фольклорно-обрядовой культуры коренных народов Хабаровского края. В национальном селе Булава с помощью руководителей творческих коллективов Мадо Дечули и Надежды Дуван мы восстановили свадебный обряд ульчей гемата. На празднике показали гостям ритуалы пансигдаву (как просили руки невесты), торива буву (вручение калыма), мирендювами гадюти (как невесту увозили в дом жениха), тую (угощение), провели соревнования по национальным видам спорта, организовали выступления творческих коллективов и солистов, выставку-ярмарку изделий ульчского декоративно-прикладного искусства.

Поскольку работа в сфере декоративно-прикладного творчества стала для меня делом новым, я часто ездила в гости к известному искусствоведу Клавдии Павловне Белобородовой. Она подсказывала, как работать с народными мастерами, организовывать и проводить выставки. Ее ценные советы очень пригодились, когда в 1991 году в национальном селе Дада Нанайского района при поддержке искусствоведа Татьяны Васильевны Лементович и библиографа Татьяны Васильевны Кирпиченко удалось организовать и провести мой первый краевой семинар-практикум для мастеров декоративно-прикладного искусства, который получился интересным и познавательным.

В 1993 году создано Краевое творческое объединение «Культура», из отдела народного творчества нас перевели в отдел разработки и внедрения программ. Работа была новой, трудной, но интересной. Мы учились разрабатывать программы и писать проектные заявки для участия в грантовых конкурсах. Одним из первых получил финансирование из федерального бюджета наш проект «Краевой культурно-просветительский центр «Сэнкурэ» с филиалами в местах компактного проживания этносов Приамурья». Его главная цель – сохранение и развитие декоративно-прикладного искусства и народных художественных ремесел, поддержка детских творческих коллективов. Благодаря реализации проекта в селах Комсомольского, Ульчского, Николаевского, Нанайского, Амурского районов, района им. Лазо стали создаваться национальные культурные

Творческая смена «Дети Севера: жизнь и творчество». Всероссийский центр «Океан». 1990

Амурская Пудин – Марина Александровна Эльтун (в центре) – на краевом фестивале традиционной культуры, село Нижние Халбы. 1990

Эпизод свадебного обряда гемата, село Нижние Халбы Комсомольского района. 1996

Датеярка Семеновна Бельды, село Джари. 1976

Нина Константиновна Ходжер – мастер декоративно-прикладного искусства, село Булава Ульчского района, на краевом фестивале

Любовь Федоровна Самар, постоянный участник краевых фестивалей, семинаров, практикумов по декоративно-прикладному искусству. 1993

Андрей Александрович Пассар. 1990

центры. Для их оснащения приобретались швейные машинки, фотоаппараты, видеокамеры, материалы для кружков декоративно-прикладного искусства, Это был настоящий подарок для наших земляков. Сейчас в крае уже шестнадцать национальных культурных центров, и все они активно участвуют в различных фестивалях и конкурсах, пропагандируют и поддерживают традиционную культуру коренных народов Приамурья.

В 1994 году мы провели в Хабаровске первый межрегиональный семинар-практикум для мастеров декоративно-прикладного искусства «Бисер Севера» с участием искусствоведов Государственного Дома народного творчества министерства культуры РФ. В семинаре участвовали мастера Алтая, Иркутской, Читинской, Магаданской, Сахалинской, Амурской областей, Приморского, Хабаровского, Камчатского краев, республик Саха (Якутия) и Бурятия.

Мне приходилось часто выезжать в районы Хабаровского края для сбора фольклорного материала вместе с корейскими, канадскими, японскими, американскими, французскими учеными-исследователями. Знакомила их с Ниной Константиновной и Татьяной Константиновной Ходжер, Ириной Ивановной Кялундзюга, Анной Денчеувной Кимонко, Ларисой Ганзулиевной Бельды, Анной Петровной Ходжер и другими известными в крае мастерами народного творчества. Довелось помогать в организации киносъемок работникам Дальневосточной студии кинохроники. Выпущены документальные фильмы о творчестве певца Кола Бельды, о народном мастере Николае У, фильм «Корни неба» с участием удэгейской сказительницы Валентины Тунсяновны Кялундзюга. Ну и, конечно, нельзя не вспомнить краевой фестиваль культуры коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края, который проходил в форме круиза на теплоходе с остановками в приамурских городах и селах.

Вторым проектом, профинансированным по линии Госкомсевера РФ, стал межрегиональный фестиваль детского творчества «Андана» («Друзья»), который также проводился в форме круиза на теплоходе по маршруту Хабаровск – Троицкое – Амурск – Комсомольск-на-Амуре – Нижние Халбы – Булава – Богородское – Николаевск-на-Амуре. Кроме детских творческих коллективов в фестивале участвовали мастера декоративно-прикладного искусства и профессиональный кукольный театр. В отдаленных районах юные артисты давали концерты, проходила передвижная выставка произведений народных мастеров, членов Хабаровского отделения Союза художников СССР из фонда Дальневосточного художественного музея. Зрители театрализованного представления «Песни Мангбо» в исполнении участников фестиваля «Андана» высоко оценили самобытное искусство коренных народов. Немалая заслуга в этом принадлежит моей коллеге, режиссеру-постановщику КТО «Культура» Татьяне Ивановне Епанчинцевой.

В 1995 году по линии Смитсоновского института (Вашингтон) совместно с Антониной Сергеевной Киле, Валентином Лукичом Самаром, Валентиной Сидоровой-Дятала были написаны статьи об искусстве коренных народов Хабаровского края для каталога выставки, посвященной коренным народам Дальнего Востока и Аляски «Перекрестки континентов». Ее презентация проходила в краеведческом музее им. Н.И. Гродекова. В 1996 году в Хабаровске при поддержке министерства культуры РФ с успехом прошел Всероссийский фестиваль детского творчества «Вслед за солнцем», его участниками стали более 200 человек из Чукотского автономного округа, Магаданской, Сахалинской, Амурской областей, Камчатского, Хабаровского, Приморского краев, Республики Саха (Якутии).

В 1997 году совместно с Российско-американским центром (ДВГУПС) мы провели международный семинар для мастеров декоративно-прикладного искусства, на котором ведущие специалисты Совета развития Арктики из г. Бэрроу (США) давали рекомендации и устраивали тренинги по ведению бизнеса в направлении «Народные художественные промыслы». Всем участникам семинара были выданы сертификаты международного образца. А семерых из них, чьи бизнес-планы признали лучшими, поощрили поездкой в Анкоридж, где они познакомились с творческими работами коренных народов Америки, с индейскими корпорациями, встречались с сотрудниками департамента экономики Аляски.

В 1998 году по приглашению Международного фонда национальных культур из Ванкувера мы с Валентиной Тунсяновной Кялундзюга участвовали в Седьмом международном фестивале сказителей, который проходил в Канаде, и постарались как можно полнее представить творчество малочисленного этноса – удэгейцев. На фестиваль привезли не только сказки, песни, танцы, но и творения рук удэгейских мастериц. Специалисты из этнографического музея Торонто высоко оценили их творчество. Разглядывая вышитый орнамент, они долго не могли поверить, что это ручная работа. Итогом нашего участия в этом фестивале стала выпущенная в Канаде при поддержке Международного фонда книга «Удэгейские сказки» на русском и английском языках. Позднее министерство природных ресурсов правительства Хабаровского края профинансировало ее российское переиздание.

С 1994 года на базе Дома народного творчества, концертного зала Хабаровской краевой филармонии и других культурно-досуговых учреждений Хабаровского края проводятся Дни нанайской, ульчской, удэгейской, эвенской, эвенкийской культур. С начала 2000-х годов проведено немало краевых фестивалей, и наиболее значимым стал краевой фестиваль-эстафета фольклорных и обрядовых праздников «Бубен дружбы». Открытие его первого этапа состоялось в эвенском селе Арка Охотского района в марте 2003 года. Необычайное по своей красоте и энергетике зрелище открылось перед взорами зрителей – гонки на оленьих упряжках, национальные игры, концертная программа творческих коллективов, конкурс национальной кухни и традиционных жилищ. Затем эстафету «Бубна дружбы» принимали в национальных селах Датта, Сикачи-Алян, Гвасюги, Ачан, Кондон, Владимировка и др.

География «Бубна дружбы» расширяется с каждым годом, он собирает гостей из других регионов – из Республики Саха (Якутия), Приморского края, Амурской

Международная творческая лаборатория «Бисер Севера». 1995

На краевой творческой смене «Дети Амура» в детском оздоровительном лагере им. В. Бонивура, поселок Переяславка. 1994

Евдокия Александровна Гаер на краевом смене «Дети Амура». 1998

Участники ансамбля «Тасима» с дирижером Дальневосточного симфонического оркестра И. Дербиловым. Творческая смена «Дети Амура». 2011

Антонина Сергеевна Киле (справа) с участниками Международного фестиваля художественных ремесел коренных народов Севера «Живая нить времен». 2008

области, Китайской Народной Республики. В 2006 году помимо основной программы впервые провели конкурсные показы традиционной и современной одежды с этническими элементами. Сегодня в рамках фестиваля проходят творческие лаборатории, мастер-классы по обрядовой культуре, национальной хореографии. Немаловажно и то, что фестиваль «Бубен дружбы» помогает решать вопросы благоустройства национальных сел, строительства стационарных сценических площадок, ремонта сельских домов культуры, обеспечения творческих коллективов костюмами, реквизитом, музыкальными инструментами.

С 1992 года в крае постоянно проводятся персональные и коллективные выставки мастеров декоративно-прикладного искусства народов Приамурья, конкурсы, мастер-классы, выявляются талантливые художники и мастера декоративно-прикладного творчества, которые затем представляют свои работы не только в России, но и в других странах. В последнее время в крае вырос престиж национальных фольклорных коллективов, о чем свидетельствует повышенное внимание со стороны российских и зарубежных ученых-исследователей, средств массовой информации, растущий интерес со стороны молодежи. С каждым годом в местах компактного проживания коренных народов при сельских домах культуры, национальных культурных центрах создаются все новые и новые фольклорные, песенно-танцевальные, хореографические, вокальные, в том числе семейные ансамбли. Если в 1990-х годах в Хабаровском крае насчитывалось 17 любительских фольклорных песенно-танцевальных коллективов, то в настоящее время их около 50. Звание «Народный» и «Образцовый» имеют ансамбль «Сиун» и его спутник «Тасима» (с. Ачан Амурского района), ансамбль «Гивана», вокальный ансамбль «Нани» (с. Дада Нанайского района), хореографический ансамбль «Кэку» (с. Кондон Солнечного района), фольклорный ансамбль «Илга дярини» и детский ансамбль национального танца «Силакта» (с. Джари Нанайского района), песенно-танцевальный ансамбль «Гива», детский фольклорный ансамбль «Хоста», детский ансамбль национального танца «Диро» (с. Булава Ульчского района), хореографический ансамбль «Сэнкурэ» (Хабаровск).

За последние 25 лет наши творческие коллективы выезжали по приглашениям со своими выступлениями и выставками декоративно-прикладного творчества в Сахалинскую и Амурскую области, в Приморский край, в китайский город Хэйхэ, в республики Саха (Якутия) и Бурятия. В начале 2000-х годов создан отдел по делам коренных народов при администрации Хабаровского края, затем управление по делам коренных малочисленных народов при краевом министерстве природных ресурсов, и это активизировало работу по развитию декоративно-прикладного искусства. Одним из масштабных проектов министерства, который поддержало КНОТОК, стал первый Дальневосточный международный фестиваль художественных ремесел коренных народов «Живая нить времен» (режиссер всех его мероприятий – Александра Николаевна Кортелева). Это была трудная и очень ответственная работа, ведь фестиваль проводится не только для того чтобы продемонстрировать достижения, но и поднять престиж древних ремесел, поддержать мастеров, дать им новый импульс к творчеству.

В ноябре 2013 года в селе Джари, на базе Межпоселенческого центра нанайской культуры впервые проходил краевой конкурс сказителей «Нингман», посвященный 75-й годовщине образования Хабаровского края. Нанайцы, удэгейцы, эвенки из разных уголков Хабаровского края представили космогонические, волшебные, детские, бытовые сказки, легенды и предания народов Приамурья на своем родном языке. Порадовало, что в конкурсе приняли участие народные сказители разного возраста – от 10 лет и старше.

Сегодня все меньше мастеров устного художественного слова. Уходят в прошлое мифы и предания, ушли в мир иной блиставшие 30–40 лет назад народные сказители, хранители легенд и преданий. Организаторы конкурса «Нингман» поставили перед собой задачу возрождения фольклора в живом звучании. Во время проведения творческой лаборатории «Умеем ли мы рассказывать сказки» Антонина Сергеевна Киле, председатель жюри конкурса, обратила внимание собравшихся на интонационные особенности изложения сказки, на технику и культуру речи родного языка. Зрители с большим интересом участвовали в викторине «Жанры устного народного творчества народов Приамурья».

В 2014 году отдел традиционной культуры КНОТОК организовал и провел краевой конкурс на звание «Лучший детский коллектив коренных малочисленных народов Хабаровского края». В итоге компетентное жюри присудило это высокое звание образцовому фольклорному ансамблю «Тасима» из села Ачан Амурского района. Помимо диплома победителя этот творческий коллектив награжден поездкой на международный фольклорный фестиваль «Куновицкое лето», проходивший с 17 по 25 июня 2014 года в г. Куновице Чешской Республики. Ансамбль «Тасима» не только участвовал во всех мероприятиях фестиваля, включая соревнования по бегу на кубок мэра Куновице, но и дал мастер-классы по национальной хореографии, выступил в доме престарелых г. Отроковиц, на сценической площадке площади Масарук, в санатории в Лугачовице, на территории парка в Куновице. По итогам международного фольклорного фестиваля ансамбль «Тасима» отмечен специальным дипломом «За сохранение нанайской культуры». Поездка лучшего детского коллектива коренных малочисленных народов Хабаровского края в Чехию была профинансирована в рамках государственной краевой целевой программы «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае». Участие ансамбля «Тасима» в фестивале способствовало обмену опытом работы творческих коллективов, созданию положительного имиджа Хабаровского края на международном уровне.

Так сохраняется и передается от поколения к поколению традиционная культура коренных народов Приамурья, делая нашу жизнь интересней и богаче.

Фото А. ПОПОВА, В. ТОКАРСКОГО и из архива КНОТОК

Традиции «АМУРСКИХ ВОЛН»

Анна МОРОЗОВА

Международный военно-музыкальный фестиваль «Амурские волны» продолжает традиции, заложенные Международным военно-музыкальным фестивалем «Спасская башня». Масштабное действо, не имеющее аналогов на Дальнем Востоке и в Сибири, прошло в Хабаровске уже в четвертый раз. В этом году «Амурские волны» посвятили 70-летию Победы.

Валерий Халилов – главный военный дирижер Вооруженных сил РФ, заслуженный деятель искусств России, генерал-лейтенант

Как всегда за дирижерским пультом фестиваля его художественный руководитель генерал-лейтенант Валерий Халилов – главный военный дирижер России, заслуженный деятель искусств РФ. Организаторы – Министерство обороны РФ, правительство Хабаровского края и администрация Хабаровска. По традиции главными концертными площадками для военных духовых оркестров стали площадь Славы и спортивно-зрелищный комплекс «Платинум Арена». Один из концертов на площади Славы был организован специально для военнослужащих Восточного военного округа, причем почетное место на трибунах занимали представители всех родов войск. Это стало новой страницей в истории фестиваля.

Расширяя свою географию, «Амурские волны» впервые достигли Комсомольска-на-Амуре, где тоже звучала духовая музыка – в концертных залах и под открытым небом. А финальной точкой, которую хабаровчане всегда ждут с нетерпением, стал традиционный марш-парад военных музыкантов по центральной улице города и большой концерт на Комсомольской площади.

Первый Международный военно-музыкальный фестиваль «Амурские волны» состоялся в Хабаровске в мае 2012 года, пригласив к участию духовые оркестры стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Начинать всегда непросто – организация фестиваля была связана со многими волнениями, но первый опыт оказался успешным: в дальневосточной столице собралось тогда более трехсот военных музыкантов из России, Корейской Народно-Демократической Республики и Японии. Так была заложена новая духовная традиции российского Дальнего Востока, и теперь это неотъемлемая часть его культуры в целом.

Фото Елены КОСТЮЧЕНКО

Территория творчества

Вернисажи «Камчатки»

Игорь СИМОНОВ

Своеобразие Камчатки врезается в память, как первые впечатления детства, заставляя вновь и вновь испытывать восторг, который дарит поездка на полуостров. А поможет памяти фотография. В сентябре прошлого года мы с председателем фотографического общества ЕАО Ефимом Борисовичем Вепринским побывали в гостях у общего друга Александра Терещенко, члена областного фотоклуба «Камчатка».

В безмолвии. Фото В. Рогачева

Первая клубная фотовыставка, июнь 1984 г. Фото А. Терещенко

История клуба началась в 1962 году, когда при Доме народного творчества образовалась любительская киностудия. Там стали собираться люди, способные часами спорить о достоинствах того или иного проявителя и искренне радоваться каждому удачному кадру. Начав, и очень успешно, с кинолюбительства, многие из посетителей позднее занялись фотографированием: Василий Подтабачный, Алексей Черненко, Василий Кардашевский, Сергей Верченко. Потом пришли Юрий Гриценко, Анатолий Алексеенко, фотокорреспондент ТАСС Игорь Вайнштейн. Одним из первых председателей клуба был фотокор газеты «Камчатская правда» Гавриил Гайдукевич. Он стал наставником многих фотолюбителей Камчатки, их профессиональной опорой. В эти годы только в учреждениях культуры области насчитывалось 17 кружков и 3 клуба, объединявшие более двухсот человек. Клуб «Камчатка» оказался лидером любительского движения на полуострове и получил статус областного. Многие его члены стали лауреатами различных творческих фестивалей. Работы В. Кардашевского, Б. Рысева, А. Терещенко, В. Рогачева вошли в экспозицию всесоюзной выставки, а шестерых членов приняли во всероссийский фотоклуб «Кадр».

Старейший фотограф, один из основателей фотоклуба Василий Кардашевский. Фото А. Терещенко

Фото Валерия Востокова

Пещера. Фото Юрия Калинина

За большую работу по развитию фототворчества, активное участие в различных выставках в 1978 году Министерство культуры РСФСР присвоило клубу «Камчатка» звание «Народная фотостудия». В восьмидесятые годы прошлого столетия коллекции фотографий ее членов экспонировались во всем мире - в Болгарии, Югославии, Испании, Италии, на Аляске и т.д. Жители полуострова знакомились на персональных выставках с творчеством В. Бареты, А.Мельникова, В. Рогачева, В. Саврунова и многих других энтузиастов.

Мне довелось познакомиться с удивительно светлым человеком Светланой Листопадовой. По образованию экономист, фотографией занимается с пятого класса. Выйдя на пенсию, целиком отдала себя любимому делу. Сегодня на счету Светланы Николаевны 36 персональных выставок. Ее объектив запечатлел оленеводов и рыбаков Камчатки и, конечно, неповторимую природу края.

На сегодняшний день народная фотостудия «Камчатка» – один из старейших коллективов России. За прошедшие почти 50 лет его члены участвовали в десятках всесоюзных, республиканских и международных фотоконкурсов и фестивалей, посвященных памятным и историческим датам. В 2003 году в рамках федеральной программы «Возрождение» вышел в свет альбом «40 лет творчества», на страницах которого представлены десятки работ членов и гостей клуба. К 45-летию фотоклуба появился очередной альбом «Мы живем на Камчатке».

В 2008 году клуб провел благотворительную акцию, передав 50 фотографий Камчатскому краевому онкологическому диспансеру. Совместно с обществом молодых людей с ограниченными физическими возможностями действует проект «От сердца к сердцу», целью которого является приобщение молодежи к фотолюбительству. Клуб оказывает методическую и консультационную помощь детской фотостудии «Ракурс» при краевом центре технического творчества.

Особым для камчатских энтузиастов стал 2009 год – 170 лет с момента, когда французский химик и изобретатель Луи Дагер получил первое изображение на медной пластине, покрытой серебром.

На открытии фотовыставки

Приобщение. Фото В. Рогачева

Портрет старой эвенки.
Фото Ирины Игумновой

Фото Василия Кардашевского

К этой знаменательной дате совместно с коллективом краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова была подготовлена выставка с названием «Выдержка длиною в 170 лет». Активное участие члены фотоклуба приняли во всероссийской фотовыставке «Салют Победы». Виктор Гуменюк, Владимир Нечаев, Владимир Бондаренко, Николай Чебанов, София Никитина, Ирина Игумнова, Анатолий Пчелинцев награждены дипломами лауреатов выставки. В 2007 году Александр Петров стал победителем конкурса «Пресс-фото России».

В 2011 и 2012 годах «Камчатка» входила в десятку фотоклубов страны с наибольшим рейтингом, получила статус лауреата «Парада стран СНГ», демонстрировала свою клубную коллекцию на Санкт-Петербургской международной фотоярмарке. Многие участники клуба являются членами Союза фотохудожников России.

Старейший фотоклуб страны вступил в шестой десяток своего существования. Люди разных профессий и возраста ощущают себя единой командой, продолжают повышать свой творческий потенциал, вносить вклад в культурную жизнь полуострова.

Камчатка – край своеобразный, незабываемый. Отсюда начинается каждый новый день, здесь восходит солнце России. Величественны вершины гор, убеленные даже летом снеговыми шапками. Насчитывается 120 вулканов, в том числе один из высочайших действующих в мире – Ключевская Сопка, 4 750 метров над уровнем моря. Тысячи рек и речушек торопливо сбегают с крутизны хребтов к волнам Тихого океана.

Все это природное богатство привлекает тысячи туристов, художников, охотников и фотографов. Так что сама природа велит энтузиастам объектива и видоискателя создать в Петропавловске-Камчатском одно из самых известных в стране творческих объединений. Хочется пожелать камчатским фотохудожникам больших успехов, радовать и удивлять зрителей не только полуострова, но и других регионов.

Дитя тундры. Фото Анатолия Погрецкого

Перед дорогой. Фото В. Барета

Байки оленеводов. Фото Анатолия Пчелинцева

Рывок.
Фото Владимира
Бондаренко

ГЛАДКАЯ
Елена Дмитриевна –
заместительдиректора Музея современного искусства Еврейской автономной области (Биробиджан) член Союза художников России

ДАНИЛОВА
Варвара Михайловна –
директор Дома народного творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры

ДУБИНИНА
Нина Ивановна –
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва)

ИЗМАЙЛОВА
Марина Владимировна –
заведующая экспозиционно-выставочным отделом музея им. Н.И. Гродекова

КАТЕРИНИЧ
Валентина Николаевна –
кандидат филологических наук, преподаватель латинского языка, литературный краевед

КВАШИН
Виктор Георгиевич –
сотрудник музея Института биологии моря Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), автор ряда литературных произведений (роман «Остров счастливого Змея», сборник сказок «Хозяин моря» и др.), посвященный экологическим проблемам

КИМОНКО
Надежда Ефимовна –
зав. отделом традиционной культуры Дома народного творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры

КИРПИЧЕНКО
Татьяна Васильевна –
старший научный сотрудник отдела краеведческой литературы ДВГНБ, председатель клуба «Краевед»

КОПЫТИН
Сергей Михайлович,
ведущий библиотекарь Хабаровской краевой детской библиотеки им. Н.Д. Наволочкина

КРИВЧЕНКО
Любовь Анатольевна –
главный специалист отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края

КУЗНЕЦОВА
Елена Федоровна –
главный хранитель фондов Хабаровской краевой детской библиотеки им. Н.Д. Наволочкина

МАЛЯВИН
Андрей Викторович –
археолог и экспозиционер. Заведующий отделом экспериментальной археологии Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова (Музей археологии)

НИКИШИНА
Елена Владимировна –
главный специалист отдела использования и публикации Госархива Хабаровского края

ПОЗИНА
Наталья Сергеевна –
заведующая сектором истории, культуры и искусства Краевого музея имени Н.И. Гродекова

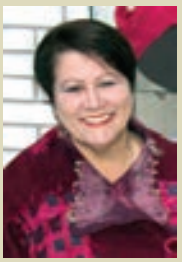
ПРИВАЛОВА
Ольга Юрьевна –
искусствовед, член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

РАДИШАУСКАЙТЕ
Наталья Витаутовна –
главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников» Дальневосточной государственной научной библиотеки

СИМОНОВ
Игорь Александрович –
фотограф, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов РФ

СОКОЛОВ-ЛЕРМОНТОВ
Владимир Николаевич –
член Между-народной ассоциации «Лермонтовское наследие», эксперт комиссии по подготовке празднования 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова при Министерстве культуры России, автор статей и книг по истории, культуре, искусству России и русской армии. Капитан Российской армии. Правнучатый племянник М.Ю. Лермонтова (Ставрополь)

СТАРУН
Наталия Ивановна –
заведующая сектором русского искусства Дальневосточного художественного музея



ТАРАСОВА
Ирина Арсеньевна –
специалист по жанрам отдела любительского творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры

ТИХОВСКАЯ
Любовь Васильевна –
заведующая структурным подразделением №6 МУК «Городская централизованная библиотека» (Комсомольск-на-Амуре

УСЕНКО
Людмила Николаевна –
преподаватель физики, ветеран труда, член совета ветеранов ДВГУПС

ШИШКИНА
Виктория Авенировна –
доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна ДВГГУ, член Союза художников России, искусствовед

Журнал «Словесница Искусств»:
подписка на 2-е полугодие 2015 года

Подписной индекс – **14 396** (каталог МАП)

Подписку можно оформить в любом отделении
Почты России по Хабаровскому краю

Тема следующего номера – **«Литературные встречи»**

ЕВТУШЕНКО Владимир Павлович – скульптор, работает в области живописи, декоративно-прикладного искусства, иконописи.

Родился в 1943 году, закончил художественно-графический факультет Хабаровского пединститута (1975), с 1970 года работал художником-оформителем в мастерской Художественного фонда. Член Союза художников России с 1984 года. Участник городских, краевых, зональных и республиканских выставок с 1978 года.

В разное время занимался художественным проектированием, медальерным искусством (серии «Их именами названы улицы г. Хабаровска», «К 30-летию Гаагской конвенции», «Окончание строительства БАМа», «Народные мастера»), витражом.

С середины 1990-х годов Владимир Евтушенко работает с художницей Верой Евтушенко. Ими воссоздана техника иконописи темперой по левкасу, написаны иконы для иконостасов в храмах святого Иннокентия епископа Иркутского, Успения пресвятой Богородицы, святого Николая Мирликийского в Хабаровске, а также иконы избранных святых для разных приходов Хабаровского края.

Произведения В.П. Евтушенко находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея (г. Хабаровск), Музейно-выставочного центра Забайкальского края (г. Чита).

Ч.З. Киле. Медаль. 1985
Гальванопластика

Ю.С. Рытхэу. Медаль. 1985
Гальванопластика

К.П. Белобородова. Медаль. 1985
Гальванопластика

Евтушенко Владимир, Евтушенко Вера.
Апостол Лука пишет икону Божией Матери. 2004.
Дерево, левкас, темпера

Евтушенко Владимир, Евтушенко Вера.
Святой Георгий Победоносец. 2010.
ДСП, левкас, темпера. 129 x 89